

С. Небыкова

С ПОПРАВКОЙ НА ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ

Типология в стиле фэнтези

alternativa-gazeta.ru
полиграф-верстка.рф

От автора

С. И. Небыкова

Право на выбор. Типология в стиле фэнтези

В книге представлен авторский подход к типологии. Автором избрана художественная форма изложения. Занимательный сюжет, подача научного материала через конкретные ситуации помогут читателю легко войти в тему. Герои повести владеют современной типологией, через нее осмысливая взаимоотношения, собственные поступки и судьбы.

Действие повести отнесено к началу четвертого тысячелетия. События происходят на Земле и на планете из рассеянного звездного скопления М35. Типологические закономерности отслеживаются на землянах четвертого тысячелетия, на людях середины 60-х XX века и – в экспериментальном варианте — на жителях планеты М 35.

Книга снабжена приложениями, которые обеспечивают вдумчивого читателя сведениями, необходимыми для самопознания и понимания окружающих.

Рекомендуется всем, кому интересно разобраться в самом себе и в основах взаимоотношений с близкими, друзьями, врагами, глубже понять историю, литературу, психологию.

У Нильса Бора на двери была прибита подкова. Один из гостей воскликнул:

— Как, профессор, вы верите в эти предрассудки?!

— Верим мы или не верим — это работает.

Так вот, типология, основанная на юнговских психических функциях и удвоенной модели А, РАБОТАЕТ.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ I. ШАГ В СТОРОНУ.....	7
ГЛАВА 1. Земля — колыбель человечества.....	8
Совет Бессмертных и остальные.....	8
Психологическая совместимость	18
Методы обучения.....	33
ГЛАВА 2. Экипаж под задачу.....	44
Задача	44
Обычный подход к формированию экипажей	53
Агилар в центре внимания Бессмертных.....	57
Все — или почти все — об Агиларе.....	59
ГЛАВА 3. Своя игра.....	76
Сон.....	76
На Совете Бессмертных	85
ГЛАВА 4. Отдых в XX веке	91
Турбаза «Терскол».....	91
Пикет 105	98

СОДЕРЖАНИЕ

Приют одиннадцати	103
Горное озеро	108
Утес.....	109
ГЛАВА 5. В поисках Ириды	120
Прощай, Терскол!	120
В поезде.....	124
Взросление.....	130
ЧАСТЬ II. ПЕРЕЗАГРУЗКА.....	137
ГЛАВА 1. Выздоровление.....	138
Возвращение к жизни	138
Разговор с Главным Бессмертным	144
Встреча с Мириной	148
ГЛАВА 2. Подготовка к полету.....	156
Хосе и Виктория	156
Мануэла и Агилар	165
Малый Совет.....	173
ГЛАВА 3. Изумрудная планета	189
Последние штрихи.....	189
Планета из М 35.....	196
Встреча.....	198
ГЛАВА 4. Противоборство	219
Время убивать.....	219
Выбор	226

ЧАСТЬ III. БОЛОТНЫЙ КОКТЕЙЛЬ..... 235

ГЛАВА 1. Перед разлукой 236

Изумрудные слезы..... 236

Внутренние ресурсы 241

Строительство..... 261

ГЛАВА 2. Потусторонние 265

Тайна Мануэлы..... 265

Болотные игры 269

ГЛАВА 3. Рефрейминг..... 275

На пути к примирению..... 275

Погружение в болото..... 279

ГЛАВА 4. Маленький гений 303

Мануэль 303

Ханна 313

Онни 319

**ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Психологические типы
главных героев..... 326**

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Модель А..... 329

ЧАСТЬ I ШАГ В СТОРОНУ

ГЛАВА 1

ЗЕМЛЯ — КОЛЫБЕЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

*Человек утратил способность
предвидеть и предотвращать.
Он кончит тем, что разрушит
землю.*

А. Швейцер

Совет Бессмертных и остальные

Казалось, он был всегда. Но если заглянуть в историю, он возглавлял Совет Бессмертных не более пятисот лет.

Его звали Олег. Постепенно имя почти забылось. Его чаще называли Главным Бессмертным. Он не возражал.

Он был высокого роста, худощавый и стройный. Волос на голове не было, но череп был совершенной формы. Наверно, с волосами Главный Бессмертный выглядел бы не так гармонично.

Волосы — для связи. Для получения информации из космоса. Ему это было не нужно. Он был самодостаточен. Он слышал только себя.

Лицо было слегка удлинненное, с правильными чертами. Глаза большие, близко посаженные, необычного светло-желтого цвета с слегка зеленоватым оттенком. Рот тонкий, твердый. Он излучал ум, спокойствие и холодную силу.

Возраста у Главного Бессмертного не было. По внешнему виду ему можно было дать лет двадцать пять — тридцать.

Он возглавил Совет Бессмертных в тот год, когда Земля, казалось, была обречена. Атмосфера рассеивалась. Конец света, который так много раз предрекался, подступил близко.

Люди потеряли надежду. Активизировались наиболее бесшабашные элементы. Повсеместно происходили грабежи и убийства. Пылали пожары.

Главный Бессмертный взял на себя управление Землей. Он окружил себя гениями в области техники. Земля, и до этого шедшая по пути все большей технизации, превратилась под его властью в совершенную машину.

Он удержал то, что можно было удержать. Заставил работать. Прекратились грабежи, не стало пожаров.

Высокий уровень техники позволил создать условия для нормальной жизни.

Возобновились контакты с другими планетами.

Постепенно Земля приобрела тот облик, который стал привычным для ее обитателей.

Сверхвысокий уровень технического развития и помощь других, внеземных цивилизаций позволили создать вполне приемлемые условия для жизни землян.

Излишеств не было. Все было рассчитано. На Земле не было ни одного лишнего человека. Дети рождались в том количестве, какое было необходимо, и с теми характеристиками (чтобы не сказать: параметрами), какие были востребованы.

Управлял Землей Совет Бессмертных. Во главе с Главным Бессмертным.

В задачи Совета Бессмертных входило обеспечение жизни на Земле, планирование будущего, взаимодействие с внеземными цивилизациями — политическое, научное, культурное, торговое.

За обеспечение жизни на Земле отвечали трое: Эвриал, Махаон, Алкеста.

Их имена были из Древней Греции и несли в себе мощную энергетику тех времен.

Эвриал был храбрым ахейским воином, сыном Мекестия, потомком царя Талайона.

Махаон — имя одного из сыновей древнегреческого врача Асклепия. Вместе со своим братом Подалиром он врачевал раны ахейцев в кровопролитной троянской битве.

Алкеста занималась вопросами воспитания детей, образованием и поддержкой высоких моральных принципов.

Алкеста — имя жены Адмета, царя города Феры в Фессалии. Боги дали ему возможность отсрочить смерть, если кто-нибудь согласится умереть вместо него. Жена Адмета

Алкеста согласилась умереть вместо мужа, но Геракл, гостивший в это время у Адмета, отбил ее у бога смерти.

Гомер называет Алкесту «дивной женою, прекраснейшей всех из Пелиевых дочерей».

Эвриал ведал техникой. Техническая оснащенность Земли была на высочайшем уровне. У землян не было бытовых проблем: в распоряжении каждого была система умных механизмов, предупреждавших его желания и выполнявших задания. К этим системам привыкли и называли их просто «машины».

Махаон отвечал за медицину.

Уровень медицины был настолько высок, что на Земле умирали только естественной смертью, прожив положенные 120–150 лет. Впрочем, это относилось только к тем, кто работал на Земле. Основная часть населения покидала свою планету по заданиям Совета Бессмертных. Бессмертные же имели преимущество перед остальными: их жизнь и молодость простирались до семисот-восьмисот лет.

Впрочем, и это был не предел. Удаление генов, отвечающих за повреждение ДНК, позволяет увеличить продолжительность жизни до тысячи и более лет. Но главное — не просто продлить жизнь, а продлить ее, сохранив молодость. Секрет молодости — в биологической чистоте, клеточный. Клетки очищают организм до определенной степени. Что не смогли, поступает к «специалистам» — близасомам. Там происходит переработка того, что не удалось обработать клеткам. Если на этом уровне встречается нечто, с чем не справляются близасомы, это нечто остается в них навсегда.

Накапливаясь, эти загрязнения выводят из строя механизмы очистки второго уровня. Загрязненный организм начинает быстро стареть, болеть и умирать. Введение в него микробов, специализирующихся на разложении биологических скоплений (митохондрий), выводит организм из тупика.

Биологическая очистка на этом уровне способна продлевать жизнь и молодость практически до бесконечности.

Так что продолжительность жизни Бессмертных определялась или самими. Мало кто выдерживал девятьсот — тысячу лет.

Возможно, их имена не были даны им их родителями. Скорее всего, это были псевдонимы, принятые ими при вступлении в Совет Бессмертных. Но этого уже никто не помнил.

Будущее планировала Юлиана. Это было не так сложно: под управлением несменяемых Бессмертных будущее представляло собой устойчивую систему, экстраполяцию прошлого.

В планирование будущего входили расчеты поступлений с других планет энергии и сырья, получение энергии от солнечных вспышек, определение необходимого количества людей для работы на Земле и для космических полетов.

Взаимодействиями с другими цивилизациями занимались трое: Настес, Мирина и Георг.

На Настесе была техника. Он отвечал за космические полеты.

В XXI веке предположили, что закономерности, действующие в микромире, внутри атома, универсальны и их можно приложить к макромиру. Возникла гипотеза, что

между пространством и временем не существует жесткой связи. Наша Вселенная еще очень молода, слишком мало времени прошло с момента Большого взрыва. Поэтому она неоднородна. Равномерность распределения энергии в ней еще не успела установиться. А раз так, во Вселенной существуют области с переменной скоростью света. В ней есть космические струны, в которых порог скорости более высокий, чем в окружающем их пространстве.

Это подтверждалось тем, что спектральный анализ звездного излучения не тождественен в северном и южном полушариях. Этот анализ содержит не только данные о химическом составе, но и об электромагнитных взаимодействиях. Различия, определяемые положением наблюдателя, говорят о том, что свет непостоянен. Скорость света меняется. Следовательно, где-то во Вселенной есть скоростные магистрали. Их называли космическими струнами. Космические струны, таким образом, — это области с повышенным порогом скорости. Они могут служить скоростными магистралями, по которым можно достичь нужного места. Если встроить космолет в пространство, окружающее космические струны, то для полета в соседнюю звездную систему или галактику понадобятся не десятки тысяч или миллионов лет: время прохождения такой струны будет соизмеримо с временем человеческой жизни.

Возникли практические проблемы. Во-первых, в квантовых кротовых норах, или в кротовинах, — так называли космические струны — нет точного времени прибытия. Неизвестен и пункт назначения. Во-вторых, чтобы войти

в кротовину и уцелеть, необходимо создать механизм, препятствующий ее схлопыванию. Для стабилизации кротовин нужна колоссальная энергия.

Постепенно гипотеза о наличии во Вселенной космических струн превратилась в теорию, а теория стала основой практических открытий в этой области.

Следующим шагом была идея телепортации человека. Путь к телепортации лежал через квантовые сплетения — загадочный объект, который Эйнштейн называл колдовством на расстоянии.

В микромире благодаря квантовому сплетению связь между двумя элементарными частицами устанавливается независимо от расстояния, минуя другие элементарные частицы. В основе этой связи — потоки фотонов, несущие информацию от одного объекта к другому и обратно.

Предположили, что если превратить человека в поток фотонов, можно переместить его в любую точку пространства за считанные мгновения. В месте прибытия поток фотонов снова преобразуется в человека, причем без информационных потерь. За этим процессом в научно-фантастической литературе закрепилось название «нуль-транспортировка». Впоследствии это название стало термином и перекочевало в научный обиход.

Впрочем, совет Бессмертных допускал нуль-транспортировку только в пределах Земли: здесь можно было поправить случайный сбой. Для межпланетных, межзвездных и межгалактических путешествий использовали кротовины.

В задачу специалистов по кротовинам входило обнаружение таких объектов, изучение их характеристик и перспектив использования для перемещения в космическом пространстве, а также создание условий для стабильности нужных кротовин.

В случаях, когда естественных проходимых кротовин не обнаруживалось, создавались искусственные.

Кроме того, Настес руководил разработкой проектов и изготовлением межпланетного транспорта. Назначал время убытия и прибытия товарных и пассажирских кораблей.

Мирина подбирала экипажи, контролировала их подготовку и обучение.

Георг разрабатывал контакты с новыми для землян планетами, контролировал развитие и совершенствование уже сложившихся. Его интересовали все аспекты взаимодействия с внеземными цивилизациями, но главным было поддержание жизни на Земле. А это означало приток на Землю всего необходимого: своих ресурсов у нее не оставалось — только стратегический запас «на всякий случай».

Земля в обмен на энергию и сырье поставляла технологии управления жителями планет и техникой.

Больше всего средств расходовалось на поддержание жизни и работоспособности восьми Бессмертных, включая Главного Бессмертного.

Бессмертие доставалось не только им: частичку бессмертия можно было заработать. Им награждали за особо выдающиеся заслуги.

Следующей по важности группой были те, кто непосредственно подчинялся Бессмертным.

Это были специалисты. Программисты. Инженеры. Медики. Воспитатели. Межпланетные политики.

Далее шли те, кто обслуживал первые две группы: диетологи, архитекторы, дизайнеры, модельеры, ландшафтники, сценаристы, режиссеры. Все они работали на уровне программ. По их программам создавались продукты питания, жилища, одежда, ландшафты, видеотеатры, концертные залы, видеобиблиотеки.

Поскольку вся техническая работа выполнялась на высоком технологическом уровне, ни крестьян, ни рабочих не требовалось.

Но население Земли этими тремя группами не ограничивалось.

Низшую ступень составляли земляне, отправлявшиеся на другие планеты. У них были разные задачи, и они подбирались, точнее, рождались под эти задачи. Делалось это очень просто: о ребенке на ранних — даже сверх ранних — сроках беременности получали полную генетическую и типологическую характеристику. Ребенок с нужным качеством рождался, с ненужным «рассасывался».

Этой группе бессмертия не полагалось. Да они о бессмертии и не думали. Их увлекала задача. Им было хорошо вместе, так как экипажи формировались по принципу психологической совместимости.

А бессмертие... Оно было противоестественным. Зачем застревать на одном из воплощений?

Что так увлекало Бессмертных? Страх перед переходом? Привычка к этой жизни, к этому телу?

Главного Бессмертного еще можно было понять: его страстью была власть. Такая власть не снилась ни одному завоевателю прошлого.

Впрочем, он заслужил право на власть. Он был гением и окружил себя гениями. Он спас Землю и удерживал ее над бездной.

Конечно, в бессмертии был смысл: за сотни прожитых лет люди, включенные в Совет Бессмертных, набирали жизненный опыт и знания. Это позволяло им грамотно управлять Землей. Но в этом была и опасность стагнации: застревая надолго в одном из воплощений, они создавали условия для застревания своей цивилизации на одном из этапов.

А может быть, и лучше жить без всяких перемен, без потрясений? Кто может это оценить, если у Земли нет планеты-двойника, во всем ей идентичного, но без Совета Бессмертных...

Низшая группа землян на Земле не задерживалась. Они рассеивались по Вселенной, выполняя важную миссию: помогать другим цивилизациям перейти на высшие технологические уровни, спасать тех, кто в этом нуждался, просвещать тех, кто был готов идти по пути совершенствования.

Обмен Земля получала такие мелочи, как энергия и сырье, которых у юных цивилизаций было много и цену которых эти цивилизации еще не знали.

Разумеется, существовали планеты с более высоким уровнем развития, чем Земля. Среди них две покровительствовали землянам. Именно они помогли Земле уцелеть, подбросили ей высокие технологии и продолжали поддерживать.

Некоторые относились к Земле настороженно, но не вмешивались в ее дела.

Были и конкуренты, но они не решались на открытую конфронтацию. Во-первых, у землян были высокие покровители. Во-вторых, политика Главного Бессмертного была разумна. Он не задевал интересов других цивилизаций, был уступчив, при этом слегка «поигрывал мускулами», обозначая свои границы.

Психологическая совместимость

Земная цивилизация развивалась как технократическая.

Не то чтобы совсем были преданы забвению гуманитарные науки. Вовсе нет. Было достаточно талантливых художников, музыкантов, литераторов, философов. Но главным был мир техники, технологий. Все остальное было подчинено техническим задачам. Все остальное служило техническому прогрессу.

Одним из ведущих направлений была типология — наука о психологических типах людей. Она была в основе взаимоотношений на Земле, подбора экипажей межпланетных кораблей, взаимодействий с внеземными цивилизациями.

Типология началась с древних греков. Они открыли четыре типа темперамента. От них и пришли термины: холерик, флегматик, сангвиник и меланхолик.

Холерик от hole — желчь. С сильной волей, вспыльчивый, способный вести за собой и подавлять.

Флегматик от phlegma — лимфа, слизь. С сильной волей, медлительный, очень надежный.

Сангвиник от sangva — кровь. Яркий, талантливый, общительный.

Меланхолик от melanhole — черная желчь. Со слабой волей, утомляемый, внимательный к мелочам, интуитивный.

Эти характеристики выдержали испытание временем. Они схватывали природу человека, самую его суть.

Но не только древние греки это поняли. Возможно, типы темперамента открыли еще до них. И сделали это воины.

Древнее конное войско не имело структуры — всадники неслись лавой. Но единицей этого войска не был один всадник — его единицей была четверка всадников.

Вел четверку Герой. Смелый, думающий только о победе. Он заряжал своей энергией остальных. Не помнил о стрелах и копьях врагов. Не боялся ни смерти, ни ран, ни засад. Герой древнего конного войска был холерик.

Его спину прикрывал Таран. Скорее всего, и его конь был похож на него: мощный, немного медлительный, надежный. Таран был флегматик.

Свободно и легко скакал Арлекин. Легкий быстрый конь. Находчивый, остроумный всадник. Он мог опережать Героя и Тарана, мог отставать, мог скакать сбоку. Он сбивал с толку противника, дразнил, завлекал, выводил из себя. Арлекин был сангвиник.

Последним скакал Человек-антенна. Он был слабее других. Но он чувствовал, где засада, как дальше развернется битва. Человек-антенна был меланхолик.

Через эти четверки конных воинов легче понять, для чего нужен холерик, или флегматик, или сангвиник, или меланхолик. Они вместе были очень хорошей компанией. Каждый служил остальным. А они служили ему. Вместе они не были арифметической суммой. Вместе они были сильнее на порядок. Или на два порядка.

Была еще одна очень древняя типология — карты Таро.

В картах Таро было зашифровано древнее знание. Их создатели искали способ, как передать это знание будущим поколениям. Через многие тысячи лет.

Кто они были? Кому передавали эту информацию? Пришельцы с других планет? Они хотели, чтобы их услышали те, кто за многие века поднимется до понимания их посланий? Посланий через дикарей, рабов и их хозяев, крестьян и феодалов, рабочих и капиталистов. Через все формации.

Что могло уцелеть на столь долгом пути?

Только две вещи: игра и гадание. Люди больше всего любят играть и угадывать будущее. Поэтому свои послания эти неведомые существа, носители знаний, зашифровали в картах Таро. В старших арканах¹ они зашифровали представления о мироздании, о судьбе, об ответственности за себя и других.

В младших арканах — в арканах личностей они зашифровали психотипы людей.

Они нам передали 16 типов людей. Но никто этого не заметил, потому что те, кто занимается наукой, не играют в карты и не гадают. А те, кто играет в карты и гадает, не зани-

¹ Аркан — от латинского *arcanus* — тайный.

маются наукой. Человек идет либо по пути познания и высших радостей, либо по пути удовольствий и развлечений.

Арканы личностей не были замечены учеными, но когда в них настала нужда, их открыли заново. Это произошло в конце XX века. Все те же 16 типов.

И они удивительно совпали с арканами личностей. Впрочем, почему удивительно? В их основе была человеческая природа. Энергетические и информационные потоки. Способы получения и обработки информации. Способы реагирования на воздействия. Способы взаимоотношений.

Арканы личностей подразделялись на четыре масти. В каждой масти были: король, символизирующий волю; королева, символизирующая чувства, стабильность; рыцарь, символизирующий времена года, изменчивость; паж, символизирующий разум, зависимость, незрелость.

В психологии им соответствовали четыре типа темперамента.

Королю соответствовал холерик, королеве — флегматик, рыцарю — сангвиник и пажу — меланхолик.

Четыре типа темперамента пришли из древнегреческих представлений о человеке. В XX веке, веке автомобилей, их рассматривали через понятия силы и слабости нервной системы, силы и слабости процессов возбуждения и торможения. Если перевести это в термины, характеризующие автомобили, то получим следующее.

Холерик — человек с сильным типом нервной системы, сильным двигателем, быстрым зажиганием и слабыми тормозами.

Флегматик — человек с сильным типом нервной системы, сильным двигателем, медленным зажиганием, сильными тормозами.

Сангвиник — человек с сильным типом нервной системы, сильным двигателем, быстрым зажиганием и сильными тормозами.

Меланхолик — человек с слабым типом нервной системы, слабым двигателем, быстрым зажиганием и слабыми тормозами.

Отсюда особенности каждого типа.

Вспыльчивость, пробивная сила, способность управлять людьми холерика.

Медлительность, основательность, надежность флегматика.

Легкость в общении, быстрая переключаемость сангвиника.

Утомляемость, восприятие слабых сигналов, неадекватные реакции на сильные раздражители меланхолика.

Все эти особенности хорошо просматриваются в «Илиаде» Гомера.

Холерики (короли, Герои) — верховный царь Агамемнон и противостоящий ему царь Ахиллес.

Флегматики (королевы, Тараны) — Клитемнестра (супруга Агамемнона), Пенелопа (супруга Одиссея).

Сангвиники (рыцари, Арлекины) — хитроумный Одиссей, старец Нестор.

Меланхолики (пажи, Люди-антенны) — жрец Хрис, верховный птицегадатель Калхас.

Что произошло с типами темперамента, когда в конце XX века арканы личностей были вновь открыты, но под другими названиями? Они не исчезли — они стали богаче.

Каждый тип темперамента теперь имел четыре варианта, и эти варианты определялись принадлежностью к квадре.

В гадании Таро арканы личностей подразделялись на четыре масти, в типологии психотипы — на четыре квадры.

Каждая квадра имела свои цели, все ее члены следовали духу квадры. При этом описания мастей в картах Таро в основных чертах совпадают с описаниями квадр.

Кем, когда, какими методами создавались описания королей, королев, рыцарей, пажей? Кто стоял за всем этим?

Сколько тысячелетий это сохранялось?

Кем задумано, чтобы люди распределялись по квадрам?

Представители одной квадры, квадралы, замечательно подходят друг другу. Рядом с квадралами человек ощущает себя более талантливым, более здоровым. Они подпитывают друг друга энергетически, берут на себя то, что легко им и трудно их квадралам.

Их цели, мечты, поступки, общение соответствуют духу квадры.

Получается, что, объединенные в квадр, они гармонизированы и на физическом, и на эмоциональном, и на духовном уровнях.

Итак, в каждой масти есть свой король, своя королева, свой рыцарь и свой паж. Они имеют общие черты с королями, королевами, рыцарями и пажами других мастей, но и отличаются от них, неся в себе особенности, дух квадры.

Получается, что каждый тип темперамента имеет четыре варианта, в зависимости от принадлежности к квадре.

Квадра АЛЬФА — для научного творчества, открытий, искусства (театр, музыка).

В картах Таро это масть кубков. Кубки — символ свободы, творчества, божественности.

В этих сферах не нужны сильная воля, подавление, поэтому все характеристики типов темперамента смягчены, сдвинуты, слегка «перепутаны». Холерик смещен в сторону сангвиника, флегматик тоже в сторону сангвиника. Сангвиник, наоборот, усилен в квадре АЛЬФА, он подвинут в сторону холерика. Меланхолик смещен к флегматику, дополняя его.

Квадра БЕТА — для тоталитарных структур: армии, тюрем, полиции, школы.

В картах Таро ей соответствует масть мечей.

В этой квадре и холерик, и флегматик очень волевые, подавляющие. Сангвиник — двуликий Янус: среди своих открыт, талантлив — и музыкально, и поэтически, блещет остроумием. Среди малознакомых и тех, кому не доверяет, отстранен, сдержан, высокомерен, язвителен.

Меланхолик слаб, чувствителен, капризен, тонко использует силу своих квадралов.

Вся квадра любит манипулировать и друг другом, и окружающими.

Квадра ГАММА — для изменчивых ситуаций, прокладывания новых дорог, географических открытий, разведки полезных ископаемых, экипажей кораблей, самолетов, подводных лодок.

Ее представители прекрасно работают в коллективе. Они открыты, доверчивы, щедры. В их среде редки — а может быть, и невозможны — манипуляции.

В картах Таро ей соответствует масть посохов. Посох — символ путешественника. Масть посохов символизирует активное мужское начало.

Холерик волевой, открытый, дружелюбный. Он не подавляет, а вдохновляет, одаривает своей энергией, увлекает за собой.

В картах Таро подчеркивается его щедрость и дружелюбие.

Флегматик тверд в своих принципах, заботлив, жертвенен.

Сангвиник квадры ГАММА обаятелен, влюбчив, любит шутки и экстрим.

Меланхолик задумчив, очень творческий, обладает даром пророчества.

В целом эта квадра хорошо спаяна, ценит дружбу, мужественна. Все четыре типа темперамента проявлены отчетливо.

Квадра ДЕЛЬТА самая практичная из всех квадр. Это квадра потребителей.

Она нацелена на финансовые потоки, на бизнес, юриспруденцию — на все, что приносит выгоду и что помогает защитить приобретенное.

В картах Таро ей соответствует масть пентаклей, то есть масть монет. Подчеркивается ее направленность на материальные блага.

В квадре ДЕЛЬТА все типы темперамента, кроме сангвиника, смещены. Холерик приближен к флегматику, флегматик к меланхолику, меланхолик к флегматику.

Сангвиник талантлив во всем, особенно в общении. Ему интересны незаурядные люди. Это прирожденный журналист, особенно теле- и радиоведущий. Ответственности не любит. Всегда готов прийти на помощь, но не обязателен.

Квадра умеет жить и дает жить другим.

Когда типология вышла на 16 типов личности, она на некоторое время застряла на этом этапе. Хотя с самого начала было ясно, что в 16 психотипов человечество не укладывается.

Следующий шаг был сделан в конце XX века, но и в начале XXI века типологи держались за 16 типов. Наверно, потому, что шаг был слишком простой. Он заключался в признании психотипа моделью. Психотип же составляют две модели.

Почему именно две?

Потому что одна — «детская», вторая — «взрослая». Одна — из прошлой жизни. Вторая — для будущего воплощения.

Сначала человек приходит на Землю в одной модели. Это и есть его психотип. Он еще очень примитивен.

Второй раз он приходит на Землю, имея две модели. Первая — та, что была в первом воплощении. Вторая — одна из оставшихся пятнадцати. Задача этого воплощения — освоить вторую модель.

Затем первая модель уходит глубоко в подсознание. Ее место занимает в третьем воплощении вторая модель из второго воплощения. Она теперь первая, а к ней присоединяется модель из оставшихся четырнадцати.

Так мы перебираем и осваиваем, воплощаясь, все шестнадцать моделей.

Последнее воплощение снова в одной модели. Эта модель и есть психотип. Но теперь в подсознании его носителя — опыт всех прежних жизней. Память о всех моделях.

Когда тип темперамента первой модели совпадает с типом темперамента второй модели, темпераментные характеристики усиливаются. Например, если первая модель — холерик квадры БЕТА, а вторая — холерик квадры ГАММА, то это будет холерик в квадрате.

Если обе модели из одной квадры, такой человек будет гармоничным.

Когда типологи признали двухмодельный состав психотипа, типология стала наукой. Она стала работать, то есть превратилась в рабочий инструмент, в метод, вошла в практику.

Были разработаны программы определения моделей конкретных людей. Не только для того, чтобы знать их особенности: модели определяют типы взаимоотношений между людьми.

Основу модели составляют психические функции, открытые и описанные Юнгом в начале XX века.

Набор этих функций у всех людей одинаков. Различия определяются их ролью в психической структуре конкретного человека. Получается своеобразная система координат.

Например, человек по имени Михаил воспринимает мир через функцию логики. В школе Михаилу будут интересны математика, программирование, физика.

А вот реагирует, действует Михаил по интуиции. Это значит, что он учитывает перспективу, думает о будущем.

Эти две функции самые сильные. С общением у Михаила могут быть проблемы или даже зависимость от другого человека.

Есть еще функции для экстремальных ситуаций.

Всего психических функций восемь в каждой модели.

От того, как расположены эти функции в системах координат двух людей, зависит их общение. Оно может быть комфортным или дискомфортным. Один человек может хорошо понимать другого, а может подавлять его или подавляться этим другим, или конфликтовать с ним.

Обе модели — «детская» и «взрослая» — слиты воедино, но все же в начале жизни «детская» модель ведущая, а после 20–30 лет (у кого как) ведущей становится «взрослая» модель.

Отношения между людьми определяются их ведущими моделями, но и неведущие также включены в общение. Вот почему между прожившими вместе десятков лет вдруг начинаются разногласия. По этой же причине меняются отношения между отцом и сыном — сын перешел на «взрослую» модель, и теперь ему труднее — или, наоборот, легче — ладить с отцом.

До того как типология стала основой создания производственных, творческих коллективов, агентств и офисов, отношения внутри них складывались стихийно. «Чужаки» вытеснялись, коллектив становился однородным. Или распадался.

«Чужаками» были те, кто не подходил ядру коллектива. Как правило, это были представители других кадров.

Позже, когда был составлен атлас психотипов, когда типология вошла в школьные и институтские программы, положение изменилось. Коллективы стали формироваться под руководителя и задачу.

С семьями было сложнее.

Влюбляются не по схеме и не по системе координат психических функций. Впрочем, понять это дано не всем. Отклонения от типологии в любви и дружбе многие рассматривают как аномалию, неправильность, каприз или даже глупость.

По поводу первых воплощений возникали самые разнообразные гипотезы.

У большинства людей первые шесть воплощений относятся к физическому плану. Это означает перевес в сознании человека материальных интересов. Он живет в мире плотных материй, и его предназначение — служить людям с более высоким воплощением, освобождая их от материальных забот.

Поэтому некоторые философы и историки стали оправдывать рабство и крепостничество необходимостью подавлять людей физического плана. Если их не поставить в жесткие рамки, не заставить выполнять тяжелую физическую работу, то они принесут вред и себе, и своей цивилизации. Они не смогут идти по пути развития и совершенствования. Их надо подавлять и угнетать для их же блага.

Другие утверждали, что, даже совершая тяжкие преступления, человек приобретает опыт, следовательно, развивается. Обращались к описаниям преступлений, совершавшихся

тупыми и жадными людьми. Кара за эти преступления в виде тюрьмы или смертной казни служила их развитию.

А как быть с умными людьми, явно поднявшимися над физическим планом и совершившими преступления, повлекшие гибель многих людей?

Чем выше воплощение преступника, тем больший вред он способен причинить, тем больше людей он вовлекает в преступление, развращая их.

В одной из версий утверждалось, что наказание в этом случае на порядок страшнее, чем для людей физического плана. Люди физического плана, сбившиеся с пути истинного, могли в следующий раз прийти в мир с уродливой внешностью или трагической судьбой. Но те, кто поднялся выше, получали более жестокий урок. Да и урок ли это был, если у них стирали память об этом воплощении — или вообще о всех пройденных воплощениях, о всем опыте прежних жизней, и они начинали восхождение к вершине с нуля... Это больше напоминает наказание, чем урок.

Рассматривались признаки первых воплощений. Кроме повышенного интереса к вещам, стремления казаться, а не быть, выдвигался такой признак: отсутствие государственного мышления.

Человек физического плана стремится приспособиться к существующей системе, занять в ней престижное место, соответствовать ее требованиям. Он не думает ни о народе своей страны, ни о ее будущем. Он не связывает с нею свою судьбу.

Впрочем, существовали способы привить управляющему сословию ответственность за страну.

Наиболее успешной в этом плане была Япония. Прежде всего, в Японии существовала система, не допускавшая к управлению людей физического плана.

Делалось это просто: если отец убеждался, что его старший сын не справится с управлением своим имением или своей страной, он имел право сделать своим наследником второго сына или третьего, то есть, по понятиям отца, самого умного и ответственного. Если же ни один из его сыновей не годился на роль наследника, глава семьи мог усыновить ребенка своих родственников или друзей или подчиненных и ему передать бразды правления. Таким образом создавался фильтр, защищавший систему от людей физического плана.

Действие этого фильтра поддерживалось особым правилом, не применявшимся ни в одной другой стране. Правило заключалось в следующем: не выполнивший поручение вышестоящего лица или совершивший неблагоприятное деяние должен был покончить с собой. Обряд харакири совершался в храме, в торжественной обстановке. С пяти лет мальчик знал, что, может быть, именно так ему придется когда-нибудь уйти из жизни. И он рисовал на своем животе линию, по которой он при нерадивости или при совершении преступления должен будет провести ножом.

Харакири позволяло государственному служащему, допустившему промах, сохранить честь, а его семья не лишалась ни сословных привилегий, ни имущества. Так личные интересы соединялись с государственными. Так формировалось государственное мышление.

В Англии фильтр был другой: к управлению страной практически стихийно приходили люди с высоким планом воплощения и с государственным мышлением.

Путь к власти в этой стране лежал через самые престижные учебные заведения. Занявшие высокие должности приближали к себе своих бывших товарищей по учебе и спорту, которых хорошо знали и которым доверяли.

В странах, не имевших таких фильтров, люди физического плана прорывались к управлению государством. Они использовали «грязные» технологии, находя для себя лазейки в системе выборов и в предвыборной гонке. Дорвавшись до власти, они не заботились о стране — у них были другие задачи.

Положение в подобной стране можно сравнить с семьей, в которой власть захватили безрассудные подростки. Вместо того, чтобы платить за квартиру, покупать необходимые продукты, одежду, платить за обучение и т. п., они тратят деньги на свои прихоти: игрушки, мороженое, игровые автоматы, выпивку, наркотики. Если денег в семье не очень много, они, разрушив себя и свой дом, погибают. Если после всех приключений деньги еще остаются, они тратят их на приведение в порядок своего здоровья.

Это сравнение упрощает ситуацию. На самом деле в таких случаях было много политических, психологических и юридических сложностей и тонкостей, своеобразных в каждой стране. Но образ неразумных, плохо воспитанных подростков отражает основное в поведении людей физического плана, пришедших к власти.

Методы обучения

Многие века на Земле действовала система обучения, созданная Аристотелем.

Детей нагружали знаниями, заставляли учиться через «не хочу». Был развит чрезмерный контроль, который к концу XX века выродился в количественную проверку информированности.

Земле угрожало всеобщее отупение.

Расхождение между высоким уровнем технического развития и отсталыми методами обучения было очевидно всем. К середине XXI века система дошкольного, школьного и высшего образования была полностью изменена. В ее основу были положены идеи, возникавшие в самых разных странах.

Суть этих идей заключалась в внимании к природности, в учете особенностей детского восприятия мира. Предлагалось, во-первых, задействовать образное, творческое полушарие головного мозга, сновидческое, целостное сознание и подсознание ребенка. Во-вторых, вести ребенка по пути познания через познание себя.

Первым шагом был отказ от привычного расположения парт и учительского стола.

Когда учитель стоит лицом к классу — это противостояние. Учитель должен обладать сильной волей, чтобы подчинить себе класс. И на это подчинение уходит много сил.

Оказалось, можно по-другому. Можно поставить парты полукругом. Учитель по-прежнему в центре, но в центре полукруга. Как крупная бусинка в ожерелье.

При такой композиции энергии не спорят. Ими обмениваются. Их собирают в центре полукруга, и каждый получает больше, чем отдал. Получает уже не свою, а коллективную энергию, интеграл от энергий участников. И в этой концентрированной энергии большую часть составляет энергия учителя. Учитель же, поделившись ею с учениками, не истощился — он тоже получил интегрированную энергию, близкую ему. Потому что она структурирована его энергией, его интеллектом и заряжена творческими энергиями детей.

Изменилась подача материала.

Под тихую мелодичную музыку создается образ. Например, образ бабочки. У каждого своя бабочка. У кого-то голубая, у кого-то желтая. Капустница. Шоколадница. Экзотическая — из Южной Америки или Африки.

А потом, закрыв глаза, они мысленно бродят по лесным тропинкам, где встречают свою бабочку. Голос учителя ведет их, и дети заполняют крылья бабочки правилами грамматики. Кто-то рисует их яркой эмалью, кто-то представляет их как нежные лучи, которые, изгибаясь и закругляясь, превращаются в буквы и слова.

Вслед за этим учитель показывает им схематически изображенную бабочку с правилами на крылышках и просит нарисовать бабочку дома и вписать правила в ее крылья.

Учитель может принести магнитную бабочку. Учительница может надеть блузку с вышитой бабочкой.

Затем идет анализ правил и обыгрывание их в ситуациях — чтобы лучше запомнились.

Бабочку называли образцом, и она стала «транспортным средством» для извлечения из памяти нужной информации.

Использовалась кроме бабочки елка, на ветвях которой дети располагали, например, неправильные английские глаголы. Можно было принести в класс еловую ветку, открыть флакон с пихтовым эликсиром.

Для однородных членов предложения подходили веточки смородины. Ягоды в них были похожи, но и чуть-чуть различались: одни крупнее, другие мельче; одни созревшие, другие слегка незрелые, третьи зеленые или белые.

Веточки смородины приносились в класс, а после урока раздавались ученикам. Зимой и весной шли в ход замороженные ягоды — те, что держались на своих веточках.

Для темы «Вопросительные предложения» идеально подходили морские коньки, сами похожие на знак вопроса.

С морским коньком, на картинке или в виде игрушки, можно было беседовать, задавая ему вопросы. Например: «Кто ты?» «Ты рыба или млекопитающее?» «Где ты живешь?» «Чем ты питаешься?»

Отсюда можно было сделать шаг к биологии.

Невероятное дробление материала по предметам и на маленькие порции внутри каждого предмета постепенно преодолевалось. Как преодолевалось оно в медицине, разделенной на узкие специальности.

Модное когда-то высказывание, что открытия возникают на стыке наук, стало звучать анахронизмом: нет никакого стыка наук, есть их изначальное единство, раздробленное на отдельные науки ради удобства их постижения

и преподавания. Удобство весьма сомнительное: в головах учеников, да и педагогов, а может быть, и ученых вместо целостной картины мира создавалось лоскутное одеяло. Покров нищих.

В лучших школах отдельные предметы стали объединять в блоки: блок естественно-научных, блок гуманитарных дисциплин, математико-информационный блок.

В основу преподавания истории и литературы была положена типология.

Типолог определял психотипы учеников. Психотипы исторических деятелей и литературных персонажей были изучены и описаны на страницах книг по типологии и в Интернете.

А дальше готовилось что-то вроде исторического или литературного театра. Роли распределялись по совпадению психотипов ученика и исторического деятеля или литературного персонажа.

При полном совпадении психотипов двух человек, особенно если они совпадают по возрасту и плану воплощения, эти двое так похожи, что их называют двойниками. Но для целей обучения полное совпадение, во-первых, в большинстве случаев невозможно, а во-вторых, и не нужно. Достаточно, чтобы совпали их ведущие модели, а вторые были более или менее близки.

Классическим образцом такого театрализованного урока литературы стал урок, проведенный в начале XXI века в пятом классе одной из российских школ. Он был записан на видеокамеру и вошел во многие методические пособия.

Темой урока был рассказ И. С. Тургенева «Бежин луг». Сценой был пол перед доской.

На полу — зеленый плед, изображавший траву, и в рыжевато-бежевую клетку детское байковое одеяло, изображавшее рогожку, завернувшись в которую, спал самый младший из мальчиков семилетний Ванечка. Остальные четверо полулежали на зеленом пледе вокруг «костра», роль которого играл сосуд из огнеупорного оранжевого стекла. В сосуд был залит воск с вставленным в него фитилем. Спички символизировали дрова. Их время от времени подбрасывали в «костер», и пламя вспыхивало ярко и высоко. Потом пламя замирало — до следующей порции «дров».

Сначала определили психотипы И. С. Тургенева и мальчиков из его рассказа, затем протипировали всех мальчишек из этого класса. При подборе «актеров» основное внимание уделяли совпадению «детских» моделей. Роль И. С. Тургенева досталась мальчику, обе модели которого совпали с моделями писателя.

Пять девочек читали характеристики выбранных ими мальчиков (по тексту рассказа).

Мальчики, слегка обозначив одеждой XIX век, полулежали вокруг «костра» и беседовали.

Тургенев вошел из коридора, сказал ребятам, что заблудился, и попросил позволения отдохнуть у костра. Затем прошел к учительскому столу и расположился за ним, полулежа на стуле и прикрыв глаза рукой. Оттуда он подавал свои реплики, подчеркивая отстраненность от ситуации.

Ребята снова стали беседовать, вскоре забыв о госте.

Девочки вступали после первых монологов своих героев, озвучивая их характеристики.

Ребята играли самих себя. И они, и «зрители» были потрясены тем, как много было сходства между ними и их деревенскими сверстниками из позапрошлого века.

Из отзывов «зрителей»:

«Я как будто был у костра с этими мальчиками».

«Как будто мне показали кино».

«Я была там, но не у костра, а рядом с лошадьми. Я лежала за кустом, слушала разговоры ребят. Рядом вздыхали лошади. Я слышала, как они щиплют траву».

«Я был как бы в театре, но не совсем обычном. В таком театре, который как жизнь».

Теперь, конечно, этот рассказ разыгрывается в других декорациях.

Воспроизводится место действия, точно соответствующее тургеневскому описанию. Горит костер, ветер раскачивает кусты и траву, чуть дальше пасутся лошади. Компьютерные декорации, в которых действуют герои рассказа. Но главное остается прежним: дети играют своих сверстников из далекого века, совпадающих с ними по психотипам.

Со старшеклассниками ставились спектакли на исторические темы. Это могла быть французская буржуазная революция XIX века или отмена крепостного права в России.

Ученики стремились как можно больше узнать о своих персонажах, близких им типологически.

Спектакли выходили за рамки сценария, «актеры» включались в ситуации на полном серьезе. Каждый отстаивал свою позицию.

Происходило погружение в минувшие события. История переставала быть прошлым — она оживала, задевала струны души. Постигалась и запоминалась. Такое погружение расширяло духовное пространство личности подростка, помогало ему понять себя, задуматься о своей жизни, о своем будущем.

Благодаря новому подходу к обучению и воспитанию, родившемуся из отдельных прорывов в педагогике, ее слиянию с психологией и типологией, исчезла пропасть между учителем и учеником. Они стали единомышленниками на пути познания и самопознания.

На основе всех этих находок, казавшихся в начале XXI века случайными, была создана система обучения и воспитания творческих личностей.

Особое внимание уделялось изучению языков.

Обязательными были два древних языка, которые сохранились только в письменном виде. Никто не знал, как они звучат. Чаще всего ученики выбирали древнегреческий язык и санскрит, но можно было выбрать и другие так называемые мертвые языки.

Из «живых» языков обязательными были английский, испанский, немецкий, русский и французский.

При изучении языков соблюдалось несколько простых правил.

ПРАВИЛО ПЕРВОЕ: скорость усвоения должна была во много раз превышать скорость забывания. Это значило,

что языком нужно было заниматься каждый день. Хотя бы понемногу. Иначе возникает ощущение топтания на месте, неуспешности и собственной бездарности.

ПРАВИЛО ВТОРОЕ: повторение материала через определенные промежутки времени. Учитывались особенности памяти: полученную информацию человек сохраняет в полном объеме примерно двадцать минут. Затем начинается забывание. Если к этому материалу вернуться через двадцать минут, память удержит его в течение полутора часов. Если поддержать его в этот момент, время сохранности материала в памяти увеличивается до восьми часов. После повторения через восемь часов информация сохраняется почти без потерь в течение суток. При подкреплении через двадцать четыре часа она остается в памяти надолго, если не навсегда.

Количество повторений зависит от важности информации, от того, когда она будет востребована.

Такие подкрепления не требуют ни особых усилий, ни больших затрат времени. Заглянуть в текст или в словарь. Вспомнить содержание текста или слова, которые надо учить. Повторить стихотворение. Проверить, точно ли запомнилось склонение или спряжение.

ПРАВИЛО ТРЕТЬЕ: единицей изучения должен быть текст. Не слово. Не предложение. Только идя от текста, ученик усваивает сам язык, а не его фрагменты.

Было установлено, что структура текста инвариантна для всех языков и существует в головах людей до изучения конкретного языка. Различия только в способах манифеста-

ции текста. Только в том, как эта структура представлена в разных языках.

Приняв за единицу текст, мы тем самым включаем механизмы познания, имеющиеся в головах учеников изначально.

Сначала даются очень простые и короткие тексты. Микротексты, подчиняющиеся четким правилам. В английском, например, известное, данное обозначается определенным артиклем. То, ради чего создается текст, новое, неизвестное — неопределенным артиклем. В русском эту функцию выполняет порядок слов: в этих простых текстах новое, неизвестное помещается во второй части первого предложения. Во втором предложении оно займет первую часть предложения, во второй части которого будет следующее новое.

Затем идут разного рода усложнения. Ученики сначала прорабатывают микротексты, подчиняющиеся алгоритму № 1, затем № 2 и т. д. Всего 9–10 алгоритмов, после которых ученики выходят на естественный текст.

Понимая структуру текста, они легко схватывают его содержание, даже если не все слова им знакомы. Они их домысливают, угадывают, следуя логике текста.

При таком подходе ученики легко выходят на составление плана текста, на изложение текста и на построение собственных текстов.

ПРАВИЛО ЧЕТВЕРТОЕ: использование выученного материала в ситуациях, максимально приближенных к реальному общению. Например, ученик рассказывает о своей поездке в Лейпциг на книжную ярмарку. Он сочиняет эту

поездку, делая своими попутчиками товарищей по классу, придумывая разные истории, которые с ними происходили. Или кто-то из учеников оказывается в роли знаменитого артиста, писателя, певца, который выступает перед журналистами. «Журналисты» задают ему вопросы — о нем, о его стране. «Переводчик» «переводит» с неправильного на правильный английский или французский язык. Учитель может взять на себя роль диктофона и, если никто не нашел правильного варианта, «механическим» голосом сообщить: «Не могу записать. Ошибка».

Хорошо использовать при изучении языка театр. Пьесы на языке оригинала успешно ставились в студенческом театре Московского университета.

ПРАВИЛО ПЯТОЕ: признаваться в любви к языку. Поощрялись высказывания «Мне нравится немецкий язык» (французский, испанский и т. д.); «Я люблю изучать языки»; «Как красив этот язык!» Считалось глупым говорить: «Как мне надоел этот язык!». «Ну что за язык, зубы об него сломаешь!»

Слова создают подсознательную установку на усвоение учебного материала или на его блокировку, на успех или неудачу.

На Земле использовалось несколько языков. Для взаимодействия с техникой был удобен английский. При изучении философии более глубокие знания обеспечивал немецкий. Древняя художественная литература, от средних веков и включая XXI век, изучалась на языке оригинала. Особенно поэзия.

Разумеется, были и переводы на один из наиболее распространенных в древние века языков. Здесь учитывалось сходство языков и духовное родство древних народов. Так, на русский язык переводились произведения со славянских языков, с финского и карельского, а также многих восточных. На французский — с румынского и молдавского, с некоторых африканских. На английский — с многих африканских языков.

Изучение языков было нужно тем, кто готовился к взаимодействию с внеземными цивилизациями. Владение несколькими языковыми системами позволяло легче осваивать языки других планет.

И главное: чем больше языков знает человек, тем лучше развит его мозг, тем этот человек талантливее и тем меньше он подвержен старению и болезням.

На основе освоенных земных языковых систем изучались языки тех планет, на которые должен был отправиться землянин. Если они были известны. Если же планета была почти незнакомой, знание нескольких земных языков позволяло легко освоить язык этой внеземной цивилизации.

ГЛАВА 2 ЭКИПАЖ ПОД ЗАДАЧУ

*Я себя не знаю, и не дай мне
бог узнать себя.*

Гёте

Задача

Планета, на которую предстояло лететь Агилару, Мануэле, Хосе и Виктории, находилась в небольшом рассеянном скоплении звезд М35, «в ногах» Близнецов.

Предполагалось, что планета не населена. Это мнение пришло из ХХI века, когда наличие жизни на планетах определялось по свечению городов. Оказалось, что свечение городов сопоставимо с естественным свечением космических объектов, отличаясь от них периодичностью. На планете из скопления М35 свечения городов обнаружено не было, и о ней забыли.

На уроке космогонии Агилар отвлекся на свои мысли. Он размышлял о звездах, падающих внутрь себя. Собственно, это были черные дыры, объекты, в которых гравитация сжимает

материю в плотный сгусток и в которых останавливаются и движение, и время. Он отдался переживанию этого процесса. Ему представилось, что здесь есть сходство с человеческой психикой. Может быть, безумие — это падение внутрь себя...

Он перестал слышать голос учителя. Забыл о себе. И в этом состоянии глубокого транса перед его внутренним взором возникла планета. Она была зеленовато-голубая. Она приближалась, и в следующее мгновение он оказался на ее поверхности.

Растения. Птицы. Большие. С него ростом. Какие-то существа. С мягкими очертаниями. На него смотрели. С ним говорили. Без слов. Обменивались мыслями.

Агилар думал о планете несколько дней. Ему казалось, что планета говорит с ним. Он видел ее во сне. Снова и снова беседовал с ее жителями. Они были близки ему. Его тянуло к ним. А главное — ему казалось, что они зовут его к себе.

Он узнал историю планеты.

Она развивалась совсем не так, как Земля. Ее жители не оторвались от природы, не втянулись во все ускоряющийся технический прогресс. Они совершенствовали то, что было дано им от природы: интуицию, взаимодействие с планетарным разумом, телепатию. Они сохранили целостность, понимание всего живого и неживого, уважение к мельчайшей частице бытия. Они были глубоко духовны. Все, чего земляне достигли через технический прогресс, потеряв в нем себя, ее жители получили в дар от своей планеты. Они ничем не жертвовали, не заплатили за свое знание, свое совершенство ни кровью, ни мучениями.

Какое-то время Агилар молчал, но когда убедился, что видения повторяются, понял, что скрывать это нельзя. Что-то важное стояло за этим.

Агилар должен был бы обсудить свои видения с Георгом, отвечавшим в Совете Бессмертных за контакты с внеземными цивилизациями. Но ему не хотелось. Он, пожалуй, понимал, почему. По своему психотипу Георг идеально подходил тому, чем занимался: он был сангвиник квадры ДЕЛЬТА и флегматик квадры АЛЬФА. Это означало личное обаяние, общительность, хорошее понимание окружающих, быстроту реакции и компромиссность. Но он не подходил Агилару. По своей первой модели он был Заказчиком Агилара, по второй — Ревизором и Конфликтером.

На самом деле, это было неважно: конфликт, заказ и ревизия проявляются только на близкой дистанции. К тому же Георг жил так долго и ведал такой областью, что не давал никаких поводов для противостояния.

Дело было в Агиларе, в его молодости: он только начал переход на вторую, «взрослую» модель. Для него все было внове. И еще: он очень тонко воспринимал отношения. На уровне биополя. Он ощущал биополе другого человека как физическую реальность и почти болезненно реагировал на малейший дискомфорт в общении.

Поэтому Агилар обратился не к Георгу, а к другому Бессмертному — к Махаону.

Поскольку Махаон был врач, Агилар решил попросить у него совета.

Махаон, как и Агилар, был очень интуитивен. Но, в отличие от Агилара, с его удвоенной интуицией времени, у Махаона обе интуиции — и интуиция времени, и интуиция возможностей — были в сильных позициях. Это позволяло ему постигать глубину проблем и в то же время быстро и четко реагировать на происходящее.

Он был красив. Первая модель меланхолика квадры АЛЬФА подарила ему высокий рост, стройность, серые большие глаза, светло-русые волосы. От второй модели — сангвиника квадры ГАММА — у него были прямой смелый взгляд, открытая улыбка, легкие движения.

Вторые модели Махаона и Агилара совпадали, поэтому оба они хорошо понимали друг друга. По первым моделям у них были полудуальные отношения, то есть почти дуальные, с хорошей взаимной поддержкой.

— Махаон, — сказал Агилар при встрече. — Помоги разобраться. Или я получаю информацию с планеты из рассеянного скопления М35, или это моя фантазия. А может, и что-нибудь похуже...

Махаон слушал внимательно. Задавал уточняющие вопросы. Казалось, он видит сны Агилара. Может быть, и не казалось: Махаон владел телепатией, Агилар это понял еще раньше, до этой встречи.

— Похоже, они через тебя выходят на контакт с нами. Если ты не против, я поговорю с Георгом. Тебе ведь не хочется с ним встречаться?

Агилар в ответ на его улыбку отвел глаза в сторону, готовый вспылить, но тут же посмотрел прямо и рассмеялся:

— От тебя ничего не скроешь. Поговори. Мне, правда, неохота.

В глазах Махаона мелькнуло что-то похожее на «Ну какой же ты еще мальчишка!», но это не задело Агилара. Потому что это была не насмешка, это было любование его молодостью, смешанное с едва уловимой грустью: «мне таким уже не быть».

Главный Бессмертный, получив информацию от Георга, пришел к выводу, что безымянная планета или хочет попросить о помощи, или сама готова оказать помощь Земле.

Агилар получил задание поддерживать телепатическую связь с планетой. Параллельно он должен был совершенствоваться в типологии. Земляне предполагали, что их типология универсальна. Это подтверждалось уже многократно. Типологическим закономерностям подчинялись земные национальности и расы, млекопитающие, пернатые, рыбы и даже рептилии. Распространялись они и на жителей других планет. Но эта планета так резко отличалась от всех других, что стоило проверить, подтвердится ли универсальность типологии и в данном случае.

Так было определено будущее Агилара.

На него теперь работали Георг, Настес и Мирина.

Георг составлял прогноз предстоящих контактов. Чем Земля может заинтересовать планету. Что Земля хочет узнать о ее жителях.

Агилару пришлось-таки тесно общаться с Георгом. Георг был открыт, легко схватывал суть контактов Агилара с жителями планеты. Единственное, что в нем раздражало

Агилара — забегание вперед, опережение того, что собирался сказать Агилар. У них было разное течение внутреннего времени. Агилар отставал от Георга, и это его задевало. Ни ревизии, ни заказа от Георга не исходило. Увлеченные стремлением понять планету, они скоро подружились и работали, испытывая симпатию друг к другу.

Настес руководил расчетами. Специалисты по кротовинам искали проходимые норы на пути к рассеянному звездному скоплению М35. Определяли их параметры. Выбирали наиболее устойчивую. Рассчитывали оптимальное время вылета. Намечали методы дополнительной стабилизации, чтобы сделать невозможным схлопывание кротовины в момент прохождения корабля.

С Настесом плотно работали Хосе и Мануэла. Виктория воспринимала информацию от Хосе: пятимерные пространства, взаимодействия пространства — времени, гравитационные поля были слишком абстрактны для ее восприятия.

Агилар был занят своими задачами, но иногда заглядывал к специалистам по кротовинам, интуитивно схватывая суть проблем. Ему трудно было представить совмещение пространства и времени, происходившее в кротовых норах. Правда, однажды он к этому прикоснулся. Так, чуть-чуть. На земном уровне.

Ему было тогда тринадцать лет. Он очень устал в тот день. С утра были занятия — история, философия и литература Франции XIX века. Затем гимнастика. Переплавал в бассейне — вместо сорока минут полтора часа. Во второй половине дня были танцы и игра в баскетбол. Когда он после вечерней

зарядки и занятий французским добрался до постели, все его тело дрожало, не в силах сбросить напряжение. Он лежал, вытянувшись в струнку, и смотрел в темноту широко раскрытыми глазами. И вдруг пространство слева от него стало светиться. Светлая точка расширялась, и он увидел, что пол в комнате начал изгибаться. Он становился все более вогнутым, и свет слева, сначала далекий, приблизился. Как будто к нему подвинули другое пространство. В кругу света сидели два человека. Агилар узнал их. Это были его одноклассницы, Ева и Лара, близняшки. Они говорили о нем. О том, что он странный. И что он очень нравится Ларе. Ева сказала:

— Он не для тебя. Его никто не удержит. Ни одна женщина.

— Почему?

— Не знаю. Он не такой, как все.

— Какой он?

— Он как птица. Он для вершин. А ты живешь там, где все. Ты не сможешь дышать рядом с ним.

— Почему?

— Потому что не сможешь подняться так высоко.

Не сможешь жить так высоко.

— Но если я очень захочу, я смогу!

— Тебе так кажется. Но это неправда.

— А какая он птица?

— Ну, может быть, орел.

— Почему орел?

— Лара, отстань, я хочу спать!

Видение исчезло. Агилар, наконец, заснул, а на следующий день решил проверить. Он подошел к Еве и спросил, глядя ей в глаза:

— Так все-таки, почему орел?

Она смутилась, отвела глаза. Не ответила. Лицо порозовело, а уши просто запылали.

— Извини, — сказал Агилар. — Не бери в голову. Мне приснилось, что ты сказала кому-то, что я странный и что я похож на орла.

— Кому я это сказала?

— Не помню.

Он не любил врать, но иногда без этого никак.

Что это было? Его энергия создала кротовину? Два входа оказались рядом. За счет искривления пространственно-временного туннеля.

Может ли быть такое, что при очень сильной усталости происходит выброс энергии? Тогда это не усталость. Тогда получается, что, давая нагрузку телу и мозгу, мы производим больше энергии, чем можем освоить. И сбрасываем ее, воздействуя на пространственно-временные туннели. Изгибая пространство.

Значит, наша психика и Вселенная связаны между собой. Наша психика — частица Вселенной. И поэтому имеет ее свойства. И тогда еще одно следствие: я знаю все о каждой точке Вселенной. Но не всегда имею доступ к этому знанию.

Чем меньше я суечусь, чем больше доверяю себе, чем больше я открыт, тем легче я получаю информацию из Вселенной.

На этой мысли Агилар остановился: его еще детская психика устала от слишком глубокого экскурса в познание мира.

Мирина работала с экипажем. Флегматик квадры АЛЬФА и сангвиник квадры ДЕЛЬТА, она была Агилару по ее второй модели Квазитождиком и Заказчиком, но, несмотря на заказ, они быстро нашли общий язык.

Агилар с головой ушел в типологию. Он читал, смотрел фильмы, изучал портреты, фотографии, голограммы людей, животных, жителей других планет. Ему позволено было беседовать на темы типологии с Мириной. Он поражался и восхищался объемом и точностью ее знаний. А Мирину удивляло, как он, совсем еще юный, так много понял и усвоил. И, конечно, она высоко оценила его интуицию. Способность ощущать психотип любого живого существа буквально кожей.

У Мирины он учился определять тип человека не только по внешности и поведению: Мирина могла определить психотип по голосу и интонации, по походке, по строению зубов или форме ушей.

Они вместе всматривались в голограммы инопланетян, вслушивались в их голоса.

— Когда-нибудь ты заменишь меня в Совете Бессмертных, — сказала ему Мирина. — Я иногда ощущаю усталость.

— Не спеши. Подожди еще кого-нибудь. Меня не примут, потому что меня не любит Главный, да я и не хочу.

— Почему?

— Каждому свое. Меня смертность вполне устраивает. Кстати, люди всегда были смертны.

— А как же Адам и Ева?

— У них это было недолго. До яблони.

— До древа познания.

— Да, от этого древа мы вкусили больше, чем можем проглотить.

Обычный подход к формированию экипажей

Было несколько стандартных ситуаций, когда Земля взаимодействовала с другими планетами.

Если нужно было содействие в развитии техники и технологий, экипажи формировались из людей с преобладанием моделей квадры АЛЬФА и ДЕЛЬТА.

Сначала в путешествие отправлялись представители квадры АЛЬФА. В шутку их называли альфианами. Они устанавливали контакты, разбирались в проблемах, создавали программы. Затем к ним присоединялись дельтиане, деловитые, точные, расчетливые. Какое-то время альфиане и дельтиане работали вместе. Когда все налаживалось и нужно было только контролировать действие технических систем и устранять мелкие неполадки, альфиане отбывали на Землю.

Квадра АЛЬФА очаровывала жителей проблемной планеты. Им нравился обаятельный флегматик, комфортный, слегка ленивый и нисколько не конфликтный.

Они восхищались безумно талантливым сангвиником и прощали ему его слишком острые шутки и запальчивость.

Они влюблялись в красивого меланхолика, тонкий юмор которого служил контрастом резкостям сангвиника.

О холерике и говорить нечего: красота и неумная энергия, организаторский талант, быстрота действий, умение со всеми договориться делали его неотразимым.

На этом фоне квадра ДЕЛЬТА воспринималась с доверием, подготовленным альфианами.

Они были трудолюбивы. Холерик дельтианин покорял четкостью своих распоряжений, вниманием к деталям, корректным общением со всеми окружающими.

Флегматик имел талантливые руки. Он не только решал технические задачи, но и рисовал для жителей Землю, красоту ее исчезнувшей природы. Слегка отчужденный, молчаливый, он располагал к себе своей скромностью и хотя и редкой, но очень милой улыбкой.

Сангвиник с первого дня становился своим для всех. Казалось, он готов сделать для любого все, что тот попросит. Ему и самому так казалось, но делал он что-либо, пока ему это было интересно. Исключая, конечно, главное: работу. Здесь он был почти так же обязателен, как и его квадралы. Но даже если чего и не доведет до конца, подхватит и завершит флегматик. Сделает это просто и никогда не попрекнет и не намекнет, что выполнил не свою работу.

Меланхолик нравился своим умением сочувствовать, ответственностью и терпением.

Речь здесь идет о ведущих, то есть о «взрослых» моделях, но в основном экипажи подбирались так, чтобы и «детские» модели были из той же квадры. Если это не удавалось,

то, по крайней мере, «детская» модель не должна была «спорить» с ведущими моделями членов экипажа. Таким образом, с техническими заданиями посылались альфиане и дельтиане, то есть представители наиболее демократичных квадр, не подавляющие и не воинственные.

Если же нужно было остановить на одной из планет начинавшуюся войну или назревавший бунт, туда направляли квадр БЕТА.

Холерик этой квадры подчинял воинственных жителей планеты, иногда только припугнув их, иногда достаточно жестко.

Флегматик входил в контакт с политиками и военными, определял их слабости, сталкивал между собой, если это было нужно. Манипулируя, проявляя твердость и гибкость, сам всегда оставался в тени. Постепенно он устранял неудобных руками их врагов или бывших друзей и забирал власть в свои руки.

Сангвиник держался отстраненно, но его подсказки работали на флегматика беттиан, а его юмор заставлял жителей планеты считаться с его мнением. Больше всего разумные существа боялись быть смешными. Пользуясь этой слабостью, сангвиник подчинял себе жителей духовно, заставляя их принять его представление о мире и о взаимоотношениях тех, кто населял этот мир.

Меланхолик, у которого и улыбка и слезы были рядом, вызывал симпатию населения своей слабостью и беспомощностью. Заодно он показывал на своем примере, как надо вести себя с его квадралами, чтобы выжить.

Если Совет Бессмертных был заинтересован в дальнейшем взаимодействии с беспокойной планетой, экипаж бетиян сменялся экипажем гаммиан.

Открытые, щедрые, великодушные и беспечные, они по контрасту с бетиянами воспринимались как избавители и друзья.

Холерик квадры ГАММА был красив как бог. Высокий, атлетически сложенный, гармоничный, полный скрытой спокойной энергии, он мог увлечь за собой и зажечь самый невоспламеняющийся материал.

Это тип Маугли по одноименной сказке Р. Киплинга (но не по мультику, популярному в XX веке). Властелин, который властвует, не замечая этого, не отдавая себе отчета в своем превосходстве.

Это Ахиллес Пелид из гомеровской Илиады, о красоте которого Гомер говорит так: «Вслед им Нирей устремлялся с тремя кораблями из Сима, Юный Нирей, от Харона царя и Аглаи рожденный, Юный Нирей, прекраснейший всех после дивного мужа Пелида».

Флегматик очаровывал своей заботливостью обо всех, надежностью и твердостью, а вместе с тем какой-то странной незащищенностью.

Сангвиник гаммиан был обаятельно остроумен, мил, влюбчив. Мир существовал для него, а он для мира.

Меланхолик был мудр, превосходил окружающих глубиной своих мыслей и широтой кругозора, но при этом смотрел на них снизу вверх, преувеличивая их достоинства и забывая о своих.

Квадра ГАММА чаще всего использовалась для разведки. Ее посылали на малоизученные планеты, по совсем неизученным маршрутам. Туда, где не знаешь, чего ждать, и не ведаешь, уцелеешь или погибнешь.

По результатам их экспедиций на открытые ими новые объекты направлялись экипажи альфиан или бетиян или дельтиан. Или никого не отправляли, если там не было ничего интересного или ценного.

Агилар в центре внимания Бессмертных

Экипаж для полета на планету, вышедшую на контакт с Агиларом, подбирался особо. Он подбирался под Агилара.

Раньше, до его контактов с этой планетой, его готовили к полету на одну из малоизученных планет.

Как и все, он свободно владел техникой, но его сильной стороной было увлечение языками и типологией. Поэтому в его задачу входило быстрое освоение языка — или языков — планеты и составление типологического атласа ее жителей.

Кроме обязательных языков — английского, испанского, немецкого, русского и французского — он изучил польский и японский.

Польский привлек его внимание тем, что в нем звучали слова, сохранявшие связь с древними обычаями, со старинным бытом. В нем отражалось особое благородство и самоуважение тех, кто на нем говорил.

Японский удивил его необычностью. То, что в индоевропейских языках было запрятано между приставками и суффиксами, в японском оказывалось первичным. Иероглиф обозначал идею, а буквы превращали эту идею в слово, вписывали ее в текст. Так, иероглиф обозначал идею учения. В схематичной форме он изображал старика с палкой в руке и ребенка, над которым эта палка была занесена. И только в тексте, обрастая буквами, он становился словом, обозначающим глагол, или существительное, или прилагательное.

То же было с идеями мужского и женского начала, любви, риса и т. п.

Мужчина изображался двумя простыми иероглифами: сила и поле.

Женщина тремя: линия груди, рука и метла.

Для идеи любви было два иероглифа, один нес в себе идею любви между мужчиной и женщиной, второй — идею любви к музыке, театру, ребенку и т. д.

Для обозначения идеи риса было несколько иероглифов: рис на корню, рис вареный, рис сухой, рис очищенный.

Увлечение Агилара типологией было особенно ценно.

Психотипы людей были изучены, заложены в программы. Но никакая техника не могла сравниться с интуицией Агилара. Он не только учитывал внешность и поведение человека, но и улавливал свою реакцию на его биополе. Созвучие или диссонанс. Или нейтральность. Понимание и поддержка — или подавление и воздействие на подсознание.

Жители не могли использовать внешность инопланетян для определения психотипов. Поведение тоже было почти

недоступно. Все это необходимо было исследовать. Основой для исследования могла стать интуиция Агилара.

Он сохранил в себе связь с природой. Не с той природой, от которой осталась одна имитация — он сохранил свою связь с природой человека, с своей душой. И самое главное — он сохранил интуицию. Интуицию на уровне, наверно, первобытных людей. Или древних жрецов. Или шаманов. Или модных в конце XX — начале XXI века экстрасенсов.

Неважно, откуда она у него была, но он, в совершенстве владея современной техникой, оставался человеком из прежних времен. Или из будущих. Кто знает, к какому идеалу придет в конце концов человечество.

Он читал мысли окружающих. Заглядывал в свои и их прошлые жизни. Моделировал ситуации до их возникновения. Эти качества были очень ценны для освоения новых планет.

Агилар признавал только одно правило: жить в ладу с природой. В том числе со своей собственной.

Для телепатической планеты нужен был телепат. Чтобы понять ее жителей. Чтобы установить с ними контакт. Чтобы быть переводчиком для остальных членов экипажа. Чтобы создать типологический атлас жителей безымянной планеты.

Все — или почти все — об Агиларе

Агилар по первой модели был сангивиник квадры БЕТА и нес в себе черты этой квадры.

Его внешность соответствовала этой модели.

Дело в том, что примерно до двадцати лет во внешнем облике человека преобладает первая, «детская» модель. Поведение, отношение к людям и к внешнему миру меняются раньше. А вот костные ткани, мышцы, черты лица запаздывают.

Самый странный возраст — от двенадцати до двадцати. Подросток выглядит прежним, а его поведение становится другим. Иногда постепенно, иногда рывком. Это трудно принять друзьям, родителям, родственникам, учителям. В этом есть противоречие, несоответствие: ждешь одной реакции, привычной, совпадающей с внешним обликом, а получаешь нечто иное. Кажется, что подросток во что-то играет, кому-то подражает или издевается над окружающими. Но нет, он просто осваивает модель. Он взрослеет.

Хорошо еще, если обе модели из одной квадры. Тогда при освоении второй модели сохраняется дух квадры.

У Агилара модели были из разных квадр.

Вторая, «взрослая» модель, модель для следующего воплощения была из квадры ГАММА. И снова это была модель сангвиника.

Дважды сангвиник может быть невыносим. Он слишком свободен, слишком остроумен, слишком любит быть в центре внимания.

Модель сангвиника квадры БЕТА определила его рост — средний мужской рост, может быть, даже чуть ниже среднего. Некоторый намек на восточный тип: черные прямые волосы, темные глаза с несколько странным разрезом и выражением. Плечи прямые. Лицо удлиненное. Нос длинный, красивой формы, с небольшой горбинкой. Рот большой, прямой,

красиво очерченный. В целом в облике что-то аристократическое. Легкая отчужденность.

Так выглядели, скорее всего, шекспировские шуты. Умные и резкие до дерзости. Со странным чувством превосходства даже над королями. Бесстрашные и осторожные. Хорошо понимавшие людей и смеявшиеся над ними.

Зачем-то они были нужны королям. Может быть, затем, чтобы у королей не началась мания величия. Наверно, короли при Шекспире были не очень глупы. Или даже очень умны. Или Шекспир их придумал такими, чтобы посмеяться над современными ему королями.

Эта модель была у Гамлета. Только у Гамлета она была вторая. Первая — меланхолик квадры ГАММА.

В XX веке этот образ не был понят. Агилар прочитал о Шекспире несколько книг тогдашних литературоведов. Для них Гамлет был нерешительным, мало способным к действию, к поступку.

О, нет! Агилар поспорил бы с ними. Если бы они были бессмертными и дожили до его эпохи.

Гамлет знал, что делать и зачем.

Нельзя было оставлять власть в руках преступного, ничтожного Клавдия, который развратил бы всю страну.

Он уже развратил мать Гамлета. Он окружил себя глупыми подхалимами, такими, как Полоний. Он поднял руку на принца Гамлета, звериным чутьем подлеца ощутив опасность, исходящую от пасынка. В конце увеселительной прогулки на корабле, организованной Клавдием, чтобы Гамлет развеял свою хандру, принц был обречен на смерть. Его

университетские «друзья», составившие ему компанию, предали его. Они везли в соседнюю страну письмо с печатью короля, отправлявшее принца на виселицу.

Гамлет прочитал письмо, сломав печать, написал другое и запечатал, так как у него был точно такой же королевский перстень, доставшийся ему от отца. В новом письме его попутчики отдавались в руки короля, дружественного Клавдию. С просьбой последнего предать их смерти.

Смог бы Агилар поступить так? В любом случае, он понимал поступок Гамлета и был солидарен с ним.

Гамлет медлил, потому что нельзя казнить преступника, не получив доказательств его преступления. Тот, кто борется за справедливость, должен оставаться чистым.

Сначала тень отца Гамлета обвинила Клавдия в убийстве. Но этого недостаточно. Мистика, материализация умершего — это могло быть разыгранное воображение. Галлюцинация. Начало безумия.

Нужны были реальные факты. И Гамлет получил их, пригласив во дворец бродячих актеров и поставив на королевской сцене пьесу «Мышеловка», написанную им самим.

В пьесе короля отравили точно так, как Клавдий — по свидетельству тени отца Гамлета — отравил своего брата, своего короля. И Клавдий выдал себя.

Единственное, чего не предвидел Гамлет — это подлость. Клавдий, защищая свою шкуру, свою корону, столкнул с Гамлетом брата Офелии, Лаэрта, и смазал ядом его клинок. Поединок превратился в убийство. Двойное, так как в пылу битвы Гамлет и Лаэрт обменялись оружием. Когда

Гамлет уже был ранен. От раны, нанесенной им Лаэрту, погиб и брат Офелии. Погибла и мать Гамлета, выпив из его кубка отравленное вино, предназначенное Клавдием для принца.

Погиб и Клавдий, пронзенный Гамлетом.

Не вынесла этих горестей Офелия, любившая убийцу отца и брата.

Пусть придет Фортинбрас, храбрый воинственный сосед Датского королевства. Пусть будет что угодно, но только не власть подлеца.

Гамлет не хотел для своей страны медленного страшного разложения под властью негодяя.

Кроме принца Гамлета был еще один, но уже не трагичный, а смешной пример сангвиника квадры БЕТА. Агилар нашел его в сказке под названием «Золотой ключик». Это была лиса Алиса, приятельница кота Базилио, флегматика квадры БЕТА. Лиса Алиса и кот Базилио были дуальной парой и прекрасно взаимодействовали. Вместе они хитростью завладели золотыми монетами, принадлежавшими деревянному мальчику Буратино.

Конечно, лиса Алиса была сангвиником квадры БЕТА крайне низкого воплощения. Физический план.

Вторая модель — сангвиник квадры ГАММА — уже проявлялась в поведении Агилара. Он становился все более открытым, общительным, все больше ценил дружбу и все меньше драматизма было в его представлении о мире.

Сангвиник квадры ГАММА — это ковбой из американских вестернов XX века. Это золотоискатель. Летчик. Моряк. Геолог. Альпинист. Горнолыжник. Космонавт.

Открытая улыбка. Сияющие глаза. Смелость и застенчивость. Доверчивость и щедрость. Простоватость. Челка на лоб.

Сангвиника квадры ГАММА трудно представить в смокинге или хотя бы при галстуке. Матросская роба. Спортивная куртка. Свитер. Рубашка с открытым воротом.

Можно сказать, что по первой модели Агилар был двуликий Янус. Вторая же модель добавляла третий лик. И к этому третьему лику уже начинала подтягиваться внешность.

Сангвинику квадры БЕТА интересна мистика. Он любит заглядывать за грань жизни. Любит, но не всегда решается.

Однако «в компании» с сангвиником квадры ГАММА осторожность отступает, давая место бесшабашной смелости. И Агилар сунул-таки нос в свои прежние воплощения. Знал, что не стоило этого делать. Но любопытство пересилило.

Нет, он не погружался в них — оттуда можно было и не выплыть. Так, чуть-чуть заглянул. Однажды случайно, во сне. Похоже, это ему показали.

Он был в каком-то старинном городе. Шел по дороге, которая вела круто вверх. Слева были деревянные дома, утопавшие в садах. Большие старые деревья. Они бросали длинные тени на столы, стоявшие перед крыльцом. На столах была посуда, люди сидели в тени деревьев. На них были странные одежды: на женщинах длинные платья с высокими плечами, шляпки; на мужчинах какие-то длинные пиджаки вроде бы. Волосы у мужчин были длинные, вьющиеся. Они пили чай и беседовали. В лучах заходящего солнца это было очень красиво. Они не обращали внимания на Агилара. Он как бы не существовал для них.

Сам он не был похож на себя теперешнего. Он был высокого роста. Очень хорошо сложен. Темноволосый, с темными круглыми глазами, с круглым лицом. На носу намечалась горбинка — та самая, какая была у него сейчас.

Одет он был в грубоватый шерстяной костюм, темно-коричневый в узкую белую полоску.

Да, еще усики. Вроде бы он их только отпускал.

Похоже, холерик квадры ГАММА и сангвиник квадры БЕТА.

А рядом шел юноша с очень тонким и нежным лицом. В синих глазах были искорки смеха, в них светилась радость жизни.

Проснувшись, Агилар понял, что это была Ирида. Он понял, что они с Иридой встречались в прошлой жизни. И что она была тогда меланхоликом квадры БЕТА и флегматиком квадры АЛЬФА. А теперь — флегматик квадры АЛЬФА и сангвиник квадры ГАММА.

Она, как и он, была тогда парнем. И они были друзьями.

— Вот откуда ее женственность и капризность: из ее прошлой жизни. От модели меланхолика квадры БЕТА, — подумал Агилар.

Едва уловимая тень прошлого воплощения. Светлая тень. Оттенок из спектра радуги. Ирида — радуга. От одного ее имени можно потерять голову. Сойти с ума. Или стать совершенным. Но каким бы он не стал, что бы с ним не случилось — ему не быть с нею.

Потом он специально заглянул в эту прошлую жизнь, которую лишь слегка зацепил в сновидении. Зря заглянул — мороз по коже от таких заглядываний.

Он был моряком. И погиб, уйдя на дно вместе с кораблем. Он опускался на дно океана, сознавая это. С запасом воздуха. Их — восемь человек — задраили в машинном отделении, чтобы защитить от ядер. А когда судно стало тонуть, о них забыли. Потом, наверно, вспомнили. Не хотел бы он жить с таким воспоминанием! Страшно утонуть вместе с кораблем, но еще страшнее тем, кто забыл их отдраить.

Он решил больше не соваться в прошлые жизни. И той одной попытки хватит. Но не удержался — заглянул в VII век. Он был тогда женщиной. Похоже было на Индию. Ее (его) ребенок умирал. От какой-то ужасной болезни. Она колдовала. Костер. Котел. Какое-то варево. Женщина смотрела на пар, клубившийся над котлом. Что-то сгущалось. Какие-то образы. Она вымолила тогда жизнь своему ребенку. Спасла его. Цена была — ее собственная жизнь. Ее болезнь и смерть. Как наказание. Она ушла, не выполнив своего предназначения. Нарушив что-то. Сделав шаг туда, куда пути были закрыты для смертных.

Был еще I век. Он был жрецом. Дальше смутно. Хорошо, что смутно. Жертвоприношение. Ритуальное. В жертву приносился ребенок.

Так может быть, в VII веке он должен был заплатить за то, что было в I веке? Должен был — и не заплатил. Заменил собою своего ребенка.

И Агилар решил поставить точку. С него хватит. Оставим прошлое прошлому.

Правда, еще раз в полудреме, когда он засыпал, он увидел коня. Вороного. Конь был небольшой. С длинной густой

шерстью. Рука Агилара лежала на его холке. Все остальное было в тумане.

Агилар помнил свое ощущение. Это было единство с конем. Конь был ему дорог. Конь понимал его без слов. Он был предан ему. Был его другом.

Это было удивительное чувство единства с природой. Он, Агилар, был частью природы. И в этом была его сила.

Это было последнее прикосновение к прошлым жизням.

Когда к ним прикасаешься, вспоминается то, что сильнее зацепило. А сильнее всего цепляют трагические события. Они приходят из прошлого со всей глубиной тогдашних ощущений.

Лучше их не трогать, эти прошлые жизни. Можно смертельно обжечься.

Странно было сознавать, что, по крайней мере, половина его реакций на окружающий мир определяется его психотипом. Но не более половины, думалось Агилару. Психотип — это только одежда. Верхний слой. Каркас, позволяющий сохранить форму. Но была еще душа. Были прошлые жизни в других одеждах. В других психотипах. Душа как то, что объединяло все его воплощения. Как то, что было дано изначально. Что было всегда.

Его душа была страстной, дисгармоничной. Он часто шел на поводу своих настроений. Особенно в начале своего пути. В начале своих воплощений. Агилар это понял, почувствовал, когда заглянул в свое прошлое. Его затягивало в том прошлом в запретное. В наслаждение. В погибель. Но что-то удерживало его на самом краю. Как будто кто вел его —

и держал. За руку? За волосы? На поводке? Сколько бед принес он тем, кого встречал на своем пути? Тем, кого любил?

Агилар знал, что через все воплощения он пронес страстность и обаяние. Равнодушных не было: его любили или ненавидели. Или сразу и то, и другое. И любовь и ненависть.

Возможно, он увлекал за собой в бездну тех, кто ему доверился. Останавливался в двух шагах от бездны. А они? Что было с ними? Кто-то удерживал их? Лучше не знать.

Его и теперь, в этом воплощении, тянуло заглянуть в неизвестное. Пренебречь всем, даже бессмертной душой, ради познания. Или искушения. Но теперь это были слабые отголоски прежних настроений. Теперь он — Агилар верил в это — был сильнее.

Экипаж для полета в скопление М35

Психотип Агилара был достаточно противоречив: первая модель из квадры БЕТА, вторая — из квадры ГАММА. Это определяло противоречивость его отношения к миру. Но и расширяло диапазон его личности. Если справиться с противоречивостью. Агилар справлялся.

Таким образом, члены экипажа не могли быть из одной квадры. И в этом экипаже не могло быть холерика, то есть лидера: холерик из квадры БЕТА не подходил «взрослой» модели Агилара, холерик квадры ГАММА уж совсем не подходил его «детской» модели. Холерики из квадры АЛЬФА и ДЕЛЬТА находились с его моделями в нейтральных отношениях, но нельзя же было смешивать в экипаже все квадры.

На роль командира экипажа была выбрана Мануэла. Флегматик квадры БЕТА по «детской» модели и сангвиник квадры ГАММА по «взрослой».

По своей первой модели она идеально подходила Агилару. Такие отношения типологи называют дуальными. Дуал — от латинского duo — два. Два человека как один. Каждый дополняет другого, выполняя за него то, что ему сложно или неприятно делать.

Есть в дуальных отношениях, или отношениях взаимного дополнения, еще один интересный момент: то, что у одного в сфере осознания, у другого — в подсознании.

Так, у Агилара осознаваемые психические функции — эмоции и интуиция времени. У Мануэлы эти функции в подсознании. И наоборот, ее осознаваемые сильные функции — абстрактная логика и воля. У Агилара обе эти функции подсознательные.

Получается, то, что делает и говорит Агилар, Мануэла воспринимает как озвученные сновидения, как сигналы из своего подсознания, уловленные каким-то образом Агиларом. И наоборот, для Агилара сказанное и сделанное Мануэлой — реализация его ночного, сновидческого сознания.

Как если бы человек стоял на берегу горного озера и смотрел на свое опрокинутое отражение, узнавая в этом отражении потаенную часть себя.

«Детская» модель Мануэлы достаточно жесткая, надежная, волевая. Но ее смягчает «взрослая» модель, модель сангвиника квадры ГАММА. Эта модель совпадает с «взрослой» моделью Агилара.

Отношения между людьми с совпадающими моделями называются тождественными. Тождики хорошо понимают друг друга, но у них совпадают все функции, не только сильные — слабые тоже. Однако на фоне «детских» дуальных моделей тождество является идеальным типом взаимоотношений.

Первая модель дала Мануэле силу, уверенность в себе и красоту. Вторая модель добавила ей беспечность, даже бесшабашность, любовь к приключениям, жизнерадостность и чувство юмора.

Получилась очень милая девочка-мальчик, ответственная и открытая, замечательный друг и партнер.

Она была почти такого же роста, как и Агилар. Может быть, чуть повыше, но это не бросалось в глаза. Серые глаза смотрели умно и весело.

Она знала все особенности корабля, его снаряжение, запасы, маршрут. Всесторонне исследовала задачу, выяснила и уточнила все мельчайшие детали. В то же время она была готова к внештатным ситуациям и не боялась их.

Итак, командир экипажа не был холериком, то есть природным лидером, и это выводило отношения внутри экипажа за рамки иерархии.

Совет Бессмертных пожертвовал для экипажа очень ценной кандидатурой: в Совет Бессмертных собирались принять Хосе, технический гений которого превосходил, возможно — хотя это крамольная мысль — интеллект Главного Бессмертного в этой области. Но Хосе не был для него опасен: он с головой был в технике и мало интересовался всем остальным. Власть над кем бы то ни было его не привлекала. Впрочем, Главный

Бессмертный не боялся окружать себя гениями. Это была его лучшая черта, примирявшая с ним даже тех, кто был настроен против него. Возможно, именно такой подход позволял ему оставаться во главе Совета Бессмертных: легче всего предают бездари. Чем талантливей человек, тем шире и многограннее его представление о мире и тем легче им управлять. Не мешайте его творчеству — и он будет доволен своим правительством. Не случайно на волнах революций и переворотов к власти приходят те, кто не нашел себя в позитивной деятельности.

Сангвиник квадры АЛЬФА — самая творческая из всех моделей. В ее основе — интуиция возможностей, или интуиция «здесь и теперь». Это быстрое схватывание сути проблемы, теории, ситуации и моментальное проникновение в глубину задачи. Это способность увлечься, зажечься, позабыв обо всем — о еде, времени, тепле и холоде, о назначенной встрече, о жизни и смерти.

Эту модель имел Архимед, выскочивший однажды голым из ванны и бежавший по городу с криком «Эврика!», означавшим: «Открыл!». Он и погиб от рук солдата-завоевателя, когда на песке возле своего дома рисовал то, что могло стать еще одним великим открытием.

Вторая функция в гениальной модели Хосе была абстрактная логика. На эту функцию работала его интуиция возможностей. Поэтому гениальные идеи тут же подвергались логической обработке.

«Взрослая» модель Хосе была тоже гениальной, только интуиция в ней была интуицией времени, а логика была не абстрактная, а практическая, инженерная, логика пользы.

Такое сочетание моделей в психотипе Хосе давало ему возможность «заземлять» свои идеи, учитывая реальность.

Он был высокого роста, худощав. Голова у него при разговоре слегка запрокидывалась назад. Глаза большие, темно-карие, временами пронизательные, временами смотревшие куда-то мимо. Нос тонкий, длинный, выступающий вперед и придающий его профилю птичье выражение. Движения широкие, хаотичные.

Он мог ходить в одной и той же одежде неделями. Забывал подстричься, побриться, даже причесаться. Иногда понимал собеседника с полуслова, иногда оспаривал все, что говорили другие.

Четвертый член экипажа — Виктория — была самая скромная из четверки и самая красивая.

По первой модели она была меланхолик квадры АЛЬФА, по второй — флегматик квадры ГАММА.

Среднего роста, хорошо сложенная, обязательная и исполнительная, она немного терялась среди своих талантливых друзей. Но они ее любили, поддерживали и защищали.

У нее была внутренняя гармония: «детская» и «взрослая» модели Виктории находились в отношениях суперэго — взаимного социального принятия. По второй модели она была Дуалом Агилара и Мануэлы по их вторым моделям и Активатором Хосе, также по его второй модели.

Сформировали экипаж очень просто: эта четверка дружила чуть ли не со дня рождения.

Обычно дети оставались с родителями до трех — четырех лет. Потом родители отправлялись в космический полет, а детей доверяли самым лучшим воспитателям. Воспита-

телей выбирали на конкурсной основе из тех, кто успешно проходил предварительный отбор.

Группы детей состояли из восьми человек, «детские» модели которых относились к одной квадре, а «взрослые» были либо из той же квадры, либо находились с этой квадрой в нейтральных отношениях.

Только с одной группой так не получилось. Подружившиеся еще раньше, при родителях, малыши попали в разные группы. Они разыскивали друг друга и наотрез отказались расстаться. Пришлось подобрать к ним детей, «детские» модели которых подходили этой упрямой четверке.

С воспитателями тоже возникли сложности. Однородную по типологии группу воспитывали их квадры, но в этой ситуации пришлось поломать голову, кто им больше всего подойдет.

Именно тогда Главный Бессмертный обратил на них внимание. Ему понравилась их независимость, их способность отстаивать себя, проявившаяся так рано и так ярко. А через несколько лет Совет Бессмертных принял решение сделать Бессмертным одного из этой четверки, а именно Хосе. Решение отменили, когда обсуждали ситуацию полета на планету в скоплении М35.

Так создавалась учебная группа, в которой смешались три квадры: АЛЬФА, БЕТА и ГАММА.

Так был сформирован экипаж. Без холерика. Без представителей квадры ДЕЛЬТА. Талантливый. Превыше всего ценящий дружбу. Не думающий о бессмертии. Все учитывающий и беспечный.

Возможно, им придется остаться там навсегда. Они создадут семьи. Агилар и Мануэла. Хосе и Виктория.

Кроме прямой задачи — найти общий язык с жителями безымянной планеты — у них было поручение. В основном оно касалось Агилара: составить их типологический атлас.

Типология, открытая в Древней Греции, в которой было всего четыре типа, просуществовала несколько тысяч лет почти без изменений.

Следующий этап типологии, созданный в XXI веке, остается работающим. С уточнениями. С детализацией. С более глубоким пониманием психических процессов.

Главное — и четыре типа темперамента, и около тысячи психотипов — были универсальны. Они охватывали людей всех рас и национальностей. И не только людей: они были верны для животных. Теплокровных и холоднокровных. Диких и домашних. Ходящих, бегающих, летающих, ползающих, плавающих. Только насекомые не попадали под типологические классификации. У них не было индивидуальности. Возможно, у них не было души. Или их не изучали с этой точки зрения. А сейчас некого было изучать — на Земле остались только коллекции. Наколотые на булавки засушенные трупы замученных энтомологами существ. Да еще картинки в энциклопедиях и учебниках. Описания. Сколько ножек, какие усики. Чем питаются.

Не было главного: понимания, присуща ли им была индивидуальность. Имели ли они души.

Жители планет, с которыми взаимодействовала Земля, были в этом отношении изучены слабо. Прежде всего, по-

тому, что Совет Бессмертных был против ознакомления внеземных цивилизаций с типологией. Слишком большую власть типология в ее современном варианте давала над разумными существами, объединенными в города, страны, планеты, звездные системы, галактики.

Возможно, у них тоже были свои системы, подобные земной типологии, но они, как и земляне, их скрывали.

ГЛАВА 3 СВОЯ ИГРА

*Вы можете подвести лошадь
к воде, но не сможете
заставить ее пить.*

Пословица

Сон

Сон уходил куда-то влево. Надо было его удержать. Птицы... Бронзовые... Нет, до птиц. Клубящееся. Лиловое. Зарождение. Земли? Рождение? Его, Агилара? Он выплывал из этого клубка. Летел. Вместе с птицами. Они были большие. Бронзовые. Летели к солнцу. Его тело тоже было бронзовое. Он был похож на них. Похож совершенством своего тела. Он махал руками — и летел. И не удивлялся. Птицы встречались с ним взглядом, поддерживали его и ради него летели медленнее. Да, вожак... Он развернулся и полетел навстречу Агилару. У него были светло-желтые глаза. Глаза казались знакомыми. Агилар не мог вспомнить, ударил его

вожак клювом в лицо или только посмотрел, холодно и презрительно. Ударил взглядом. И сразу воздух перестал его держать. Беспомощные взмахи рук. Медленное скольжение вниз. С постепенным ускорением.

Несколько птиц покружились возле него, но вожак что-то сказал им, и они, оглядываясь, полетели догонять своих.

Агилар падал. Самого падения он не помнил. Он лежал на земле без движения и смотрел в небо. Небо было затянуто тучами. Шел мелкий дождик. Агилар перевел взгляд на траву, на мусор вокруг себя. Какие-то палочки с обугленными концами. Надо запомнить. Длиной 3–4 см. Толщина граней один миллиметр. Еще какие-то бумажные цилиндры, с остатками чего-то обгоревшего. Другой их конец был приплюснут, как будто его жевали. Толщина меньше сантиметра. Бумажки, тонкие, с черными цифрами посередине. Все это мокло под дождем.

Вокруг были какие-то строения. Коробки высотой метров тридцать. Рядами шли квадраты стекол.

Агилар хотел приподнять голову — и не смог. Скосив глаза, он увидел, что был одет в синие брюки и куртку. Куртка была расстегнута, и он увидел под нею темно-красную рубашку. На ногах были какие-то бело-синие туфли на шнурках. Похоже, спортивные.

С вожак, пожалуй, ясно. Это Главный Бессмертный. Его глаза. Его взгляд.

А вот все остальное... Что-то они проходили по истории. Но его не очень интересовали тогда детали. Вроде того, что ели и как одевались люди разных эпох.

Ладно, хватит.

Агилар открыл глаза, и комната стала наполняться мягким светом и музыкой.

Ему казалось, что он разбился не во сне, наяву, и что не сможет поднять голову, не сможет встать.

Но нет, легко встал. Проверил, в порядке ли машина. Не подсоединились ли к ней. Нет, все в порядке. «Посмотри» — сказал он машине. «Дома-коробки. Синие штаны и куртка. Кусочки дерева. Обугленные бумажные цилиндры».

Он сообщил размеры. Подождал. Машина выдала XX век. Примерно шестидесятые. Середина.

Так. XX век. Середина шестидесятых. Да, он помнил. Туда ушла Ирида.

Она ушла в виртуальный мир. В повесть, преобразованную в реальность. Входишь в нее — и становишься участником событий. Ты на них влияешь. Ты творишь этот мир, воссоздаешь его вместе с автором.

Она ушла туда год назад. Она была четвертая, но те трое вернулись раньше нее. И за нею ушел ее друг, Марк. Он ушел с разрешения Главного Бессмертного. И тоже не вернулся. Хотя ушел за нею, чтобы вывести ее оттуда в реальность.

Что с ними случилось?

По приказу Главного Бессмертного вход в виртуальный мир был заблокирован.

Агилар напрягся, стараясь понять связь между их уходом и своим сном. Но чем больше он напрягался, тем дальше был от понимания. Надо было отпустить себя. Надо начать день как обычно.

Он прошелся колесом по комнате, сделал двойное сальто в воздухе. Потоки воды охватили его тело, исчезая в полу.

Он подумал о кресле, и оно появилось. Полулежа в нем, закинув руки за голову, Агилар закрыл глаза. Он увидел Главного Бессмертного. Старался не встретиться с ним взглядом, чтобы тот не почувствовал подключения.

Да, он так и думал. Сегодня Совет Бессмертных. Его, Агилара, вызовут. Чтобы послать за Иридой и Марком.

Волна протеста пошла снизу, из позвоночника. Агилар отключился от Главного, чтобы не послать ему эту волну.

Как всегда, Главный все решил за всех. Он поставит Агилара в жесткие рамки, и Агилару придется действовать по его сценарию.

Что задумал Главный и на чем он строил свой расчет?

Не дождавшись Марка, Главный решил вмешаться. Почему он, Агилар? Что его, Агилара, отличает от других?

Связь с подсознанием. Способность читать мысли. Скрытая способность воздействовать на других. Он ею не пользовался, но Главный это вычислил.

Итак, Агилар входит в повесть. В виртуальный мир. Кажется, она называлась «Отдых в XX веке». Да, именно так.

Входит, гипнотизирует Ириду и Марка и приводит их в реальный мир.

Времени у него — если время там течет как реальное — не более трех недель. Ну, может быть, четыре. Потому что через месяц их экипаж должен лететь на ту странную планету.

Командир экипажа — Мануэла. Но главная роль предназначена Агилару. Установление контакта. Притирка. Пе-

редача знаний. Хосе — главный в решении инженерных проблем. Виктория — в поддержку Хосе.

Их четверка подобрана по всем правилам науки. Науки о психоэмоциональной совместимости. Ему, Агилару, Мануэла подходит на сто процентов. Как и он ей. Предполагается, что он ее любит. Следовательно, он не застрянет в повести. Выполнит поручение и вернется.

Снова поднялась волна гнева. Кто дал им право? Агилар не кукла. Главный думает, что держит в руках ниточки и может управлять им. Не выйдет.

Не выйдет еще и потому, что у него, Агилара, есть тайна. Об этой тайне не знает никто. Он любит. Он любит Ириду. С того дня, с первого взгляда. Когда он решил изучать польский язык.

Ему было тогда пятнадцать. Ей, кажется, лет двадцать. Или чуть больше. Она преподавала польский.

Ирида вошла в класс. Он встретил ее взгляд — и понял, что пропал. Голубые глаза с едва заметным зеленоватым оттенком улыбались ему дружелюбно и весело. Только ему — так ему казалось. Белокурые волосы спадали по плечам.

В ней было все: радость жизни и капризность, слабость и верность, ум и женственность, серьезность и насмешливость. А главное — своим состоянием счастья она одаривала всех, кого встречала.

В ее серьезности не было занудства, ее насмешливость была легка и ни для кого не обидна. Как ни для кого не обиден смех ребенка.

Она была уже тогда подругой Марка. Счастье, которым она светила, было от взаимной любви.

Ее уход в виртуал был, скорее всего, протестом, усиленным беременностью.

Что удерживает ее там? Вряд ли протест. Ребенок?

Она боится выйти из-за ребенка. Она не уверена в его реальности. Поэтому она застряла там. Поэтому не вернулся Марк.

По замыслу Главного, Агилар воздействует на нее, выйдет вместе с нею, и с ними выйдет Марк.

Так не будет. Будет по-другому. Агилар знал, как именно.

Ирида и Марк боятся, что выйдут без ребенка. Но если оставить свободным вход, они выйдут и посмотрят, выйдет ли он с ними. Если нет, они вернуться. Только и всего.

Он вызвал на связь Хосе, проверил, нет ли подключения. Проверил на всякий случай: они отстояли право жить без тотального контроля. Возможно, Бессмертным надоело постоянно восстанавливать систему, разрушаемую Хосе. И другое: за ними признали право на свободу из-за этой странной планеты. Им нужно привыкнуть к свободе здесь, на Земле. Там им придется принимать решения без подсказок.

Подключения не было. Тем не менее, он попросил Хосе проверить еще раз.

— Все в порядке. Говори свободно.

— Сможешь разблокировать вход в повесть «Отдых в XX веке»?

— Сейчас сообщу. Это куда ушли Ирида и Марк?

- Да.
- Посмотрю. Так. Слушай, Агилар, там вход можно разблокировать только под конкретное лицо. Ты собираешься войти туда?
- Похоже, да. Но мне дадут пропуск. Бессмертные. Сделай это для Ириды и Марка.
- Собираешься их вытаскивать?
- Главный думает именно так.
- А ты?
- А я что... Я ничего, — улыбнулся Агилар. — Захотят, выйдут, не захотят, не выйдут.
- Понял. Выйдут с ребенком — останутся здесь. Выйдут без ребенка — вернутся в повесть. Боюсь, Главному не понравится.
- А я причем? Выйдут — меня похвалят. Не выйдут — не получилось, только и всего. В этом случае их попытку выйти ты смоешь. Как и не было.
- Понял. До связи.
- До связи.
- Хосе отозвался через полчаса.
- Знаешь, там есть один фокус. Кажется, я понял. Я думал, что там что-то нечисто. Но было не до того. А сейчас посмотрел. Понимаешь...
- Говори, Хосе. Не тяни душу.
- Это машина времени. Агилар, это реальный XX век. Может, им там лучше. Если они это поняли. Или они там нужнее. А может, и правда, дело в ребенке.
- Вот почему заблокирован вход...

- Да. И не только. Автора этой повести куда-то отправили. И тех троих, что вернулись. И ты туда пойдешь перед полетом. Чтобы никто ничего не знал. Вот почему тебя не послали раньше. Поймешь — и улетишь. Тебе крупно повезло. Раньше за лишнее знание убивали.
- Чего они боятся?
- Что нам там больше понравится.
- Не знаю. Я не уверен. Я бы не остался.
- Хочется же иногда дотронуться до травы. До песка. До настоящих травы и песка. И прихлопнуть комара. Разжечь костер. Бросить камешек в речку.
- Но не такой же ценой. Прошлое прошло.
- Кто знает. Может, оставаясь там, мы его меняем. Делаем лучше. Если можно бродить по времени, то можно так повлиять на прошлое, чтобы сохранить Землю. Я имею в виду, природу.
- Пусть так. Но мы здесь, и у нас есть ответственность за настоящее. Мало ли кому где слаще. И мало ли чем можно это оправдать.
- Да я так сказал. Я-то туда не собираюсь. Когда разблокировать вход?
- Надо подумать. Если сразу как войду туда — сможешь это удерживать недели три-четыре? Контрольный срок для меня — время нашего отлета.
- Понял. Удержу. Скажешь перед входом. Мануэла знает?
- Еще нет. Сейчас сообщу.
- Агилар вызвал на связь Мануэлу. Рассказал ей свой сон — только ей одной. Смотрел в ее серые внимательные глаза.

Ни одного вопроса. Все поняла.

Он почувствовал, как его тревога передалась ей. Как одинаково они воспринимали ситуацию.

Агилар любил их. Вечно растрепанного и невыспавшегося Хосе. Девочку-мальчика Мануэлу. Милую и скромную Викторину.

Что ждет его за входом в машину времени? Что предвещал ему сон? За какие темные дела в своих прошлых жизнях он еще не расплатился?

Он хотел быть вместе с друзьями. Он хотел лететь на странную планету в скоплении М35. Но больше всего он хотел увидеть Ириду.

Ириду, у которой был Марк. У которой был ребенок. Женственную. Дарящую радость. Всем, кроме него. Ему — только боль.

— Хватит, — сказал себе Агилар.

Пора было подумать о Совете Бессмертных.

Он дал задание машине подготовить для него одежду — ту, что была на нем во сне. Машина определила, что это были синие джинсовые брюки и куртка, темно-красная футболка из трикотажа, кроссовки — все сверхмодное в том времени, куда он собирался. А вот прическу придется изменить. Агилару было жаль свои длинные прямые волосы, спадавшие по спине и перехваченные золотым обручем вокруг головы, через лоб. Но ничего не поделаешь:

— Стриги, — сказал он машине.

Когда он посмотрел на себя в трехмерное зеркало — собственноручно, это была его голограмма — то рассмеялся от нежиз-

данности. На него смотрел юноша в спортивной одежде, с коротко стриженными волосами и непривычно открытыми ушами. Глаза улыбались — дерзко, с мрачноватым вызовом.

Он снова настроился на Главного, чтобы определить, когда появиться. Агилар знал, что его пригласят, но он любил внешние эффекты.

Войти в тот момент, когда они заговорят о нем, и в той одежде, которую они для него наметят — разве плохо придумано?

В глубине души он понимал, что это мальчишеская выходка, но ничего не мог с собой поделать. Эта черта — идти на поводу у своих настроений — иногда вредила ему, но чаще помогала. Так легче слушать подсказки. Чьи, он не знал.

На Совете Бессмертных

Совет Бессмертных проходил на лесной поляне. Разумеется, это была объемная графика, но все было очень похоже на настоящее.

Поляну окружали березы. Их листья сияли на солнце. Жужжали шмели, перекликались птицы. Стрекозы хищно кружились над мошкаркой. Медленно с цветка на цветок перелетали бабочки. Легкий ветерок раскачивал верхние ветви берез, гладил траву, сдувал пыльцу с цветов. Воздух был напоен ароматом последних дней лета.

Бессмертные сидели полукругом. Одежда для этой встречи предписывалась от нежно голубого до глубокого темно-синего

тона. Женщины были в легких полупрозрачных платьях, без украшений или с украшениями, имитировавшими бусы из ягод, венки из цветов, букетики подснежников или незабудок.

На мужчинах были рубашки с короткими рукавами и открытым воротом и легкие брюки.

Они уже заканчивали обсуждение полета и предложение Главного Бессмертного поручить Агилару вывести из виртуальной реальности Ириду и Марка. Их полукруг замыкался голограммным изображением Агилара. В той одежде, которая уже была разработана для него. В ней он должен был появиться в повести «Отдых в XX веке».

Члены Совета согласились с предложением Главного Бессмертного. Действительно, только Агилар сможет это выполнить. И он не останется там — он настроен на полет, на друзей, на любимую девушку — Мануэлу.

Только Махаон остался при своем мнении.

— Во-первых, — сказал он, — это манипуляция. Мы поставим Агилара перед фактом. Я знаю этого юношу — его это заденет за живое. Он пойдет в повесть в состоянии протеста. А во-вторых, он настроен на полет. Это неэтично — так бросать его из огня да в полымя. Неужели нет другого способа вернуть Ириду и Марка в реальный мир?

— Если бы был, я предложил бы его. Но альтернативы нет, — сказал Главный Бессмертный. — У Агилара сильный тип нервной системы. Он дважды сангвиник. С него все как с гуся вода.

— Там все не так просто, — вмешался Настес. — Если там остался Марк, значит, там что-то не так. Мы

не можем ради двух человек рисковать экспедицией. Если Агилар задержится, не выйдет к запуску, мы не сможем использовать благоприятный момент. Упустим время — придется ждать. А если у жителей планеты изменится настроение?

— Агилар вернется вовремя, — ответил Главный Бессмертный.

— Может, все-таки спросим у Агилара? Пусть он сам решает, — сказал Георг.

— Само собой. Как раз сейчас я пошлю ему...

Главный Бессмертный не закончил фразу: все глаза устремились на Агилара. Он стоял рядом со своей голограммой. Так же одетый. С той же прической. С тем же выражением лица — напряженным, почти вызывающим. Только углы губ слегка вздрагивали от сдерживаемого смеха да в глазах мелькали смешинки.

Эффект был ошеломляющий.

С минуту продолжалось молчание. Первым пришел в себя Главный Бессмертный.

— Я только что сказал, Агилар, что ты справишься с задачей. Думаю, судя по твоей одежде, ты уже знаешь ее суть и готов ее выполнить.

Глаза Агилара стали серьезными.

— Да, — сказал он. — Я готов.

Никто не спросил его, как он догадался, почему прибыл на Совет в одежде для путешествия в XX век, как ему удалось появиться здесь в тот момент, когда Главный Бессмертный собирался его пригласить.

Дерзкая выходка больше не веселила Агилара. Скорее всего, он заплатит жизнью за этот проект. Его ждало что-то непредвиденное. Какая-то опасность.

Чья-то рука легла на его плечо. Агилар обернулся — это был Махаон, ответственный за медицину. Вечно юный, как все Бессмертные. Красивый и талантливый. Сероглазый бог современной медицины, с памятью о всех медицинских направлениях, с момента появления человечества.

— Ты знаешь больше, чем нам показалось. Хотя и этого много, — улыбнулся Махаон. — Я тоже, как и ты, умею читать мысли. Может, не так отчетливо и глубоко, как ты. Тебя что-то тревожит. Можешь не говорить, что именно. Но пошли мне сигнал. Просьбу о помощи. Если понадобится. Если будет нужно, я войду в повесть. Главный разрешит.

— Можно без Главного.

— Вот так, да?

Агилар понял: Махаон знает, что это не повесть. Не виртуал. Что это машина времени. Реальный XX век. Он мысленно передал Махаону информацию о Хосе. Что если понадобится, Хосе разблокирует вход.

— Да, вот еще что, — сказал Махаон. — У Ириды там имя Ирина. Ирина Сергеевна Кузнецова. У Марка — Марк Соломонович Тейман. Диплом хирурга-онколога и степень кандидата медицинских наук.

— Спасибо, — тихо и просто сказал Агилар.

Он обернулся к Бессмертным, помахал им рукой. Ответил на их улыбки.

Наверно, что-то надо взять с собой. Не стоило об этом думать — машина выдаст все, что нужно.

Он дал задание машине, договорился с Мануэлой о встрече.

Она просматривала данные о планете.

— Посмотришь?

— В другой раз, — сказал он, скользнув взглядом по объемному кадру. Это был общий вид планеты, какой ее зафиксировали роботы-разведчики. Она светилась голубовато-зеленым светом, отражая свое солнце.

— Красивая планета. Я с Совета Бессмертных.

Ответил на вопросительный взгляд Мануэлы:

— Меня отправляют в XX век. За Иридой и Марком.

— Главный?

— Да. Его идея. Как всегда, гениален. Но, знаешь, я могу не успеть.

— Да. Твой сон...

— Могу вообще не вернуться.

Он прочитал незаданные вопросы. О том, почему согласился. Можно ли что-то изменить. А как же планета.

Ничего не спросила Мануэла. Только протянула руку. Ее рукопожатие было крепким. В него она вложила все: тревогу за Агилара, надежду, что все обойдется, веру в него.

Девочка-мальчик была сейчас взрослой. Взрослее его. Она была ему другом. И матерью. И еще он понял, только сейчас понял, что она его любит. И что она знает о его любви к Ириде. Знает — и не ревнует. Только испытывает боль.

— На всякий случай, прощай, — сказал он, и голос его дрогнул.

— Лучше до свидания, — улыбнулась Мануэла.

— Да, так лучше. До свидания. Расскажи Виктории. А подробности — у Хосе. Только осторожно — мы с ним нарушаем правила. Играем в свою игру.

Машина выдала ему рюкзак. Он даже не посмотрел, что в нем было — на месте разберется.

Пора. Агилар шел ко входу в виртуальный мир. Или в машину времени.

Он выполнял волю Главного Бессмертного. Он согласился стать жертвой его манипуляции. Он, может быть, подведет друзей. Мануэлу. Викторию. Хосе. Он может сорвать экспедицию.

Но он справится.

Что там может случиться с ним? У него тренированное тело. Быстрое соображение. Он постарается не упасть, не разбиться, не утонуть. Он не подерется. Не заразится чем-нибудь смертельным. Он просто сыграет в свою игру.

Важно было только одно: он увидит Ириду. Он поможет ей. Нет, не выведет ее оттуда: он оставит ей выбор. Он внесет в планы Главного Бессмертного небольшую поправку. Поправку на человечность.

ГЛАВА 4 ОТДЫХ В XX ВЕКЕ

*Крикнуть бы —
нечем крикнуть,
как жалко прекрасную землю!*

О. Седакова

Турбаза «Терскол»

Агилар прошел все формальности. Начальник турбазы — ярко выраженный гаммианин — пожал ему руку, сказав, что его группа в палатке, второй слева.

— Народу мало, не сезон. Маршруты закрываются. Всего две группы. Ваша — и еще одна заезжает через два дня.

Агилар вышел из административного корпуса.

Вокруг были сосны-подростки. Он подошел к одной, отломил веточку и взял ее в рот. Она была настоящая, живая, пахла смолой и древесным соком. На языке стало чуть-чуть кисло.

Он встал на колени и погладил руками траву.

Прислушался. Пение птиц. Пролетел какой-то жук. В траве копошились мелкие существа. Кто-то влез на его ладонь и больно ущипнул.

Слезы наполнили глаза Агилара, потекли по щекам. Горло перехватило от нежности. От любви к траве и деревьям, к птицам и насекомым.

Из второй слева палатки кто-то вышел. Агилар встал.

К нему подошла девушка. У нее было круглое курносое лицо. Взгляд, спокойно-внимательный, напомнил ему Мануэлу.

— Что с тобой? — спросила девушка.

— Ничего, — улыбнулся Агилар. — Расчувствовался. Я никогда не был...

Он чуть было не сказал «в прошлом», но вовремя остановился:

— Я никогда не был в горах.

— Я тоже первый раз в горах. Все наши в палатке.

Она показала рукой на палатку, из которой только что вышла.

— Иди к ним, а я за чаем.

— Можно, я с тобой?

— Пойдем, — улыбнулась девушка.

Они пошли к административному корпусу. Агилар остался на улице. Он смотрел на небо, на два легких облака. Что-то коснулось его руки. Оказалось — стрекоза. Он замер, боясь спугнуть ее дыханием.

У нее были прозрачные крылья с сложным узором из тонких линий и голубые глаза. Странные глаза без зрачков. Каза-

лось, они видели все, и то, что вокруг нее, и то, что над ней. Он помнил из уроков биологии, что у стрекоз фасеточное зрение, что они воспринимают мир без контуров, мозаично. Но не знал, что они чувствуют, как они понимают этот мир.

Стрекоза не улетаала. Ей удобно на его руке? Или она чувствует его любовь, купается в его биополе?

Никогда ни один человек не поймет другого человека. Тем более животное. Собаку. Кошку. Лягушку. Стрекозу. Все, что он может — передать им, как он их любит.

Как же хрупок этот чудесный мир!

У него снова перехватило горло, но со слезами он справился.

Стрекоза снялась с его руки за секунду до того, как открылась дверь. Агилар проводил ее взглядом.

Девушка вышла из корпуса, передала ему большой алюминиевый чайник, и вскоре они уже входили в палатку.

Это была не столько палатка, сколько шатер с высокими стенами, переходившими в купол. Под ней деревянное основание. Сверху ее накрывал тяжелый прочный брезент.

— У нас новенький, — сказала девушка.

В палатке было человек тридцать. Они сидели на деревянных топчанах и внимательно слушали парня со светлой челкой до бровей. Он прервал свой рассказ:

— Привет. Я Жора Коваленко. Инструктор группы и первый трепач. А тебя как зовут?

— Агилар.

— Не понял. Игорь?

— Ну да, Игорь.

Кто-то подвинулся, и Агилар оказался на краю топчана рядом с эффектной пышной девушкой.

— Эмма, — сказала она. — Садись удобнее. Можешь откинуться назад — Коля не возражает. Не возражаешь, Коля?

Коля, длинный, худой, состоящий из костей и мышц, возлежал на топчане, положив руки под голову и служа подставкой для облокотившихся на него Эммы и темноглазого парня с крутыми черными кудрями, а теперь еще и для Агилара.

— Юра, — сказал парень, протягивая ему руку.

Кто-то передал Агилару эмалированную кружку с чаем и бутерброд, и он только в этот момент понял, что голоден.

Жора между тем вернулся к рассказу.

— Это старая альпинистская байка, — пояснил он для Агилара. — О том, как на глазах своей девушки погиб альпинист. Сорвался в пропасть. Она сошла с ума и отправилась его искать. Наверно, она думала в своем безумии, что он жив, заблудился или провалился в трещину, и надо его найти, спасти. Ну, так вот. Говорят, она до сих пор бродит по горам. В лунную ночь она садится на камень, расплетает косы и расчесывает их. Если увидит альпиниста, слезает с камня, подходит к нему и говорит:

— Витя! Ты не узнаешь меня? Я Наташа. Я так долго тебя искала. И наконец-то нашла. Почему ты молчишь?

Тут она заглядывает ему в глаза и с криком «Не он!!!» сталкивает его в пропасть.

Так вот, я вел группу на третий разряд. Прошли скальный участок и остановились на привал. Кругом скалы. Разбили две палатки, развели костер, поужинали. Я рассказал им

эту байку. А ночью проснулись от дикого ора. Орали двое. Один голос был мужской и орал на одной ноте: «А-а-а!» Второй женский. Он визжал на высоких нотах. Я разобрал только «Витька!», «Стой!» и «Пропасть!»

Выяснилось, что Наташа прониклась моим рассказом, вылезла из палатки и уселась на камне. Было полнолуние. Наташа распустила волосы и стала их расчесывать, воображая себя сошедшей с ума подругой Виктора. А тут Виктор, на беду, проснулся — перебрал с чаем — и побрел за палатку справить нужду. Тут он услышал свое имя, повернулся и увидел девушку. Она сидела на камне и расчесывала волосы. Он замер, а она слезает с камня и направляется к нему.

— Вить, ты что? Это же я, Наташа!

Тут он и начал кричать и пятиться к пропасти. Но кончилось все хорошо: Витька проснулся от собственного крика и визга Наташи и замолчал. Мы все хохотали как дурные, и Витька с нами. Только Наташка расплакалась, но потом тоже стала хохотать.

Кто-то спросил Жору, какой у него разряд.

— Второй.

— Что так? Ты же старый альпинистский волк!

— А я не собираюсь разбиваться. Для меня это просто хороший отдых. Я накапливаю к лету отгулы, беру за свой счет месяца полтора-два, сколько дадут, и вожу группы. В основном новичков или горно-пешеходные.

Агилар перестал слушать. Он почти задремал, опираясь локтем на колени Николая и чувствуя приятную пышность плеча Эммы.

Да, конечно, Жора сангвиник квадры ГАММА и флегматик квадры АЛФА. В полусонный мозг его прибудилась странная мысль о том, что человек служит своей второй модели. Что первая модель — для второй. А вторая определяет, как именно развивается первая. И тогда может оказаться, что люди, близкие по вторым моделям...

Он не успел додумать: Эмма толкнула его локтем в бок:

— Игорь, послушай, Жора начал еще одну байку.

Жора услышал и поправил ее:

— Это не байка. Это быль. Так вот, это было на берегу Накры. Северная Сванетия. Накра очень опасна со второй половины июля, когда тают снега. Она становится тогда бешеной. Вся в белых бурунах, она мчится по камням со скоростью курьерского поезда.

Мы возвращались из похода. Удачно прошли сложный скальный участок. Тропа вилась по берегу. Склон был каменистый, с углом к берегу градусов семьдесят. Да, собственно, берега не было. Так, полоска не шире метра. Трое студентов из Ленинграда, две девчонки и парень, обогнали отряд и шли впереди. Одна девчонка оступилась и покатила вниз. И тут же оба — девчонка и парень — бросились за нею. Она цеплялась за что могла. Им же надо было обогнать ее, чтобы удержать до падения в Накру. В результате она удержалась, а ребята погибли. Трупов не нашли — Накра не оставляет улики.

Все примолкли. Потом кто-то сказал:

— Безголовые.

— Сам ты безголовый. Ты что, стоял бы и смотрел, как она тонет?

Юра сказал:

— У них не было выбора.

— Ребята, давайте что-нибудь повеселее!

— Можно, я расскажу? — спросил высокий загорелый парень.

— Валяй, — сказал Жора. — Я хоть чаю попью.

— Это Толя, — пояснила Эмма. — Он один путешествует на велосипеде. А с нами поднимется завтра на Приют одиннадцати. Ты пойдешь?

— Конечно.

— Идем без акклиматизации. Этот маршрут закрывают до следующего сезона. Или без акклиматизации, или останемся без самого интересного. Давай послушаем Толю!

— Мы проходили сложный маршрут. Ташили на себе все: палатки, осиновые колышки, даже дрова для костра. И вот вечером залегли в палатки и заснули как убитые. Проснулись — и замерли в ужасе: палатки ходили ходуном. Землетрясение? Но земля под нами была неподвижна. Казалось, нас окружили какие-то фантастические существа, горные духи — и раскачивают палатки, чтобы мы вылезли. Тут-то они с нами и разберутся. Кто-то все же выглянул — и расхохотался. Мы выскочили из палаток: по крутому склону удирали горные козы, а наши осиновые колышки были обглоданы вчистую.

Кто-то рассказал о том, как на костре варили сгущенку, банка лопнула и залепила волосы сидевшей у костра девчонки. Вода была только для питья. Так и прошла по маршруту с коркой из засохшей сгущенки на голове.

Еще кто-то рассказал, как их группа сбилась с маршрута. Два дня шли голодные, питаюсь только рюкзаком.

— Как это — рюкзаком?

— Да так. У Сашки Назарова в рюкзаке раздавилась банка сгущенки и засохла. Вот этот рюкзак мы и сосали по очереди.

Агилар заснул только под утро. Он перевозноуался. От встречи с прежней, живой Землей. От новых знакомств. Оттого, что Ириды не было в этой группе. Да еще чай в эмалированной кружке был очень крепкий.

Пикет 105

Столовая была в отдельном здании, похожем на сарай. Прямоугольная низкая коробка с дощатыми стенами. Внутри столы и стулья, окно раздачи.

Агилар сидел за одним столом с Юрой, Валентином и Ниной — девушкой, которую встретил в день своего появления в Терсколе. Он с удовольствием уплетал баранину с гречневой кашей. На десерт был компот и виноград.

Впервые в жизни он ел настоящую пищу.

Жора еще вечером проверил обувь, подергал лямки рюкзаков. У двоих нитки затрещали и лямки отделились от мешков. Их владельцы трудились с полчаса, пришивая заново. Не ворчали — лучше сейчас закрепить, чтобы не мучиться потом в походе.

Агилар обнаружил в своем рюкзаке термос, налил в него чаю.

Он заметил, что выделяется среди остальных новизной одежды и рюкзака. А тут еще Юра пошутил:

— Сэр, вы как с Луны к нам свалились — ни одной земной пылинки на вашем смокинге.

Агилар парировал:

— От сэра слышу!

Поднимались по довольно крутому склону. Тропа петляла, извиваясь между камней и неровностей. Она так и называлась — серпантин, змеиная тропа.

Идти было трудно. Особенно Юре. Он побледнел, пот выступил на лбу. Юра остановился, закрыв глаза, и стоял, покачиваясь.

— Хочешь, вернемся? — предложил Агилар.

— Спасибо. Уже лучше.

Он двинулся вперед, а через десяток минут уже тащил два рюкзака: девушке из их группы, Веронике, стало плохо.

«Что за парень!» — подумал Агилар.

Тропа расширилась и стала более пологой. Агилар теперь шел рядом с Юрой.

— Видишь ли, Игорь, я ведь моряк. С нуля высоты — и сразу на середину Эльбруса.

— Море — это здорово.

— Да как тебе сказать. Я романтик, а романтики там, где я, мало. Многие перестают быть романтиками. А я упрямый. Я останусь таким, какой есть.

Он нравился Агилару. Таких глаз — глубоких, темных до черноты, в пушистых ресницах — Агилар ни у кого не видел. Все понимающих. Проникающих в душу.

Во всей его внешности, в движениях — быстрых, порывистых — была нервность. Нет, не нервозность, а именно нервность. Нервная сила. И еще — благородство.

Казалось, он был не из двадцатого века, а из девятнадцатого.

Агилар не мог уловить его психотип. Для сангвиника квадры АЛЬФА он был слишком настроен на окружающих его людей. Для сангвиника квадры ДЕЛЬТА или ГАММА слишком надежен. И уж точно не был сангвиником квадры БЕТА.

Он не был холериком. Его нервность не была меланхолической. Скорее всего, последнее воплощение. Когда человек несет в себе все модели. Когда типология отступает перед светом личности.

Обедали поздно, уже на Пикете 105. Это было огромное помещение с двумя рядами трехъярусных коек. Такие койки Агилар видел только в голограммах Музея истории и быта. Они были металлические, с металлическими сетками, которые провисали посередине. Наверно, поэтому на каждой койке было по два матраса.

Пикет 105 был рассчитан на десяток групп. Их группа разбрелась по помещению.

Сначала Агилар послушал Жору Коваленко. Жора рассказывал о том, как во время войны наши солдаты втаскивали на Эльбрус пушки. Агилар понял, что речь шла о второй мировой войне. Вспомнил из курса истории.

С Пикета 105 они вели обстрел фашистской дивизии «Эдельвейс». Склоны Эльбруса от этой дивизии освободили советские альпинисты.

Была создана специальная стрелковая дивизия альпинистов. Они поднялись на уровень 4200 метров, до Приюта одиннадцати, двумя группами, с разных сторон. Там они объединились. В январе 1943 года они полностью освободили склоны Эльбруса от фашистской дивизии «Эдельвейс», а 13 и 17 февраля сняли с вершин Эльбруса фашистские флаги и водрузили советские.

Агилар подумал, что втащить сюда пушки можно было только в особом состоянии. В таком состоянии защищают своего ребенка. Свою женщину. Свою страну.

Их группа поднималась почти без груза. Ни палатки, ни продукты им не были нужны. Только запасная обувь, термос, полотенце и теплый свитер. И то пыхтели. Даже у Агилара сердце билось о ребра, дыхания не хватало, и команда на десятиминутную передышку была счастьем.

Кстати, свитер, который он нашел в рюкзаке, был очень хорош. Темно-коричневый, того же оттенка, что и глаза Агилара.

Агилар снял мокрую от пота футболку, растерся полотенцем ярко-желтого цвета и влез в свитер, теплый и мягкий и в то же время упругий. Он с гордостью подумал о том, как хорошо делают вещи на его Земле. Самому стало смешно.

А может, он скучает по своему времени?

От Жоры Агилар перешел к Юре и Валентину. Юра бацал на гитаре, которую ему выдали на Пикете. Гитара была слегка расстроенная. Вдвоем с Валентином они пели

на мотив какой-то туристкой песни обо всем, что происходило вокруг. Припев был: «А ветер рвет горизонты и, может быть, будет рассвет».

У них получалось очень талантливо и смешно.

Валентин был старше всех. Высокий. Немногословный. Надежный. Скорее всего, меланхолик квадры АЛЬФА и флегматик квадры БЕТА. По второй модели он был Дуалом Агилара по его первой модели, и это отчетливо ощущал Агилар: ему было комфортно рядом с Валентином.

В широком проходе в дальнем углу помещения гремел радиоприемник и туристы отплясывали какой-то, видимо, модный тогда танец. Рядом со входом турист с мегафоном в руке комментировал все, что творилось вокруг. У него была своя публика, хохотавшая над его шутками.

— Так не пойдет, — подумал Агилар. — Я хочу слышать все сразу.

Он залез на одну из коек третьего яруса, как раз посредине зала, лег на матрасы, закинув руки за голову, и стал слушать. Он смеялся репликам парня с мегафоном, восхищался песней своих новых друзей, слушал топот плясавших и не заметил, как заснул.

Проснулся от чьих-то внимательных взглядов. Открыл глаза: вокруг него на двух соседних койках сидела вся группа. Когда он подал признаки жизни, все развеселились. Оказалось, его потеряли, с трудом нашли — и не поверили, что при таком геме и гвалте можно заснуть. Решили, что он притворяется, но не все согласились. Тогда они уселись рядом и наблюдали, стараясь понять, спит или валяет ду-

рака. Поняли, что действительно спал, только тогда, когда он проснулся.

Агилару тоже стало смешно. И еще ему было приятно, что его хватились. Что он был здесь своим.

Приют одиннадцати

Утром пошли к Приюту одиннадцати. Жора рассказал, что одиннадцать юношей, студенты одного из вузов, решили подняться на Эльбрус. Их проводником был Пастухов. Он хорошо знал горы и водил самодеятельные группы.

Они заночевали там, где теперь Приют одиннадцати. Пастухов, как и всегда делал, поставил свою палатку рядом с их палаткой. Ночью он проснулся от холода: внезапно ударил мороз. Он испугался за юношей: вечером он не проверил, герметично ли они застегнули свою палатку. Оказалось, оставили щель. Когда Пастухов ее увидел, он уже все понял. Откинул брезент. Все одиннадцать человек превратились в ледяные статуи.

Одиннадцать девятнадцатилетних.

Пастухов оставил свою палатку, поднялся еще на двести метров, лег на обледеневшую землю и замерз. Его похоронили там же.

На месте гибели студентов построили Приют одиннадцати. Приют — это линия раздела между горнопешеходными и альпинистскими маршрутами.

— При подъеме к могиле Пастухова вы почувствуете, что это такое — дышать разреженным воздухом, — сказал

Жора. — И сможете себе представить, каково будет выше. Там, куда поднимаются альпинисты.

Приют одиннадцати был обтекаемой формы, чтобы лучше противостоять ветрам. Он был трехэтажный и мог вместить еще больше человек, чем Пикет 105: путь к нему был не только через Пикет. И он принимал не только туристов, но и высшую их касту — альпинистов.

Вниз спускались без отдыха на Пикете 105: Пикет уже был законсервирован до следующего сезона. Вслед за ним закрывался и Приют одиннадцати.

Агилару запомнилась усталость от быстрого спуска, ощущение эйфории и необычайная красота окружающих гор.

В этом походе он снова выделился, на этот раз солнцезащитными очками. Очки как очки, но, оказывается, такой формы тогда еще не было. К тому же это были «хамелеоны», менявшие степень защиты в зависимости от освещенности и на ярком солнце казавшиеся почти черными.

— Дай посмотреть, — сказал Юра и тут же поддел Агилара:

— Полная гармония с твоим восприятием мира.

— Можно подумать, ты очень радостно его воспринимаешь!

— Ты прав, — серьезно сказал Юра. — Я получил то, что хотел. Служу на границе, на сторожевом катере. Торчим в море на одном месте идохнем от скуки. Сначала хоть в карты играли. Проигравший чесал пятки тому, кто выиграл. Терпеть не могу, когда мне чешут пятки, а выигрывать люблю.

— И что с картами?

— Да матросы стали играть на деньги, на одежду. Отобрал у них карты, выбросил за борт. Пришлось и офицерам запретить.

А матросы знаешь как развлекаются? Когда красят помещение, особенно маленькое, задраивают люк и балдеют. Я однажды еле спас двоих: красили, переговаривались — и вдруг тишина. Спустился — а они без сознания — кайф ловили.

— А как тебе это удастся — оставаться романтиком?

— Просто: люблюсь морем, сочиняю стихи, музыку.

— Почитаешь?

— Да. Как-нибудь на привале.

Следующий день был днем отдыха.

Стирали трусы и футболки, сходили в баню. Готовились к трехдневному походу.

Агилару доверили нести палатку, кан, манную крупу и картошку.

Перестирал все, что мог, и теперь валялся на траве, глядя в небо.

Ириды в его группе не было. Стоило ли ждать вторую группу, последнюю в этом сезоне? Их заезд завтра. Можно было бы остаться, сославшись на какое-нибудь недомогание. Например, на натертую пятку.

Вторая группа будет идти за первой, отставая на сутки. Встреча — после первой ночевки. Они разобьют палатки, а потом оставят их второй группе. Те отдадут им свои, в сложенном виде.

Значит, если Ирида в той группе, они встретятся послезавтра утром. Не страшно, время у него пока еще есть.

Если Ириды нет в той группе, эти два дня будут потеряны напрасно.

— Ладно, — подумал Агилар. — Все равно я не знаю, что делать, если ее не будет с ними.

Он знал, что не хочет расставаться с новыми друзьями.

Реальность перемещения по времени не укладывалась у него в голове. Их нет. Их давно уже нет. Но он шагнул в их время — и вот они. Можно говорить с ними. Можно до них дотронуться.

И потому, что их давно уже нет, они так ему дороги. Никогда не будут так дороги Бессмертные. Смертность окрашивает человека цветом вечности.

Странная мысль пришла ему в голову: путешествуя по времени, можно встретиться с самим собой. С собой, каким он был в одной из жизней. Только не узнать. В снах и в прикосновениях к воплощениям нет имен. Нет точного обозначения времени и места. Да, он видел во сне себя в прошлой жизни. Но его тогдашняя внешность определялась сочетанием моделей. Холерик квадры ГАММА. Сангвиник квадры БЕТА. Следовательно, он не один так выглядел. У него полно двойников. В разных странах. С его внешностью. Но не с его душой.

Не за что зацепиться. А что если... Фотографии. Семейные альбомы. Фото в книгах. Кинохроники. Или — идти изнутри. От души. От личности. Вряд ли. Наверно, нельзя. Запрещено. Кем?

— Ты что, воспаление легких хочешь получить?

Сверху на него смотрела Эмма.

— А ну, вставай!

Агилар поднялся, посмотрел ей в глаза — серые глаза разбойницы и святой. Разбитной девушки и матери семейства в одном лице. Улыбнулся своей странной улыбкой, вызывающей и сожалеющей:

— Я больше не буду.

В девчачьей палатке кто-то пел. Он не сразу догадался, что пела Нина.

У нее был чудесный голос — не очень сильный, но чистый до серебряного звона. Агилар остановился, заслушавшись. Ее голос был в единстве с травами, соснами, небом. С его настроением. В нем была нежность и грусть. Понимание и прощение. Радость встречи и тоска предстоящей разлуки.

Агилар думал о ней. Он понял, почему она напоминала ему Мануэлу: их первые модели совпадали. Они были флегматиками квадры БЕТА. Вторая модель Нины — флегматик квадры АЛЬФА. Она придавала Нине женственность и мягкость. Как и Ириде. Только у Ириды эта модель была первой. А вторая — сангвиник квадры ГАММА. Внутренний конфликт, сглаженный высоким воплощением. Сияющие глаза. Свет личности. Совершенство, слегка окрашенное капризностью. Но и капризность, почти неуловимая, шла ей.

Лучше бы ему никогда ее не встречать.

Лучше бы ему остаться в XX веке. Окончить технический вуз. Работать инженером. А потом брать к отпуску пару месяцев за свой счет и водить туристские группы.

Даже если бы он забыл о долге. О Хосе, Мануэле, Виктории, экспедиции. Даже тогда не смог бы. Потому что это

было бы дезертирством. И он боялся бы, что его найдут и вытащат за ушко да на солнышко.

Жить с нечистой совестью — что может быть хуже? Точнее, противнее. На это способны только люди с низкими душами. Почти еще не люди. Или как их называли раньше — нелюди.

Все, что он может себе позволить — задержаться на Терсколе еще на три дня.

Горное озеро

Ничто не может сравниться с горным озером.

Агилар смотрел на прозрачно-синюю воду. Еще лучше — войти в нее. Плыть. Слиться с озером. Доверить ему свое разгоряченное переходом тело.

Агилар сбросил одежду и вошел в воду. Вода обожгла холодом. Потом сжало что-то внутри, на уровне желудка, и стало подниматься вверх, к самому сердцу.

Он вовремя остановился — на сердце накатывался спазм.

Очень вовремя остановился. Он стоял по пояс в воде, а сердце словно чья-то рука медленно сжимала. Но не сжала — отпустила.

Он постоял, прислушиваясь к себе. Все нормально. Вошел в воду по плечи, затем поплыл. Дальний берег не приближался — озеро было огромное.

Только сейчас Агилар понял, как здесь, в XX веке, легко погибнуть. А на это он не имел права. Нужно быть осторожнее.

Утром следующего дня подошла вторая группа. Агилару показалось: среди них мелькнула девушка со светло-русыми локонами. Подошел — нет, не Ирида.

Утес

Его охватило отчаяние. Он не встретит Ириду. Сорвет экспедицию. И сам погибнет здесь, в XX веке. Самонадеянный болван. Неудачник. Слабак.

Чья-то рука коснулась его плеча. Обернулся — это был Коля.

— Пойдем, ребята раздобыли у местных абрикосы.

— Да, идем, — сказал он. С трудом улыбнулся, выплывая из мрака и пустоты. Непроизвольно считал мысли Коли. Тот видел, как он рванулся к девушке с светлыми локонами — и сник, поняв, что обознался. Ни слова сочувствия. Только взгляд. Прикосновение. Что-то в тоне голоса. Едва уловимое.

В тот день Валентин и Нина были дежурные и в радиальный поход не пошли. Юра и Агилар остались с ними. Им всем хорошо было вместе.

Заготовили дрова из сухостоя, разожгли костер, приготовили обед. Группа задерживалась, и они, оставив обед на углях, залезли в малинник.

Агилар взял левее, потерял малинник, но возвращаться не стал. Поднялся выше, но и там тоже не было малины. И тут он увидел утес. Он утюгом выступал из склона и, казалось, плыл над ущельем. Площадка на верху утеса была

покрыта мхом. Агилар лег на мох, закинул руки за голову и стал смотреть в небо. Уже начинало темнеть, и на небосводе стали появляться звезды. Они едва светились, но чем больше темнело, тем ярче разгорались звезды.

Какой-то цокот возник рядом. Агилар перевел взгляд на старую ель. На ее широкой лапе суежилась белка. Зверек был темно-коричневый, с пышным хвостом. Он явно ругался, но вдруг ругань перешла во что-то другое. Белка спустилась на нижнюю ветку и как будто спрашивала Агилара:

— Кто ты? Что ты тут делаешь? Ты уйдешь или ты здесь навсегда?

Слушая ее цокот, Агилар не заметил, как заснул.

Проснулся в полной темноте. Под ним был спальник. Посмотрел вниз — костер почти погас. Ну надо же — не почувствовал, как под него подстелили спальный мешок! Он встал, потянулся, свернул спальник и спустился вниз.

— Здоров же ты спать! — сказал ему Жора. Все рассмеялись.

— Чей спальник?

— Мой, — отозвалась Эмма. Агилар отдал ей спальник. Кто-то подвинулся на бревне, и он подсел к еле тлевшему костру. Ему передали котелок с супом и хлеб. Суп пах костром.

Юра пояснил, улыбаясь:

— Прибежала, говорит, что нашла тебя. Хватает спальник, зовет меня и Валентина. Мы лезем за ней на утес, думаем, ты разбился и спальник вместо носилок. Оказалось, спишь. Мы с Валею тебя приподняли, Эмма раскатала спальник. Вечно, говорит, его к земле тянет. Как маленький.

— А разбудить не проще было?

— Тебя разбудишь! — сказала Эмма.

Странно так сказала, как если бы он был ее ребенком и она любовалась его недостатками. Чудесная черта истинной женщины — любить детей такими, какие есть.

Агилар смотрел на огонь, ел не то обед, не то ужин, слушал, что говорили вокруг, и думал о том, как ему хорошо.

Может быть, утес, мох, белка, спальник, костер и эти люди, его друзья — может быть, это и было счастье.

Он всматривался в их лица, вслушивался в их голоса. Он любил их. Их всех вместе и каждого в отдельности.

Валентин подбросил хвороста в костер. В костер пошло и бревно, на котором сидел Агилар, и он облюбывал другое, короткое, немного в стороне от костра. К нему подсел Юра.

— Ты обещал почитать свои стихи, — напомнил ему Агилар.

— Знаешь, чаще пишется, когда сумятица в душе и некому пожаловаться. К примеру, вот так:

Мне сегодня тревожно.
Ничего я не знаю,
ни на что не надеюсь,
ни к чему не стремлюсь.
Ничего невозможно.
Я ступаю по краю.
Я по ветру развеюсь,
если я оступлюсь.

Мне сегодня печально.
Да, я все понимаю,
помню все неудачи,
невозможную боль.
Может, это отчаянье.
Может, я, принимаясь
за решение задачи,
ставлю стрелки на ноль.

— Да, — сказал Агилар. — Так бывает. А «ставлю стрелки на ноль» — это очень точно. Здесь не отчаянье. Здесь мужество. Стукнуться о дно — и выплыть.

— Почитай еще, — попросил Агилар после непродолжительной паузы. — Давай самое печальное.

Юра внимательно посмотрел на него. Спросил:

— Тебе сейчас плохо?

— Нет. Я почти счастлив. Но мне как-то чудно. Я так глубоко и тонко сегодня все воспринимаю. И хочу прикоснуться к твоим глубинам.

— Хорошо, — усмехнулся Юра странному признанию Агилара. — Я прочитаю самое отчаянное. Оно никому не нравится. После маминой смерти написалось.

Я один средь пустынных песков.
Без воды. Без любви. Без надежды.
Все неровней цепочка следов
и все меньше на теле одежды.

Горизонт все так же далек.
Ничего я уже не успею
и желание упасть на песок
скоро уж одолеть не сумею.

Расклют мне вороны глаза,
обагрив моей кровью пустыню,
и падет с неба мамы слеза,
тело сына омыв как святыню.

— Мамы давно нет?

— Кажется, что вчера. Онкология. Я был тогда в военно-морском училище. Заканчивал. Странно — уже десять лет тому назад.

— А мне было три года, когда мама улетела.

— Куда?

— На ... — Агилар запнулся и поправил себя:

— В Южную Америку.

Юра тут же отреагировал на запинку:

— Воистину: не спрашивай — и тебе не будут врать. Агилар рассмеялся, смущенный тем, что его поймали на лжи.

— Почитай еще, — попросил он.

И снова звучал голос Юры, чуть глуховатый, с характерным распевом. Агилар почему-то подумал об Одессе.

— Этот стих я написал год назад, когда мой друг уехал в Израиль.

Страна, где не идут часы —
в вокзалах, поликлиниках, на перекрестках.
Где до седых волос всё числятся в подростках.
Где врут чиновники, торговцы и весы.

Как из нее всем хочется бежать!
Надолго, навсегда, навеки.
Стереть из памяти ее святые реки,
поля, забывшие понятие «межа».

Забыть обиды детских, взрослых лет.
Забыть игру рождественских морозов.
Простить насилие, страхи и угрозы
и перестать на все искать ответ.

Там, за кордоном, только выживать.
Вписаться в жизнь другого населения.
Принять критерии иного разделения
и заново себя создать.

Но ляжет нам на плечи лишь одно:
страна родная — как больной ребенок,
и запах перепачканных пеленок
нас не оставит все равно.

— Знаешь, что меня удивляет, — сказал Агилар. —
Люди ищут место на Земле, где им лучше. И не по-
нимают, что Земля — единый организм. Что за нее

надо бороться там, где ты сейчас. Дело же не в том,
что где-то лучше, где-то хуже. Главное — чтобы Земля
не скатилась в средневековье. Спасаясь бегством, мы
увеличиваем хаос. Мы выбираем наихудший вариант
развития.

— Наверно. Ты хорошо это сказал. Я так чувствую.
Но до слов не добрался.

— Читай.

— Не надоело?

— Ты пишешь кровью. А запах чужой крови всегда при-
ятен. И вкус.

Юра улыбнулся:

— Ну что же, вдыхай. Или пей.

Я к взрослым не примкнул. С наивными глазами
иду по жизни, доверяясь всем.

Я умываюсь кровью пополам с слезами.

Мой не проявлен дух — он от рожденья нем.

Я не живу — я прибиваюсь к жизни
и как дитя все пробую на зуб.

Мне непонятно все в моей отчизне,
но жалобы моих не размыкают губ.

Мечтами, снами застилаю пропасть,
их превращая в шаткий мост.

Мне непонятны ложь и подлость —
ведь выбор меж добром и злом так прост.

Но в расхожденьи между сном и явью
какой-то тайный замысел сквозит.
Зачем я? Что я здесь подправляю,
когда меняется наклон земной оси?

— Или я ничего не понимаю в стихах, или ты очень талантлив.

— К чему склоняешься?

— Ко второму.

— Это от мамы. Она была пианистка. И писала стихи.
Если бы ты слышал, как она играла!

— А ты играешь?

— Я окончил музыкальное училище по классу фортепиано.

— А о любви пишешь?

— Да.

Мне о тебе другим не рассказать —
немеет мой язык.

И мне тебя в других не увидеть
ни на единый миг.

Жизнь без тебя, в хорошем и плохом,
почти равна.

Ищу тебя в отчаянье глухом
в глубинах сна.

Но и во сне тебя не дозовусь —
лишь корабли,

сгорая, медленно плывут
на край земли.

Бегу за ними по траве —
в одном из них
свеча и книга на столе
да мой дневник.

Но тот корабль неразличим
в густом дыму,
и что пожар с моей свечи,
вот-вот пойму.

— Юра, это же обо мне! — вырвалось у Агилара.

— Вообще-то я писал о себе. Как-то так получилось.
Влюбился без памяти с первого взгляда. А тут нас пере-
бросили с Черного моря в Прибалтику. Ничего ей не успел
сказать. Писать не стал, хотел в отпуск встретиться. Отпуск
не дали — потом, мол, отгуляете. Так и потерял ее.

— Вышла замуж?

— Да. Когда встретились, понял — ждет от меня каких-то
слов. Промолчал. Пусть не знает, что люблю.

— А я полюбил в пятнадцать лет. Она была замужем.
Старше меня. Так странно: встречаются же и красивее,
и, может быть, лучше. Так нет же, как будто кроме нее и жен-
щин нет.

Юра промолчал. Только посмотрел Агилару в глаза все
понимающим взглядом.

Их никто не трогал. Так бывает, когда люди войдут в резонанс с мыслями и эмоциями друг друга. Как будто само пространство начинает оберегать их от вторжения. Но когда они умолкли, глядя на огонь и чувствуя усталость от слишком глубокого понимания друг друга, к ним подошел Коля. В руках у него были эмалированные кружки с чаем и бутерброды.

— Не помешал?

— Нет, что ты. Садись.

Они подвинулись. Чай был на травах. Хлеб с маслом и местным сыром. Кажется, овечьим.

Удивительный парень был этот Коля. Очень высокий, сильный и немного нескладный. Молчаливый и спокойный, он всегда чувствовал, где и в какой момент он нужен.

Юра рассказал Агилару:

— Коля каждую весну увольняется и с друзьями едет на Енисей. Там они валят лес, зарабатывают на моторную лодку, бензин, ружья и удочки и на плоту спускаются к устью Енисея. Двое остаются на плоту, а двое обгоняют их на моторке, охотятся или рыбачат. Подходит плот, и они снова все вместе. Потом другая пара садится в моторку.

— Здорово, — сказал Агилар.

— Здорово-то здорово, — отозвался Коля. — Но тут есть две проблемы.

— Какие?

— Когда выходишь из лесу после охоты — не знаешь, то ли плот уже прошел и надо его догонять, то ли он еще плывет, и надо ждать.

— И как же?

— Да пока везло. Ни разу не ошиблись.

— А вторая?

— Поиск работы. Как посмотрят трудовую книжку — сразу всякие подозрения. Ну, объяснишь про Енисей. Кто поймет, примет. Кто не поймет — ищем дальше.

— А специальность?

— Я инженер. Работу можно найти.

Агилар допивал чай, смотрел на догорающий костер, чувствовал плечи друзей — и был счастлив. Счастлив без грусти и тревогу. Жаль было расставаться с ребятами, с Эммой и Ниной. Тревожила неопределенность: где Ирида, как ее искать. И глубокую грусть вызывала окружавшая его природа, которую не сумели сохранить безумные люди.

— Странно, — думал он. — Ведь умных, хороших людей не так уж мало. Почему же побеждают хищники?

Он встретил взгляд Юры и понял, что Юра подумал в этот момент о том же самом.

ГЛАВА 5 В ПОИСКАХ ИРИДЫ

*Точит грудь его пронзенная
Кровь и горные хвалы*
А. Блок

Прощай, Терскол!

Возвращались под дождем. Он зарядил с ночи, холодный, ровный. Все небо было затянуто тучами.

Под дождь хорошо спалось. Без сновидений. Глубоко и сладко, как в детстве, когда он был еще с мамой.

Он проснулся на рассвете. Кто-то мощно храпел в дальнем углу палатки. Полушепот Юры:

— Виктор, не разгоняйся.

Храп прервался. Потом снова возник, сначала тоненький и тихий, потом все громче и нахальнее.

— Виктор, не разгоняйся, — все так же тихо, но более настойчиво повторил Юра. Виктор заворочался, очевидно, повернулся на бок. Храп смолк.

Агилар думал о том, где ему искать Ириду.

Он рассчитывал встретить ее в первый же день. Что он попадет на начало отдыха. Отдыха в XX веке.

Теперь он понимал, что этого не могло быть. По двум причинам.

Во-первых, вся система, то есть машина времени, была законсервирована, пущена на самотек. А это значит, что время в ней текло естественно, последовательно. И значит, со времени входа Ириды в систему прошло около года.

Видимо, она как-то приспособилась к жизни в XX веке. И еще — он попал не в 1964 год, а в 1965.

Во-вторых, если бы каждый входил в машину времени 1 сентября 1964 года, то те, кто вошел прежде, проживали бы все сначала. Многократно. Автор программы не мог этого допустить.

И что теперь делать? Дать объявление в газете?

Почему он раньше не подумал, что может не встретить ее на турбазе? Привык полагаться на свою интуицию. А сработала не интуиция — только его желание задержаться в Терсколе. Среди сосен и скал. Горных рек и озер. Снежных вершин. Среди туристов.

Он попробовал сосредоточиться на Ириде. Не получилось. Было впечатление, что она почувствовала его мысленное прикосновение и закрылась от него. Инстинктивно. Защищая себя и ребенка.

Тогда он стал настраиваться на Марка.

Он увидел его отчетливо, высокого, темноволосого, с карими умными глазами. В его взгляде было внимание.

И любовь. Любовь ко всем. В том числе и к нему, Агилару. И доверие.

Меланхолик квадры ГАММА по первой модели и холерик той же квадры по второй.

Светало. Товарищи Агилара вылезали из спальников. Дождь кончился.

— Вставай, — потрянул его за плечо Жора. — Подъем.

— Да, сейчас.

Агилар продолжал лежать. Он видел, как Марк вышел из подъезда многоэтажного дома. Вошел в метро.

— Игорь, ты чего? Вставай! — услышал он как будто издали голос Валентина.

— Не мешай. Дай досмотреть сон.

— Не трогайте его, — сказал Юра.

От него отстали.

Марк вышел из метро. Остановка троллейбуса. Троллейбус. Марк выходит из него. Теперь все внимание Агилара сосредоточилось на том, что было вокруг Марка.

Забор. Вроде бы каменный, окрашенный в белый цвет. Входная дверь. Табличка... Нет, не успел прочитать. Только цифра 4. И еще начало какого-то слова, несколько букв: горо. Слово длинное. Что это может быть?

Агилар вспомнил сказанное Махаоном — о том, что у Марка был паспорт на имя Теймана Марка Соломоновича и диплом врача. Значит, это 4-я городская больница.

Коридор. Кабинет, в который вошел Марк, третий справа. Перед кабинетом холл. Сидят больные. Сколько их? Наверно, больше пятидесяти.

На двери кабинета табличка:

ТЕЙМАН
МАРК СОЛОМОНОВИЧ

Хирург-онколог,
кандидат медицинских наук

Марк снял пиджак, надел белый халат.

Все. Достаточно. Итак, 4-я городская больница. Или клиника. Скорее всего, Москва. Метро в то время было, кажется, только в Москве.

В палатку заглянул Жора:

— Друг, ты не заболел?

— Нет. Встаю. Сон досматривал.

— Длинный же у тебя сон!

— Какой послали боги. Что показывают, то и смотрю.

Он умылся. Вошел в столовую. Улыбнулся друзьям. На завтрак все та же гречневая каша с бараниной.

Зашел к начальнику турбазы.

— Мне нужно срочно ехать в Москву.

— Жаль. Завтра поход на ледник.

— Мне самому жаль.

— Штормовку отдашь Коваленко. Вот твой паспорт. Он крепко пожал Агилару руку.

За стационарными палатками были расстелены походные палатки. Чтобы высохли на солнце.

Хорошо, что он снял вчера джинсовую куртку и шел под дождем в штормовке. Футболка почти высохла. Джинсы сверху тоже были почти сухие. Штанины досохнут на нем.

— Жора, я уезжаю. Мне нужно срочно в Москву. Штормовку я повесил сушить. Вот, смотри, на той веревке, вторая от нас.

— Пешком пойдешь?

— Да.

— Может, подождешь? Завтра придет машина с продуктами. На ней и уедешь.

— Нет. Мне срочно. Может, поймаю попутку.

— Ну, прощай.

Подошел к Юре и Валентину. Попрощался.

— Успеха, — сказал Юра.

Валентин молча улыбнулся ему. Чуть грустно. Что-то странное было в этой улыбке. Как будто понимание. Что он понял? О чем подумал?

— Привет девчонкам, — сказал Агилар. Помахал всей рукой и быстро пошел по дороге вниз. К городу.

Подвернулась попутка, и к часу дня он уже был в Пятигорске. Купил билет до Москвы. В общий вагон. Он не знал, много или мало у него было денег — не ориентировался в ценах и на всякий случай экономил.

В поезде

Общий вагон был набит битком. Агилар прошел его до конца и нигде не нашлось для него места. В последнем купе,

у самой двери в тамбур и туалет, народу было еще больше, чем в тех, мимо которых он прошел и в которых говорили, что лишних мест нет. Здесь он насчитал восемь человек. На верхних полках спали слева моряк в тельняшке, справа девушка. У окна справа сидела пожилая женщина с девичьей лет семи. Остальные были солдаты. Трое солдат и один, видимо, старший.

Агилар повернулся, собираясь идти назад, но его остановили:

— Куда же вы? Мы подвинемся.

— Да у вас еще теснее, чем везде.

— В тесноте, да не в обиде, — улыбнулся ему старший.

Агилар забросил рюкзак на третью полку, солдаты подвинулись, и он сел скраю.

Теперь в их отсеке было девять человек.

К ночи ситуация изменилась. С полки слезла девушка, ее место заняли женщина с девочкой. Моряк, напившись чаю и съев целую курицу с картошкой и солеными огурцами, которые купил на какой-то станции прямо из окна, снова залез на полку и стал спать дальше.

Ребята уступили Агилару место у окна напротив старшего — теперь он знал, что их старший был сержант. Они проговорили всю ночь.

Сержант рассказывал о своей службе.

— Сначала мне было странно. Я только вышел из училища — и сразу в моем подчинении люди. Некоторые старше меня. Потом понял: надо быть для них примером. Вообще понял самое главное: каждый день, каждый миг надо делать

что должно. Каждую минуту поступать так, как надо. И тогда все будет хорошо. И в каждом человеке надо видеть не только его поступки, но и его возможности. И обращаться к самому лучшему в нем. Тогда он повернется к тебе лучшей стороной.

— А если он ведет себя плохо?

— Надо понять, почему. У меня был случай — один солдат стал нарушать дисциплину, дерзить. Я как-то вечером подсел к нему, поговорил. Что же ты, мол, так поступаешь. Ведь себе же вредишь. Он рассказал, что его девушка перестала ему писать. Уже два месяца молчит. Наверно, у нее другой. Спрашиваю, когда он ей писал. Не сразу вспомнил. Да, говорит, тоже месяца два. А кто, говорю, первый перестал писать? Отвечает, что он. Учения были тяжелые, вроде бы не ответил на ее письмо. Ну, я посоветовал ему написать ей и к его письму приложил свое — об учениях, о том, как не легко служить и как парень страдает, нарывается. Все может плохо для него кончиться. И как он любит ее. Она ответила на оба письма. Оказалось, обиделась на его молчание. Солдат повеселел, стал служить нормально. А так неизвестно, чем бы это для него кончилось.

— А вам что написала?

— Благодарила. Душевная такая девушка.

Видимо, сержанту надо было выговориться. Накопилось за два с лишним года службы.

— Еще я понял: нельзя теряться. У нас в училище был такой преподаватель. Простой мужик, с ошибками писал на доске. Но никогда не терялся. Напишет на доске слово *правило* через *е*, ему говорят: неправильно, надо писать

через *и*. Зачеркнет *е*, напишет сверху *и*: «Запомните — это он нам — слово правило пишется через *и*».

— Что еще важно: держать себя в чистоте. Внешняя чистота не даст опуститься.

Агилар уже обратил внимание: все четверо выглядели так, как будто только вошли в поезд, прямо из дома, побрившись, приняв душ и надев наутюженное обмундирование. Пуговицы и пряжки на ремнях блестят, надраенные, наверное, мелом.

— Как вам это удастся?

— Да это просто. От Севастополя нам довелось поспать, гимнастерки и брюки расстелили и спали на них. Вместо мела — зубная паста. В туалете можно раздеться до пояса и сполоснуться. Там же и зеркало есть, побриться можно.

— Но ведь поезд качает, можно порезаться.

— Можно приспособиться.

Его звали Ваня. Солдаты называли его «наш сержант».

У него были русые прямые волосы и светло-карие глаза. Высокий, с легкими движениями. Улыбался открыто. Все в нем было гармонично.

Они поговорили о разных случаях, смешных и печальных. Сержант рассказал два-три анекдота из солдатской жизни, действительно смешных.

Агилар рассказал смешные случаи, в основном из репертуара Жоры Коваленко.

К утру их голоса зазвучали глухо. Хотелось спать. Но и говорить с сержантом тоже хотелось.

Он был или последнего воплощения, или предпоследнего. Отчетливой была модель холерика квадры ГАММА. Модель

меланхолика квадры ДЕЛЬТА, несомненно, тоже присутствовала. Или она была из прежнего воплощения и еще просвечивала — через жизнь. И тогда он был «чистым» холериком квадры ГАММА. Или — если это предпоследнее воплощение — первая модель — меланхолик -дельтианин, вторая — холерик-гаммианин. Но холерик этой квадры был Ревизором меланхолика квадры ДЕЛЬТА. Как же он при таком сочетании моделей сохраняет гармоничность?

Значит, действительно, в высоких воплощениях типология отступает. На первом плане — бессмертная душа. Индивидуальность.

Возможно, сержант Ваня прошел все свои прежние воплощения так же гармонично. Возможно, гармония — свойство его души.

Когда принесли чай, Ваня угостил девочку печеньем. Она поморщилась и отодвинула его руку с печеньем.

— Ешь, — сказала бабушка. — Когда угощают, надо сказать спасибо и съесть, чтобы не обижать человека.

— Ну зачем же угощение превращать в наказание! Не хочет — пусть не ест.

Похоже, кроме печенья у ребят ничего не было.

— Вы что, без денег едете? — спросил Агилар.

— Нам не успели выдать. Получим на месте. Срочная командировка.

— Давайте, я одолжу вам.

— Спасибо. У нас есть печенье и сухари. А то можем не встретиться.

Что-то было в его тоне. Какая-то недоговоренность.

Когда ребята вышли на остановке на платформу — познакомиться — девушка сказала, что они, когда садились в Севастополе, прятали под плащ-палатками обрезы.

— Что такое — обрез? — спросил Агилар.

— Это ружье или винтовка с обрезанным прикладом. Так легче провезти их незаметно. Они говорили, что в Сибири ловят в тайге очень опасных бандитов.

— Что же там, своих солдат нет?

— Кто их знает.

Как будто тень прошла над сержантом и ребятами. Легкая тень небытия. Агилару захотелось развеять ее. Не успел — ощущение исчезло. Если придет еще раз, он попробует. А может, не надо? Ваня получил положенный опыт — и может быть свободен.

Почему мы так не хотим отпускать тех, кто нам дорог?

В одиннадцать утра поезд остановился у самого моря. Агилар не запомнил, почему, понял, что это запланированная техническая задержка минут на сорок. И можно искупаться.

Вместе с другими пассажирами он выпрыгнул из вагона и побежал к морю. Сбросил одежду, вошел в воду, ласковую, зелено-вато-голубую, с мириадами каких-то мелких существ. Поплыл.

Когда он вышел на берег, сержант уже одевался.

— Я перенес твою одежду повыше, от прилива.

— Спасибо.

Одежда была сложена так аккуратно, что Агилару стало неловко — он-то бросил ее как попало.

Поезд стоял.

— Окунись еще раз!

— Можешь не успеть.

— Успею!

Агилар снова заплыл, отдаваясь волнам, забыв обо всем. Он никогда не был в море — и никогда не будет.

Поезд дал гудок. Агилар резкими бросками доплыл до берега, схватил одежду и в плавках побежал к поезду. Едва успел вскочить в какой-то вагон и потом шел, мокрый, почти голый, через несколько вагонов.

В своем купе оделся, немного смущенный:

— Ты был прав, — сказал он сержанту.

В Москву поезд пришел рано утром. Они не обменялись ни адресами, ни телефонами. У Агилара не было ни того, ни другого. У ребят тоже. Пожали друг другу руки — и расстались. Навсегда.

Взросление

На вокзале он выяснил, где находится четвертая городская клиника. Те, у кого он спрашивал, почему-то называли ее «четвертая градская».

Через полчаса он уже входил в клинику. Занял очередь в онкологический кабинет и стал ждать.

Из кабинета долго никто не выходил. Наконец, вышли. Сразу трое. Мужчина и женщина, оба лет за сорок. Мужчина вынес на руках девочку, положил на стулья. Ей было лет десять. Светлые длинные волосы спутались. Карие глаза были мутные.

Из их разговора он понял, что они с Дальнего Востока.

— Может, можно что-нибудь сделать. Давай поговорим еще, — сказала женщина.

— Бесполезно. Генерализация процесса.

— Но должен же он понять — у нас так долго не было детей. И вдруг — такая радость. В ней вся моя жизнь. Давай зайдем.

— Ну, давай, — неохотно согласился мужчина.

Они говорили все это при девочке. Она лежала молча, бессильно, только пальцы сжала так, что побелели суставы.

Родители снова вошли в кабинет, оставив девочку на стульях.

Агилар подошел к ней, опустился на колени.

— Ты будешь жить, — сказал он девочке. — Я беру твою болезнь себе. Ты слышишь меня?

Девочка отвела свои мутные глаза от потолка, перевела взгляд на Агилара. На нее смотрели широко раскрытые глаза, полные любви и странной, неземной силы.

— Ты настоящий? — еле слышно спросила она Агилара. — Или ты мне снишься?

Ее голос почти не отличался от дыхания.

— Я настоящий, — улыбнулся ей Агилар, все так же напряженно глядя в ее зрачки.

— Тебе уже лучше, правда?

— Да. Немного. А ты?

— Что я?

— А ты теперь умрешь?

— Нет. Не бойся за меня.

— Ты — бог?

— Почти.

Ее глаза прояснились. Медленно. А в него входила болезнь.

Вышли ее родители. Мать плакала. Отец ссутулился. Он взял девочку на руки, и они пошли к выходу.

Сколько прошло времени, Агилар не знал. Кто-то еще занимал за ним, но он всех пропускал. Он зайдет последним. Он не хотел отнимать у них время. Страшное время ожидания приговора.

Пару раз Марк выходил в коридор, спрашивал, кто с чем. Молоденькая девушка показала болячку на ноге.

— Доктор, у меня рак?

— Рак-дурак.

— Вы мне отрежете ногу?

— Такая красивая нога. Конечно, отрежу. Я коллекционирую красивые ноги.

Рассмеялся. Девушка тоже засмеялась.

Взглянул на Агилара:

— У вас что?

— Генерализация процесса.

— Так уж и генерализация!

Агилар понял, что Марк узнал его.

Очередь поредела, наконец, иссякла, и Агилар вошел в кабинет. Марк шагнул ему навстречу, крепко пожал руку. Какая у него чудесная рука — сильная, эластичная, дающая и воспринимающая.

— Что за шутки с генерализацией процесса?

— Об этом потом. Меня послал Олег. За тобой и Иридой.

— Мы не вернемся. Ирида знает, что ты здесь.

— Я знаю, что она знает. Не бойся — я не буду вас вытаскивать против вашей воли.

— Я знаю.

— Откуда?

— Я немного разбираюсь в людях. Ты — не Олег.

— Это ты правильно заметил. Главное: вы не в виртуальном мире. Это машина времени.

— Я почти пришел к этому.

— Вас держит это «почти»?

— Да. Ирида...

— Боится ошибки?

— Да. Цена ошибки — наш ребенок. Если выйдем без него — нас обратно не пустят.

— Олег не идиот.

— Знаю, — мягко и грустно улыбнулся Марк. — Он не идиот, но он не захочет создавать прецедент. Чтобы неповадно было путешествовать по времени.

— А то все переселятся в XX век?

— Все — не все, но найдутся, — снова улыбнулся Марк.

— Да, пожалуй. Но это точно машина времени. Хосе посмотрел. Он уверен в этом.

— Если Хосе уверен, значит, действительно так. С этим тебя послал Олег?

— Ну, прям! Он рассчитывает, что я вас вытащу с помощью гипноза. Он не знает, что Хосе все понял и что он

разблокировал вход в машину времени. Для тебя и Ириды. Кстати, как вы называли своего ребенка?

— Мы называли его твоим именем — Агилар. Хосе удержит вход?

— Хосе не знаешь?

— Да, он гений. Спасибо, на это Ирида согласится. Так что с генерализацией?

— У тебя была пара с Дальнего Востока. С девочкой.

— Ты взял на себя?

— Да.

— Немедленно возвращайся. И сразу к Махаону. Сейчас позвоню в аэропорт. Долетишь до Кисловодска. Там — на попутке. Хотя, подожди, у нас там друзья. У них машина.

— Все проще. Махаона что-то встревожило. На Совете Бессмертных. Он сейчас настроен на меня. Я выйду с ним на связь. Он кое-что понимает в телепатии.

— Хорошо. Возьми визитку. Звони в любой момент. Днем, ночью. Если я буду нужен. Таксофон рядом с метро. Деньги есть?

— Есть.

Агилар вышел на улицу. Его слегка тошнило. Голова кружилась. Он увидел скамейку во дворе больницы. Подошел, пошатываясь, сел. Сосредоточился на Махаоне.

Получилось.

Махаон все понял.

Теперь только ждать. Он знал, что Махаон договорится с Олегом. Что Олег позволит использовать нуль-транспортёр.

Может быть, успеет.

К нему подошел Марк.

— Может, к нам?

— Нет. Подожду здесь.

Он не имел права. Он не должен был видеть Ириду. Женщину Марка.

Он только сейчас понял, что их встреча и для нее не прошла даром. И в ней оставила след. Что-то вспыхнуло между ними. Пятнадцатилетним подростком и юной женщиной. Но эта искра была не для жизни, не для любви, не для того, чтобы быть вместе. Для их душ. Может быть, это была память о прошлой жизни. Или залог на будущее. На следующее воплощение.

Мысли начинали сбиваться. Путались. Расплывались.

Наверно, у него сейчас такие же глаза, как у девочки. С той же мутью.

Совсем стемнело. Зажглись фонари. Звезд не было видно.

Он почувствовал как будто прикосновение. Как будто воздух сгустился вокруг него. Мысли стали проясняться. Агилар понял, что это Махаон поддерживает его своей энергией. Нет, показалось. Мысли снова стали путаться. Или это Махаон готовится к нуль-транспортировке и отпустил его.

Агилар удерживал сознание из последних сил, но темнота накрывала его. Погружаясь во мрак, он продолжал бороться.

ЧАСТЬ II

ПЕРЕЗАГРУЗКА

ГЛАВА 1 ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ

*О, я хочу безумно жить:
Все сущее — увековечить,
Безликое — вочеловечить,
Несбывшееся — воплотить!*
А. Блок

Возвращение к жизни

После глубокого мрака стали появляться просветы. Они были сначала редкими, но постепенно стали оттеснять темноту. И сама темнота становилась не такой глубокой. В просветах он видел лица друзей. Чаще всего это был Махаон. Он держал руку Агилара, серьезный, собранный, и водил по его ладони средним пальцем правой руки. С трудом Агилар вспомнил, что у мужчин правая рука — дающая. Отдающая энергию. Дарящая силу. А средний палец энергетически самый богатый.

Ему давали какие-то напитки. Он глотал их, и с ними к нему возвращалась жизнь.

Кто-то растирал его тело. Кто-то работал с биологически активными точками.

Мелькали лица Хосе, Мануэлы, Виктории. Хосе смотрел тревожно. Он осунулся, его нос еще сильнее выступал вперед. Тревога Хосе передавалась Агилару и — странно — наполняла его радостью. Ему было приятно, что друг так переживает за него.

Виктория нежно гладила его лицо, шею, плечи, руки. Улыбалась застенчиво и влюбленно. Агилар понимал, что эта влюбленность рассеется, когда он поправится. Что это материнская влюбленность. Готовность отдать ему свою энергию и даже жизнь. Но и не совсем материнская. Немного — совсем немного — девичья. Женская. И это его волновало и нравилось ему.

Чаще всего он ощущал присутствие Мануэлы. Она смотрела на него с ожиданием — постоянным, настойчивым ожиданием. Он ловил это ожидание: она ждала его выздоровления.

В ее присутствии он чувствовал себя лучше. Ему казалось, что и проблески сознания при ней были чаще и держались дольше.

Иногда она клала руку на его лоб, и от ее прикосновения рождалась радость. Он чувствовал себя защищенным, и напряжение отпускало его. Напряжение ответственности, борьбы, противостояния. В нем пробуждалось детское чувство: он слабый, очень хороший и горячо любимый.

Снова погружаясь в беспамятство, он успевал подумать о том, как хорошо быть любимым. Он чувствовал, что Мануэла любила его просто, глубоко и надежно. Ни за что.

Любила таким, какой он есть. Ничего от него не требуя. Ни в чем не ограничивая. И наряду с детским ощущением любви к нему Мануэлы в нем возникало взрослое чувство. Она представлялась ему ребенком, который нуждался в защите. Он был между нею и миром.

Наконец, настал день, когда к Агилару вернулось сознание. Первый, кого он увидел, придя в себя, был Махаон. На нем была белая рубашка с открытым воротом и короткими рукавами. Светлые волосы с продуманной небрежностью рассыпались по лбу. Он светился радостью за Агилара, за свою победу над болезнью и был так хорош в эту минуту, что Агилар спросил:

- Ты там, в XX веке, никого не свел с ума?
- Меня никто не видел, кроме тебя. Да и ты был уже без сознания, но еще теплый.
- Я прошел через смерть?
- Не успел. Чуть-чуть. Но хватанул хорошо, по полной программе. Кстати, три дня назад ты едва не вернулся в исходное состояние. Уже начал приходить в себя — и все сначала. Можешь вспомнить, что это было?
- Я помню. Это была планета из М35. Они вышли на контакт со мной.
- Что им было нужно от тебя?
- Не знаю. Они, видимо, поняли мое состояние и оставили меня в покое. Все, что я успел ощутить — у них появились враги. Они со своими телепатическими способностями вышли не на тех, на кого стоит выходить. Похоже — это уже мои догадки — их зомбируют с какой-то целью.

— Прошу тебя, Агилар, не входи с ними в контакт. Воздержись, — серьезно сказал Махаон. — Пойми, я могу тебя не удержать.

- Я это знаю. Сколько времени я был без сознания?
- Ровно неделю.
- Значит, я успеваю. Что нового здесь, у вас?
- Ты все еще там, в XX веке? — улыбнулся Махаон.
- Да, наверно. Ты ведь был в Терсколе... Там же вход в машину времени.
- Считаю, что не был. Ты вызвал меня ночью. Нуль-транспортировка тебя едва не доконала. А новостей много.
- Расскажи.
- Может, завтра?
- Нет-нет. Я в порядке.
- Тогда слушай. Во-первых, ваши с Хосе махинации раскрыты.
- Это плохо.
- Совсем нет. Вы с Иридой все взбаламутили. Олег почти готов отступить. Собственно, в этой конкретной ситуации он уже уступил. Он через меня вышел на связь с Марком и Иридой. Они договорились.
- Они здесь?
- Не так все просто. Марк не может бросить своих больных. Он доведет тех, с кем уже начал работать. А потом они поедут всей семьей отдыхать в Терсколе, и там пропадут без вести. Да, ведь они называли своего сына твоим именем.
- Знаю. Марк мне сказал.

— А знаешь настоящую причину, почему ушла туда Ирида?

— Не то, что я думал?

— Представь. Она боялась, что ее ребенок не нужен Земле. Она его спасала.

— Даже в голову не пришло. Так она знала, что это не виртуал?

— Скорее всего, нет. Просто больше некуда было бежать.

— В экспедицию?

— Ты о чем?

— Ну да, медицинское обследование. Хосе досталось?

— Нет, так, мы с ним побеседовали.

— Представляю!

— Не фантазируй. Должен же он когда-нибудь стать взрослым.

— Ты говорил, что Главный готов уступить. В чем?

— Мы собираем Совет Бессмертных. Будем обсуждать политику Земли. Мы живем за счет других цивилизаций. Огромное количество ресурсов мы тратим на экспедиции. Пора переходить к восстановлению своей планеты. И пора перестать вмешиваться в рождение детей. Ну хотя бы начать считаться с родителями. Кстати, Олег меня спрашивал, когда ты будешь в форме. Он хочет с тобой встретиться.

— Будет отчитывать?

— Не думаю. Может быть, хочет что-то понять.

— Он? Понять? Он и так все знает.

— Не ершись. Это хороший признак. Ну, все. Хватит с тебя на сегодня.

Агилар почувствовал, как он устал. Но это была хорошая усталость. Хотелось спать. Погружаясь в сон, Агилар успел подумать о том, что он никогда не увидит Ириду. Но эта мысль не принесла боли.

Перед встречей он попытался понять, как изменились его отношения с Главным после перехода на вторую модель. Что он перешел на нее, Агилар понял сразу, едва лишь к нему вернулось сознание. И это заметила Мирина.

Главный Бессмертный, разумеется, уже так давно идет по второй модели, что, скорее всего, и думать забыл о первой. Она остается в его внешности. Модель меланхолика квадры АЛЬФА сохраняется в его подсознании. Является физиологической базой его психотипа. Но его поведение и взаимоотношения с окружающими определяются процентов на восемьдесят, если не больше, его второй моделью — моделью флегматика квадры БЕТА.

Вторая модель Агилара — сангвиник квадры ГАМ-МА — в миражных отношениях к второй модели Главного. Отношения для отдыха. С легким взаимным воздействием на подсознание. Не управление. Просто почти неуловимое возбуждение. Приятное ощущение, тут же улетающее.

Когда же Агилар шел по первой модели, у них с Главным на первом плане были дуальные отношения. Вот почему Агилар так легко к нему подключался. Пристраивался к Главному. Свободно читал его мысли. Проникал в его мозг и уходил незамеченным. Дуала труднее ощутить, чем Конфликтера или Ревизора.

Впрочем, первая модель Агилара еще достаточно проявлена. Их отношения с Главным не изменились резко. Просто сместился акцент.

И все-таки не типология, не психотипы в основе взаимоотношений. Что-то другое. Духовная общность. Если она есть, при неудачном сочетании моделей типология преодолевается. Когда ее нет, типология выходит на первый план.

Типология, думал Агилар, только усиливает или ослабляет как положительные взаимоотношения, так и негатив. Сама по себе она — лишь система координат в пространстве взаимодействий. И вообще человека можно представить как точку пересечения взаимоотношений с другими людьми.

Не программирует ли он сам себя на неуспех в предстоящей встрече?

— А, ладно, — сказал он себе с неожиданной беспечностью. — Что будет, то и будет!

Разговор с Главным Бессмертным

Было похоже на летнее кафе. Главный Бессмертный сидел за столиком. Агилар встретил его взгляд. Воля и жесткость. Без эмоций.

— Садись, — пригласил Главный Бессмертный.

Агилар сел напротив. Перед ним был высокий бокал со светлым напитком. Попробовал, улыбнулся:

— Напиток богов. Мне давали что-то подобное.

— Почему ты не сказал мне о своих планах?

— Это был мой ответ.

— Ответ на что?

— На манипуляцию.

— В чем ты видишь манипуляцию?

Чувство безнадежности и бессмысленности этой встречи, любых слов охватило Агилара, но он пересилил себя и ответил:

— Манипуляция начинается с сокрытия. С утаивания информации. Ты не сказал мне, что это — машина времени.

— Это не имело значения.

— А что имело значение?

— Я хотел, чтобы ты вывел их. Из XX века или из виртуала — неважно.

— Когда ты стреляешь — пуле неважно, куда ее направят.

— Верно. Тому, кто ее направляет, лучше известно, что он делает и зачем.

— Ты безнадежен. Ты меня не слышишь.

— Скажи так, чтобы я услышал.

— Хорошо. Попробую. Тебе нравится все, что ты делаешь? Все, что происходит на Земле под твоим контролем?

— Нет, не все.

— Что входит в это «не все»?

— Ваши протесты.

Хотелось сказать что-то резкое, дерзкое, но Агилар сдержал себя. Он ответил на взгляд Главного открытым и дружелюбным взглядом:

— Ты хочешь, чтобы мы не протестовали? Или ты видишь в нашем протесте свой просчет?

Главный молчал. Агилар снова отхлебнул из бокала. Спокойно ждал.

— Я хочу понять, что вас не устраивает. Вы в безопасности. Вы получаете хорошее образование. Я бы сказал — блестящее образование. Вы окружены теми, с кем вам комфортно. Вас ждут — кого экспедиции, кого работа на Земле. Что вам еще надо?

— Ты никогда не задумывался, почему люди плавали по морю на допотопных кораблях? Их и кораблями-то назвать трудно. И говорили при этом: «Плывать по морю необходимо. Сохранить жизнь не так уж необходимо».

— Они хотели торговать. Или завоевывать, то есть грабить.

— Пусть так. Но зачем они лезли в горы? Лезли — и разбивались.

— Горы — это полноценный отдых. Идеальное восстановление сил. Реализация честолюбия.

— А канатоходцы?

— Им хорошо платили.

— Если бы все так просто.

— Ты полагаешь, я упрощаю?

— Да, я так думаю.

— Какой же ты видишь Землю? Какой бы ты ее сделал?

— Живой. Но все живое непредсказуемо. Только мертвое можно просчитать.

Агилар дал себе слово, идя на встречу с Главным, не читать его мыслей, но волна гнева дошла до него.

— Прости, — сказал Агилар. — Я еще очень мало знаю. Я воспринимаю мир слишком эмоционально. Но я уверен: у человека должен быть выбор.

Главный подавил свой гнев и ответил почти мирно:

— О праве на выбор я подумаю.

На этом они расстались.

— Как прошла встреча? — спросила Мануэла.

— Плохо. Но лучше, чем я предполагал. Мне удалось не поссориться с ним. И даже чуть-чуть сдвинуть его с его позиций.

Они с Мануэлой были очень разные внешне по первым моделям, но совпадение по вторым что-то меняло в их поведении и облике в сторону схождения. Может быть, это была влюбленность в жизнь. Во всех ее проявлениях. Влюбленность во все живое. И беспечность.

Беспечность накладывалась на серьезность и надежность Мануэлы. На мрачноватость и драматизм Агилара.

И еще открытость. Открытость предполагает смелость. Агилар уловил все это безотчетно.

— Это уже много, — отозвалась Мануэла. — Было страшно?

— Представь — да. Он из тех, кто побеждает до начала боя. Одним только взглядом.

— Но ты не похож на побежденного.

— Я выдержал его взгляд. Мне хотелось ему сказать, что врать надо меньше. Хотя я это сказал. Когда говорил о манипуляции. Что она начинается с умалчивания. Может, дойдет.

Мануэла рассмеялась:

— Ты хочешь изменить того, кто с такой установкой живет уже несколько сотен лет. Смертный хочет изменить бога.

— Да, — улыбнулся Агилар. — Именно так.

Встреча с Мириной

— Ты готов встретиться со мной?

— Вполне.

— У меня?

— Ну, давай у тебя.

У Мирины был деревянный дом с окнами в сад. Легкий ветерок вздувал и раскачивал занавески. Окна были распахнуты, за ними — заросли сирени.

— Голоден?

— Спасибо, я позавтракал.

Он сел у окна. Мирина посмотрела на него внимательно — слишком внимательно. Профессионально. Он улыбнулся открыто и весело и ответил ей таким же взглядом.

Как будто ничего не изменилось в нем: все те же темно-карие удлиненные глаза, все та же горбинка на переносице, все те же темные волосы. Но глаза смотрели мягче, они сияли радостью бытия. Волосы рассыпались по лбу легкой челкой — как у Махаона, только небрежнее. Изменился выбор одежды — от темных тонов к нейтральным. В одежде, в манере держаться стало больше простоты. Исчезла напряженность.

— Ты почти полностью перешел на сангвиника квадры ГАММА. И тебе это идет.

Агилар молчал: он все еще изучал ее.

— Не узнаешь?

— Да, ты какая-то другая.

— Это не я — это ты изменился. Теперь мы по вторым моделям больше не Квазитождики. Теперь я тебе Заказчик.

— Ладно, заказывай. Я потерплю.

— Да какой я тебе Заказчик... Вернее, какой ты мне Подзаказный...

— Не нравлюсь?

— Ой, Агилар, полегче на поворотах. С твоим обаянием всех девчонок сведешь с ума. Ладно, давай о деле.

— Подожди. Я хочу понять, почему я не чувствую твой заказ?

— Сангвиник квадры ДЕЛЬТА не умеет заказывать. Мы слишком демонстративны. Мы влюблены в себя и самонадеянны. Не хотим никого подчинять. И не хотим подчиняться.

— Получается, на вас типология отдыхает?

— Еще как отдыхает!

— Вы кошки, которые гуляют сами по себе?

— Почти.

— Вам не холодно?

— Есть немножко. Но зато у нас широкий выбор. Нам все подходят.

— И больше шансов ошибиться в выборе.

— Тоже верно. О чем задумался?

— Как ты ладишь сама с собой?

— Нормально. Внутренняя полудуальность. Это лучше, чем твоя внутренняя деловитость.

— Но ведь главное — скорость. Как в тебе уживаются медленный флегматик и быстрый сангвиник?

— Уживаются. Ну, хватит меня рассматривать.

— Я уже не рассматриваю. Я просто смотрю. У тебя русалочьи глаза. Но теплее, чем у русалки. Хочется смотреть и смотреть. Цвет обалденный: не голубой и не серый и не зеленый, а все вместе. Голубовато-серые с прозеленью.

Мирина рассмеялась:

— Будет. Кстати, как тебе в новой шкурке?

— Намного удобнее. А то я раньше думал: вроде бы сангвиник, а по реакциям — чистый меланхолик.

— До меланхолика тебе как мне до холерика. У меланхоликов эмоции глубокие, но слабее, чем у тебя. А у тебя — глубина и сила.

— Соскучусь по глубине — занырну снова в квадрату БЭТА.

— Она и так в тебе. К твоим услугам в любой момент.

— Ты знаешь, все как будто просто. Давно известно. А если долго всматриваться — голова идет кругом. Так бывает, если долго повторять какое-нибудь слово. Оно вдруг начинает разъезжаться. Перестаешь его понимать. И тогда открывается что-то за ним. Глубина. Может быть, пропасть. Путь в прошлое. Растворение в вечности.

— Ну вот и твоя БЭТА выскочила. Мне Махаон сказал, что на связь с тобой выходили твои телепаты. Что ты узнал? Или тебе было не до них?

— Не до них, но кое-что узнал. Речь идет о воздействии на их подсознание какой-то планеты. Махаон просил пока не выходить на них. Говорит, что мне рано, нужно окрепнуть. Я думаю, мне надо побольше узнать об этих вещах. Поможешь?

— Хорошо. Давай уточним, что нам надо.

— Начнем с чего попроще.

— Ну что ж, сангвиник квадраты ГАММА. Тебе повезло, что эта модель у тебя не первая. Иначе школу ты бы не осилил.

— Считаешь всех нас лентяями?

— А то нет?

— Нет, Мирина. Мы любим учиться. Но не любим учиться тяжело. Жизнь вообще приятная штука. Зачем ее нарочно портить?

Они оба рассмеялись.

— Ты не устал?

— Нет. У тебя хорошо. Хотя и знаешь, что все это — голограммы. Что всего этого нет. Ни к чему нельзя прикоснуться.

— А ты уверен, что все, что не голограмма — такое и есть? Ведь наше ухо, каждое по-своему, изменяет звуки, приспособливая их к нашему восприятию. При этом одно ухо слегка опережает другое, и поэтому мы воспринимаем звуки объемно. Может, и глаза что-то делают с миром вокруг нас, изменяя его, приспособливая к нашему восприятию.

— Да, я слышал об этом, но не могу это ощутить. Это как-то отдельно от меня, умозрительно.

— Ну вот тебе пример: ты перешел на вторую модель — рывком, искупавшись в кипящей воде, в кипящем молоке — и я уже кажусь тебе другой. Каждый смотрит на другого через свое окошко, через свои психические функции, и поди пойми, как он тебя видит.

— Это легко понять: почитать его мысли.

— В старину тоже были такие люди, которые считывали информацию с мозга. Если подозревали кого-то, что он заслан иностранной разведкой, то они его разоблачали. Так вот, были среди этих разведчиков такие, которые обманывали своих «читателей».

— Как это им удавалось?

— Контроль над собственным мозгом.

— Хорошо бы, если бы мои телепаты оказались симпатичными внешне. А то выдам им что-нибудь вроде: «Во, уроды!»

— Не выдашь. Ты же влюблен во все живое. Я помню, на моих уроках ты глаз не мог оторвать от голограмм с какой-то планеты, на которых были змееподобные чудовища.

— А, помню. Это из созвездия Девы. Почему чудовища? Они совершенны и поэтому прекрасны.

— А я о чем? А все-таки мы избаловали тебя за эту неделю. Не хочешь работать — так и скажи.

— Хочу работать. Итак, мои телепаты. Я их даже не видел, только ощущал. Их что-то тревожит. Я почувствовал, что опасность вне их планеты. Другая цивилизация. Но еще что-то. Предательство, может быть. Боюсь ошибиться. Достоверно только то, что идет воздействие на их подсознание. И они с этим воздействием не справляются. Похоже на панику.

— Внешняя сторона понятна. Мне встречались такие ситуации, когда на планете начиналась борьба за власть, и одна из сторон призывала на помощь чужаков. Да и в нашей истории полно таких примеров. Эллины обращались при междоусобицах к персам, славяне к половцам. Не успел понять, что им надо от твоих телепатов?

— Этого — нет, не понял. Все, что могу сказать — на них воздействуют. Зомбирование?

— Может быть, к ним подключилась планета энергетических вампиров?

— Возможно. А если зомбирование, то с какой целью?

— Например, чтобы подчинить их враждующей стороне. А те что-то обещали взамен.

— А как понять, кто из них прав? Кому мы должны помочь?

— Это уже на месте. Выслушать обе стороны. Но, как правило, расправляются со своими чужими руками те, для кого власть — высшая ценность. Они готовы платить за нее судьбой своей собственной планеты. И они, по определению, недальновидны. Так что априори мы на стороне тех, кто вошел в контакт с тобой.

— Итак, нам надо сосредоточиться на энергетических вампирах и на — не знаю даже, как это назвать...

— На подавлении воли. То есть на зомбировании. Пожалуй, на сегодня хватит.

— Хорошо. Я возьму себе вампиров, а Мануэле подкину зомби.

— Или наоборот.

— Да нет, флегматику квадры БЕТА зомби — самое то. А я повампирю.

— Смотри, не стань вампироголиком.

— Неточно выражаетесь, леди Мирина. Я буду вампиром или энергоголиком. А вампироголик — это тот, кто питается вампирами.

— Я это и имела в виду. Не помешайся на вампирах. И кстати, не пытайся ловить их в своих прошлых жизнях — окрепни сначала.

— Я сегодня уже сделал полную зарядку. Мышцы почти восстановились.

— Что за этим твоим «почти»?

— Ну, такая легкая приятная боль. В основном в мышцах спины.

— Не спеши, хорошо? Вы, мальчишки, совсем не умеете ждать. Вам подавай все сразу и немедленно. Моя к тебе просьба: отступи. Сократи зарядку. Ну, разбей ее не две-три части.

— Обещаю, Мирина.

— Я подберу для вас с Мануэлой что-нибудь похожее из истории наших контактов. Хотя сомневаюсь: пока ничего не всплывает в памяти.

Расставшись с Мириной, Агилар почувствовал легкое недовольство собой: вел себя по-детски, старался казаться умнее, чем есть, кокетничал. Но он легко стряхнул с себя это недовольство: он еще не привык к своей второй модели. Ничего, освоится.

Дома он озадачил машину, договорился о встрече с Мануэлой и продолжил занятия гимнастикой. Он не нарушил

обещания, данного Мирине: большая часть упражнений была не силовая. Он работал с мелкой моторикой, с вибрациями, с биополем.

Хотел сосредоточиться на воздействиях на подсознание, но Мирина мешала. Не мог избавиться от колеблющихся от ветра легких занавесок, от ее русалочьих глаз, от стекающих по плечам и спине вьющихся светлых волос с золотистым оттенком.

Что с ним? Он становится влюбчивым? Как и положено ему по его второй модели?

Агилар прислушался к себе. Глубоко, глубже, чем счастье возвращения к жизни, чем радость бытия, была грусть.

Если бы он ее увидел, может быть, ему стало бы легче. Но они разминулись. Скорее всего, навсегда.

Какая она теперь, после родов? Взглянуть бы на ее сына. На мальчика с его именем.

Но все-таки не боль. Всего лишь грусть. Он потерпит. Как там, у Бабея? Жизнь казалась ему лугом, по которому ходят кони и женщины.

По его лугу ходила только одна женщина.

ГЛАВА 2 ПОДГОТОВКА К ПОЛЕТУ

*А пока в неизвестном живем
И не ведаем сил мы своих
И как дети, играя с огнем,
Обжигаем себя и других.
А. Блок*

Хосе и Виктория

Подготовка велась по нескольким направлениям. Технической частью занимался в основном Хосе. Вместе с Настесом они отслеживали состояние естественной кротовины, готовили противосхлопывающие устройства, перепроверяли расчеты, наблюдали за оснащением корабля.

Самым трудным было рассчитать условия возвращения. Было два возможных решения: получив через Махаона сообщение от Агилара о возвращении, послать за ними второй корабль. Этот вариант оставили как за-

пасной, посчитав экономически нерациональным. Второй вариант был очень сложен из-за высокого коэффициента неопределенности. Никто не мог сказать, когда экипаж вернется. Поэтому пришлось рассчитывать оптимальное время обратного прохождения кротовины с учетом этой неопределенности, то есть в многовариантном раскладе. Результаты расчетов закладывались в портативный носитель.

Создавались специальные приборы, которые частично имитировали земную систему, сочетавшую в себе информационные функции и функции производства материальных предметов. Особое внимание уделялось обеспечению энергией. Для экспедиции проектировались преобразователи энергии из звездного излучения.

Предусматривался и вариант невозвращения экипажа на Землю. В этом случае предполагалось налаживание постоянного сообщения с планетой.

Виктория выполняла поручения Хосе, но главным ее делом была медицина. Общую медицинскую подготовку имели все, более же глубокие занятия проводили с нею. Мало ли что там может произойти! На всякий случай кто-то должен был владеть диагностикой и методами лечения в полном объеме, на уровне своего времени.

Современная медицина возникла из синтеза древнейших врачебных подходов и высочайших биоинженерных технологий. Старательная Виктория, помимо лекций Махаона и занятий с лучшими практиками — Марией и Де-

нисом, самостоятельно изучала историю медицины. Это были данные археологических раскопок, сохранившиеся высказывания древнегреческих врачей, старинные рецепты, приемы религиозных и культовых целителей, заговоры, описания методов излечения, применявшихся в Китае, Вьетнаме, Индии.

У нее сложилось впечатление, что медицина на протяжении веков расходилась веером из одного корня. И тут была странность: чем больше человечество узнавало о болезнях и методах исцеления, тем более беспомощной становилась медицина.

Дело было в дроблении, к началу XXI века ставшем чрезмерным. Если для древних врачей человек был единым целым, то к концу XX — началу XXI века его разделили на множество частей. Глаза лечил один специалист, нос — другой, желудок — третий, и так далее, почти до бесконечности. Виктория попыталась сосчитать медицинские специальности — и сбилась со счета. Даже дыхательная система была поделена между отоларингологом, бронхологом и пульмонологом.

Для Виктории было аксиомой, что человеческий организм — это единство физиологического, эмоционального, психологического и духовного аспектов. Причем физиология не может рассматриваться ни отдельно от других аспектов, ни изолированно для каждого органа.

Интересно, как вели себя врачи в те времена? А что делали пациенты?

Допустим, у человека заболела нога. К кому он пойдет? Ведь эта боль может быть от сужения кровеносных сосудов, и он должен идти к флебологу. Или это ущемление нервных корешков — тогда к невропатологу. Или это костная саркома — тогда к онкологу. А откуда он знает, что является причиной боли?

Виктория задала этот вопрос Махаону.

— А это просто, — улыбнулся Махаон. — Приходит такой больной к хирургу, а хирург говорит ему: «Иди к флебологу». Флеболог говорит: «Иди к невропатологу». Невропатолог говорит: «Иди к хирургу». Все, круг замкнулся.

— И что же больной?

— На этот счет полно анекдотов. Вообще, если посмотреть тогдашние сборники анекдотов, медицинские перевешивают все остальные темы. Ну, разве что политических было больше.

Махаон рассказал несколько анекдотов на медицинскую тематику. Как пациенту, пожаловавшемуся, что вот начнет есть — и ест, ест, ест, сядет — и сидит, сидит, сидит, врач показал рукой на дверь и сказал: «Иди. Иди, иди и иди». Как входит пациент в операционную, а врач, что-то писавший, не поднимая головы, говорит ему, чтобы он разделся, лег на операционный стол, смазал йодом операционное поле, взял скальпель, сделал разрез... «А вы-то здесь зачем?» — перебил его больной. «А мне некогда, я пишу вашу историю болезни».

— Тогда ведь был важен экономический аспект. Врачам в ряде стран платили мало, и в медицину шли в основном люди со средними способностями. За шесть лет учебы они с трудом осваивали лишь один раздел медицины. И загружали их хорошо. Требовали вести подробнейшие записи.

— Зачем?

— Для их же безопасности. Если больной умирал — чтобы было письменное подтверждение, что врач действовал в соответствии с инструкцией.

— При чем здесь инструкция?

— Больному она не нужна. Но следование инструкции защищало врача при неудачах.

Встретив непонимающий взгляд Виктории, Махаон пояснил:

— Чтобы понять, надо знать законодательство тех времен. Если действовать в соответствии с законом, то к врачу не будет никаких претензий в случае смерти больного. А если лечить не по инструкции, то его смерть будет основанием для судебного приговора.

— Но как же так можно!

Махаон рассмеялся:

— Ты сейчас произнесла любимую фразу флегматика квадры ГАММА. Ну просто по учебнику типологии! Можно, Виктория. Ты даже не представляешь, с какими перегрузками работали врачи.

— Все равно не понимаю. Ведь люди же разные. Как же можно их лечить одинаковыми методами?

— Лучшие врачи, конечно, шли от индивидуальности больного. Но их было не очень много. И они, милая девочка, умирали рано. Попробуй работать с полной отдачей, вникая в каждого больного, отдавая ему свою энергию, напрягая свои нервы — и писать истории болезни, вести прием в поликлинике — семь минут на одного пациента, после приема — посещать больных на дому. Да еще надо подработать, чтобы свести концы с концами. Но ты не расстраивайся. Так было не везде и не всегда. Посмотри на китайскую медицину — уникальное явление.

Виктория посмотрела.

Китайцы, в отличие от многих других народов, сохранили свою медицину от самых истоков. Ничего не потеряли на пути в нусколько тысяч лет. Сберегали основные идеи, подходы, методы, рецепты. Этому способствовали консерватизм, свойственный китайцам, и буддизм, более терпимый к другим религиозным воззрениям, чем христианство. Еще, наверно, особая черта китайцев — молча все делать по-своему. Их, как и России, коснулось татаро-монгольское иго, просуществовав на территории Китая дольше, чем на славянских территориях. Но и через эти века китайские врачи пронесли свои знания, сберегли каждую крупницу драгоценного опыта.

Было еще одно условие, способствовавшее успехам китайской медицины: в Китае было запрещено препарирование трупов.

Только в XVIII веке был снят этот запрет. Таким образом, тысячи лет китайские врачи имели дело с функци-

онирующим организмом, с живым человеком. Тогда как западные врачи прошли через анатомичку. Для первых привычно воспринимать человека как живую систему, в которой все взаимосвязано, все взаимозависимо. Для последних — каждый орган сам по себе. Во время практики в анатомичке в подсознание студента закладывалось представление, что глаз, сердце, селезенка — отдельные органы, и можно каждый лечить, не принимая во внимание остальные.

Кроме того, развитию медицины в Китае способствовала мудрость законодателей. Виктория нашла материалы, которые свидетельствовали: в этой стране существовала своеобразная оплата труда врачей. Им платили, если на их участке не было больных, и не платили, если был хотя бы один заболевший. На Западе было наоборот: чем больше людей болели, тем выше были заработки врачей.

В результате всего этого китайцы, не имея микроскопа, открыли микробов. Они установили закономерности возникновения болезней, зависимость здоровья человека от питания, от эмоционального климата, от состояния его духа, причем в единой системе. Нарушение одного элемента этой системы сказывалось на других.

Они придумали У-СИН — звезду, заключенную в круг. По кругу течет энергия ци. По часовой стрелке от первоэлемента огонь через первоэлементы земля, металл, вода, дерево — и от дерева снова к огню. Каждому первоэлементу соответствовали парные внутренние органы. Так, первоэлементу земля соответствовали селезенка

и желудок, первоэлементу металл — легкие и толстый кишечник.

На первоэлемент металл падает стрелка звезды от первоэлемента огонь. Это может быть положительная эмоция, эмоция радости или отрицательная — эмоция гнева.

Заболевание легких, как считали китайцы, означает, что в организме человека образовался дефицит инь. Инь и ян — это единство и борьба противоположностей. Единство и борьба женского и мужского начала. Сокрытого и явного. Пассивного и активного. Западные медики лечили туберкулез и воспаление легких антибиотиками. Антибиотики — янские препараты. В результате равновесие между инь и ян нарушалось еще больше. Болезнь, после короткого периода улучшения, усиливалась и переходила в хроническую и часто неизлечимую стадию.

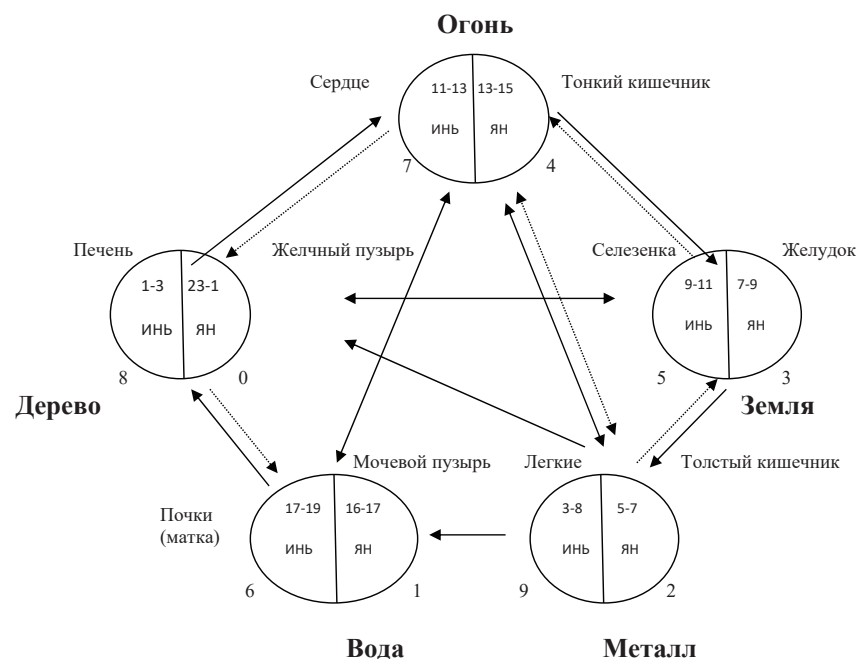
Как поступали китайцы? Они лечили легочные заболевания лекарствами иньской группы. Они насыщали первоэлемент металл энергией ци, приходившей от первоэлемента земля. Проще: они лечили легкие через желудок, обеспечивая больному хорошее питание. Они обеспечивали больному эмоцию радости и стремились оградить его от эмоции гнева.

На самом деле все было не так просто. Энергия ци не всегда идет по часовой стрелке: при нарушениях в системе энергия ци может двигаться против часовой стрелки, и тогда она подавляет, разрушает. Это надо было установить и скомпенсировать. Кроме того, бывают энергетические блоки. Такие блоки изолируют орган

от энергии ци, препятствуют его питанию. Существовали способы снятия блоков.

У- СИН

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СИСТЕМ ОРГАНОВ, ОЦЕНКА АДАПТАЦИИ, ПРИСПОСОБЛЕНИЕ БИОСИСТЕМЫ К ВОЗДЕЙСТВИЮ ВНЕШНЕЙ СРЕДЫ

Виктория пришла к выводу, что врач не должен быть узким специалистом. Но для этого надо держать в голове весь человеческий организм, все системы — сердечно-сосудистую, эндокринную, костно-мышечную, пищеварительную. Все из-

вестные болезни и их возбудителей. Все методы лечения. Как Махаон. Как Мария и Денис. Но для этого врач должен быть гением. И жить так же долго, как живут эти трое. Постоянно учась. Не старея. Не теряя интереса к жизни и любви к людям.

И еще — подумалось Виктории — быть такими же сумасшедше красивыми, как Махаон.

Он был ей Тождик по их первым моделям и Дуал по вторым. Она бы влюбилась в него, если бы у нее был хотя бы самый маленький шанс на взаимность. Но кто она для него? Старательная девочка. Без особых талантов.

Она ровесница Агилару, Хосе и Мануэле. Как им удалось стать такими? Они на равных с Бессмертными. Когда они успели набрать свой опыт?

Ее считали самой красивой девочкой в классе. Но это не та красота, чтобы понравиться Махаону. Не тот уровень. Чего? Внешности? Содержания?

Виктория не знала, что ее грустные мысли — начало познания себя и мира. Что она сделала первый шаг на том пути, по которому уже шли ее друзья.

Мануэла и Агилар

Мануэла держала под контролем все, что относилось к задаче. Она вместе с Настесом и Хосе вникала в технические проблемы, отслеживала снабжение, обсуждала с Викторией и Махаоном медицинские вопросы. Несмотря на такую занятость, ей удавалось помогать Агилару.

Она нашла для Агилара одну очень старую книгу, изданную в конце ХХI века. Книга была польского автора, Тадеуша Лозицкого. В ней были систематизированы ситуации бытового энергетического вампиризма, а главное, приводились конкретные примеры.

Лозицкий подразделял бытовой вампиризм на осознаваемый и неосознанный. Рассматривал случаи, пограничные между энергетическим вампиризмом и зомбированием. Выяснял причины этих явлений, приводил статистические данные их всплесков.

По его мнению, грань между осознаваемым и неосознанным вампиризмом иногда была очень зыбкой.

Основной причиной энергетического вампиризма была перегрузка. В периоды экономических кризисов, сопровождавшихся безработицей, работников эксплуатировали особенно беспощадно. Боясь потерять работу, они соглашались на любые условия. Перерабатывая, они сначала влезали в свои собственные энергетические ресурсы, которые наш организм бережет для случаев крайней необходимости. Когда эти ресурсы исчерпывались, человек начинал прихватывать энергию своих близких. Делалось это разными способами. Насколько Мануэла поняла, способы определялись психологическим типом.

Меланхолики тянули энергию на волнах сочувствия: «я такой слабый, усталый, пожалейте меня». Энергетический вампиризм этого типа практически всегда сопровождался психологическим и материальным иждивенчеством: «я это не могу сделать, но это для меня очень важно, сделай

за меня»; «я не умею себя отстаивать, поговори с ним, пусть он сделает так, как мне надо»; «я не знаю, как быть, реши за меня». Особенно это относилось к меланхоликам квадры ДЕЛЬТА, в меньшей мере — к меланхоликам квадры БЕТА. Последние больше налегали на капризы, вплоть до истерик.

Сангвиники вампирили реже, только если длительное время тянулись к высокой планке, ими же самими для себя намеченной.

Тадеуш Лозицкий приводит случай с врачом, у которого, по мнению Мануэлы, первая модель была холерик квадры АЛЬФА, вторая — сангвиник квадры ГАММА.

Казалось бы, энергии бог дал — на десятерых хватит. Это был врач-гинеколог, талантливый и обаятельный. Постоянно учился, набирал знания. При этом был очень хороший диагност и хирург. Но тут он затеял строительство виллы. В самый неподходящий момент, в разгар финансового кризиса. Деньги текли к нему потоком, но распознались еще успешнее: они дешевели, строители и чиновники обдирали по полной программе. Начал хвататься за любые подработки, недосыпать, переедать. Потерял внешнюю форму, начались ошибки в диагнозах. Вместо того чтобы снизить обороты, практически перестал спать, брался за подпольные аборты на поздних стадиях беременности, объявил себя экстрасенсом, начал исправлять судьбу, гармонизировать биополе клиентов. Между тем популярность падала, клиентов стал искать в других городах.

При таком наборе моделей способ энергетической подпитки обычно другой: через раздражительность и при-

дирки вызвать у «донора» эмоциональную реакцию. Чем более бурной будет ответная вспышка, тем больше энергии перепадет тому, кто ее вызвал. Доведя «донора» до слез или истерики, «provokator» успокаивается, по его лицу разливается волна блаженства. Ему стало на какое-то время хорошо.

Вампиризм этого типа особенно опасен, так как энергия берется рывком, одномоментно и в большом количестве.

Но человеку, доведшему себя до такого состояния, не стоит завидовать. Здесь процессы напоминают алкоголизм: алкоголь поставляет эндорфины — гормоны счастья — в готовом виде, и организм перестает их вырабатывать. Тому, кто попал в такую зависимость, постоянно нужны дозы алкоголя, постепенно возрастающие. Без алкоголя он становится несчастным.

Примерно то же происходит при бытовом энергетическом вампиризме: это слишком быстрый, простой и приятный способ получения энергии. Человек, открывший его для себя, через какое-то время перестает получать энергию из других источников — от солнца, воздуха, воды, деревьев. Он становится зависимым. На каком-то этапе он начинает это осознавать, но остановиться уже не может. От близких, которые начинают инстинктивно его избегать, он переключается на друзей, коллег.

Последняя стадия — подпитка от пассажиров в транспорте, в очередях, от продавцов. Прижаться, прислониться к кому-то, пожаловаться на плохую погоду, начальника, на машины, которые «понаставили», на людей, которые

«понаехали» — это подпитка по «слабому» варианту. Здесь главную роль играет пристройка, стремление вызвать сочувствие.

По «сильному» варианту транспортный или магазинный вампир обычно затевает скандалы. Для него типичны высказывания: «Что вы тут встали — не пройти!» (в переполненном автобусе); «Куда прешь!»; «Не надо мне совать эту гниль!» (продавцу). Основной признак — необоснованность претензий и упреков и стремление раздуть конфликт, втянув в него как можно больше участников. Второй признак — легко успокаивается, на физиономии — довольная мина.

Поднаторев в подобных ситуациях, такой потребитель готовой энергии может перейти на профессиональный уровень. Т. Лозицкий приводит в качестве примера пожилых пани, охотно посещающих разного рода презентации. Они выбирают жертву, садятся рядом, пристраиваются по биополю и тянут энергию. При этом они стараются прикоснуться, поставив локоть на подлокотник вплотную к локтю соседа, дотрагиваясь ногой до его колена или ступни. Но могут обойтись и без прикосновений. Таким образом они продлевают себе жизнь, не затрачивая денег на лечение или курорты и не напрягая себя прогулками и физическими упражнениями.

Т. Лозицкий говорит в своей книге об ответственности энергетических вампиров. В случае с врачом, чрезмерно увлекшимся зарабатыванием денег, пострадали его жена и младенец: за несколько дней до родов жена попала в реанимацию; ребенок родился с отклонениями в мозговом

кровообращении. В других случаях один из супругов, обессточенный своим партнером, теряет работу. Подросток в семье, где есть энергетический вампир, перестает учиться, утрачивает понимание смысла жизни. Его начинает тянуть к друзьям, к компаниям, лишь бы не находиться дома. Он может спиться, стать наркоманом или погибнуть, попав в чуждое ему окружение.

Защита, если понимать смысл происходящего, очень проста. Во-первых, надо следить за состоянием своего биополя. Легче пристроиться и тянуть энергию у того, чье биополе ослаблено. Во-вторых, если человек хватает чужую энергию на волне раздражения — не реагировать эмоционально.

Автор книги приводит рассказ панибиблиотекаря. Ее старенькая мама стала часто устраивать дома скандалы, придираясь к дочери по пустякам. После очередного скандала была очень довольна, тогда как дочь трясло, она плакала, ничем не могла заниматься. Посоветовавшись с психологом, панибиблиотекарь в один прекрасный вечер не выдала ожидаемой эмоциональной реакции. Мать ушла из дому. Ее не было около двух часов. Она рассказала, вернувшись, что дошла до какой-то канавы и упала в нее. Все это время она пролежала в канаве, не в силах встать.

Тогда психолог предложил попробовать, как он выразился, «давать маме энергию до запроса». Другими словами, добровольно, до начала ссоры. Оказалось, что этот вариант в семье вполне приемлем. Во время скандала энергия берется рывком, ее добывается много, и не вся она усваивается.

Здесь происходят большие потери энергии, а коэффициент полезного действия крайне низок.

Добровольно отданная энергия поставляется до начала энергетического голода, поэтому ее требуется меньше. К тому же она отдается небольшими порциями, плавно. Главное же, такой способ не портит характер потребителя энергии, тем самым давая ему шанс стать «энергетическим трезвенником».

С «транспортными» вампирами дело обстоит проще. Иногда достаточно отойти от такого человека, если позволяет обстановка. Можно отмолчаться, не включаясь эмоционально. Самый лучший способ — озвучить причину скандала. Особенно если это будет исходить от третьего лица, не участвующего в скандале. Например, такой человек может посоветовать «донору»:

— Не обращайтесь внимания, это он так подпитывается. Не сердитесь — и он отстанет.

Сам «донор» может сказать:

— Что, дома не с кем поругаться?

Когда Мануэла встретила с Агиларом, он, всмотревшись в ее осунувшееся лицо, спросил:

— Что с тобой?

— Все в порядке. Немного устала.

Агилар вспомнил, что во время его болезни Мануэла не отходила от него. А ведь она продолжала тогда готовить экспедицию.

— Прости. Это все из-за меня.

— Не бери в голову.

— Что-то еще в тебе изменилось. Не пойму, что.
 — Почитай мои мысли, — сказала Мануэла с улыбкой.
 — Да я попробовал — не получается.
 — Я закрылась от тебя.
 — Что так?
 — Извини, Агилар. Ты многое понимаешь. Ты знаешь, что я тебя люблю. Но теперь это касается только меня. Я переехала наши отношения с эмоционального уровня на духовный. Я всегда готова выполнить любую твою просьбу. Больше того: я горжусь и восхищаюсь тобой.
 — Ты ревнуешь меня к Ириде?
 — Нет, Агилар. К Ириде нельзя ревновать. Она необыкновенная. В нее невозможно не влюбиться.
 — Тогда что встало между нами?
 — Ничего. Кроме моей гордости. Когда я поняла, что люблю тебя сильнее, чем мне казалось... Когда ты был беспомощен. Тогда я сказала себе. И говорю это тебе: ты свободен. И я свободна. Пока эмоционально. А дальше — видно будет.
 Агилар впервые в жизни не знал, как ему реагировать, но сангвиник есть сангвиник, и он спросил:
 — Ты только это хотела мне сказать?
 — Да нет, я вообще не собиралась этого говорить. Я пришла для тебя книгу одного поляка. Про бытовых вампиров. С примерами.
 Мануэла пересказала содержание книги. Они обсудили ситуации, описанные Лозицким. Попытались применить их к планете из М35. Наконец, решили встретиться с Мириной.

Агилар не затягивал разговор. Ему было жаль Мануэлу: ее силы были на пределе. А главное — ему стало не по себе. Как если бы он утратил надежный тыл. Как будто его лишили защиты.

Всегда, с самого раннего детства, эта девочка была рядом с ним. Надежная. Умная. С смелым и твердым взглядом. С открытой улыбкой. Девочка-мальчик. Он привык к ее дружбе. А потом и к ее любви. И вдруг она отодвинулась от него.

Ему дали свободу, о которой он не просил.

Малый Совет

Собрались у Мирины. Из Бессмертных были Мирина и Махаон.

На этот раз вместо сирени под окнами шелестели какие-то кусты. Они смыкались густыми ветками. Мелкие нежные цветы — розовые, сиреневые, белые — излучали тонкий аромат.

— Что это за растения? — поинтересовался Агилар.
 — Жимолость.
 — Жаль, что я не встретил его в XX веке. Дотронулся бы. Он не колючий?
 — Нет. У меня под окнами никогда не бывает ничего колючего.
 — Потому что ты сама состоишь из одних колючек.
 — Агилар, когда ты научишься уважать старших? — спросил Махаон.

— А зачем? Через две недели мы будем далеко от вас. А вернемся, скорее всего, стариками.

Он тут же понял, что допустил бестактность. Что попрекнул Бессмертных их бессмертием. Но Махаон смягчил его ляп:

— Мы уже влили в тебя частичку бессмертия. А перед стартом подбросим всем.

— Мне вторую порцию?

— Держи карман шире. Тебе за дерзость — пару подзатыльников.

— Давай сейчас. Не люблю ждать.

— А зря. Я мог бы за две недели забыть.

Махаон в шутку отвесил ему подзатыльник.

— Ну все. Мирина, что у нас на повестке дня?

— Зомби. Подавление по биополю. Главный докладчик — Агилар.

— Я в трудной ситуации, — сказал Агилар. — Вы знаете почти все, что я могу сказать. Поэтому суть изложу конспективно. А то, что мне показалось новым или особенно важным, оставляю на закуску.

Не стоит, я думаю, останавливаться на оживлении покойников с трупными пятнами на лицах, работавших на плантациях.

— Почему не стоит? Это интересно!

— Хосе, я тебе потом расскажу. Вообще, Мирина, собрала у себя одних сангвиников. Только Виктория не возникает.

— И Мануэла, — подсказала Виктория.

— Ну, у Мануэлы такой флегматик в первой модели, что ее сангвиник отдыхает.

— Агилар, ты хочешь сорвать урок? — вмешалась Мирина. — Махаон, дай ему второй подзатыльник!

— Он от подзатыльников заряжается.

— Классно, — сказал Агилар. — С этого и начнем. С причин, по которым одни зомбируют других. Точнее, с целей, которые преследуются при этом.

Собственно, цель — в широком смысле — всего одна: использование. В случае с африканскими зомби использовался физический труд. В других случаях — деньги. Например, на улице цыганка остановила пятнадцатилетнюю девочку. Это было в газетах в начале XXI века. Сказала ей, что ее родителям грозит смерть, если она не принесет ей деньги и золото. И деньги, и золото она очистит и вернет. Та побежала домой, взяла деньги, отложенные на продукты. Вспомнила, что родители прятали в холодильнике какие-то деньги, завернутые в газету — и их прихватила. Взяла мины золотые украшения. Цыганка ждала ее. Взяла деньги, золото и ушла. Как потом выяснилось, в холодильнике была крупная сумма на покупку квартиры.

Следующая цель — подчинить себе человека, который понравился. На короткое время или навсегда. Первое чаще, потому что проще. Второе сложнее: украденное надо охранять.

Хороший пример я нашел в книге психолога, некоего Генриха Зейдельберга, прибалтийского немца, опубликованной в 2029 году. Его сестра Эльза встречалась с молодым человеком, они готовились к свадьбе. Генрих зашел к ней и увидел, что она укладывает вещи в дорожную сумку. Спрашивает, куда она собирается.

— На море. С Томасом.
 — Каким еще Томасом?
 — Доцентом Томасом Вольфом. Он преподает нам психотерапию.

— Ты что, с ума сошла?
 — Мы любим друг друга.
 — Но он же женат!
 — Ну и что! Он сказал, что разведется.

Тут Генрих взял ее за плечи и сильно встряхнул. Она ошарашенно посмотрела на него, потом обвела взглядом комнату:

— Почему тут вещи разбросаны? Почему сумка?
 — Ты же собираешься на море с Томасом.
 — С каким еще Томасом?
 — С доцентом. Вы же любите друг друга.
 — Что за чушь! Я люблю Альберта. Мы готовимся к свадьбе.

Почему я так подробно это рассказываю? В этом эпизоде отчетливо видно полное подавление воли. Эльза собиралась сделать то, чего не было ни в ее сознании, ни в ее подсознании. Идея поездки на море с Томасом была посажена в ее мозг извне. И вот здесь встает вопрос: какие механизмы задействуются в подобных случаях?

— Подожди, Агилар. А если надолго, то как? В твоём примере она когда очнулась бы, если б не ее брат?

— Не знаю, на какое время планировал это Томас. Но он держал бы ее в таком состоянии все это время.

— Ну как же так можно! — воскликнула Виктория,

но, встретив смеющийся взгляд Махаона, покраснела и улыбнулась.

— Я понимаю, низкий уровень воплощения. Когда человек еще не умеет поставить себя на место другого. Но все равно не понимаю. Он же собирался сломать жизнь двоим, которые любили друг друга.

— Это не всегда низкий план воплощения, — сказал Махаон. — Здесь посложнее. Может быть, некоторое отклонение. На психическом уровне. На грани мании величия. «Я такой необыкновенный, что мне все можно. А эти ребята — пыль под моими ногами». Извини, Агилар. Продолжай.

— Еще такого же рода случай. Подруга Оксаны Нэля увела ее мужа, когда Оксана была на восьмом месяце. Просто у Нэли на тот момент не было мужчины. Держала его при себе два года, а потом отпустила. Вскоре Оксана и Коля снова были вместе. Где-то через год Нэля умирает. Спустя какое-то время Коля обратился к Генриху — он хотел, чтобы тот помог замазать трещинку в его отношениях с Оксаной. Он рассказал, что, узнав о смерти Нэли, отнесся к этому совершенно равнодушно.

— Странно даже: ведь я был с нею два года, а как будто умерла женщина, не имевшая ко мне никакого отношения. А эти два года — как в тумане. Как будто это был не я.

И еще один случай, описанный Генрихом Зейдельбергом. Женщина вышла замуж за мужчину, абсолютно ей чуждого. Я попытался составить их типологические портреты. Она — холерик и флегматик квадры БЕТА. Он — сангвиник квадры ДЕЛЬТА и холерик квадры ГАММА. По их первым

моделям — нейтральные отношения. По вторым — ее ре-
визия. Наперекрест, то есть ее первая модель — его вторая
и наоборот — родственные и конфликтные. Но женщина
решила, что он ей зачем-то нужен. Привязала его к себе
и удерживала. Ну, представляете — сангвиник и холерик,
да еще красивый и обаятельный. Зейдельберг приводит их
фотографии. Вот, смотрите.

Агилар дал указания машине, и перед ними появились
голограммы коренастой грубой женщины с короткими тол-
стыми ногами и руками, туповатым лицом и наглым взглядом
и мужчины выше среднего роста, стройного, смотревшего
весело и призывно. Но что-то было в его облике, внушавшее
жалость. Неуверенность во взгляде. И что-то еще.

— Средняя стадия алкоголизма, — сказал Махаон.

— Да. Он начал спиваться. После того как умерла девуш-
ка, которую он полюбил и к которой собирался уйти. Вдруг,
ни с того ни с сего, она начала болеть и через полгода скон-
чалась. Ходили слухи, что его жена занималась колдовством.

Это что касается любви.

— Какая же это любовь? — серьезно сказала Мануэла.

— Ты права. Здесь какое-то другое слово.

— Секс, — сказал Хосе.

— Не только. В первых двух случаях — да, секс как
удовольствие. В третьем еще и деньги. Этот мужик хорошо
зарабатывал.

И еще одна цель зомбирования: энергетическая под-
питка. Как раз это имел в виду Махаон, когда сказал, что
я заряжаюсь от подзатыльников.

— Я пошутил. Ты сам кого угодно зарядишь.

— Так и я шучу.

— Но, Агилар, это уже не зомбирование, а энергетиче-
ский вампиризм, — вмешался Хосе.

— То-то и оно. Здесь зомбирование и вампиризм смы-
каются. Чтобы тянуть энергию долго и чтобы «донор»
не сопротивлялся, его надо зомбировать. Подчинить себе.
Лишить воли. Подсадить в его мозг чуждую идею. Или ис-
пользовать его заблуждение, какой-нибудь стереотип.

— Можешь привести пример? — спросил Хосе, явно
заинтересовавшийся темой, до сих пор его не занимавшей.

— Да сколько угодно. Раньше в некоторых странах было
перепроизводство женщин.

— Что значит — перепроизводство? Выражайся точнее.

— Ты права, Мирина. Так складывалось, что мужчин
выбывало в войнах. Или в кризисные моменты они как менее
стойкие спивались, наркотизировались.

— Не как менее стойкие, — поправила Мануэла, — а как
меньше думающие о самосохранении.

— Принято. Так вот, в таких странах одинокие женщи-
ны иногда — а может быть, и достаточно часто, — рожали
ребенка для себя.

— Как это — для себя? — спросила Виктория. — Ре-
бенка рожают для него.

— Ну, это ты так думаешь.

— Виктория правильно думает, — вступился Хосе. —
Ребенка рожают только для него.

— Мирина, объясни им, — взмолился Агилар.

- Сам справляйся.
- Мирина, ты женщина, у тебя больше терпения. А я не могу каждую минуту танцевать от печки.
- Не забывай, что я сангвиник квадры ДЕЛЬТА. Терпение — не самая сильная моя сторона. Кстати, твоя первая модель в некоторых старых книжках называлась «Наставник».
- Но я же шпарю по второй.
- Не возражаешь, Агилар, если я отвечу?
- Наоборот, буду рад.
- Дело в том, что в дикие времена ребенок считался собственностью родителей. В более цивилизованное время это сохранялось в подсознании людей. В художественной литературе XIX — начала XX века встречались такие высказывания: «Я тебя породил — я тебя и убью». Или еще раньше. Вспомните героиню трагедии Еврипида Медею, убившую своих сыновей. В XXI веке многие люди уже понимали, что ребенок — это носитель души, что его доверили родителям сопровождать по жизни, пока он не повзрослеет. Но в генетической памяти людей оставалось представление, что ребенок — их собственность.
- В чем это проявлялось? — спросил Хосе.
- В том, что ребенка можно было воспитывать любыми методами. Битьем, руганью.
- Подзатыльниками, — хмыкнул Агилар.
- Подзатыльники в деревнях были на первом месте. А можно было баловать до потери пульса. Использовать — например, для собирания подаяний. Превращать в домаш-

- нюю прислугу. Встречались случаи сексуального насилия над собственными детьми. Я прочитал как-то о ребенке, которого немецкая семья держала в шкафу, только ночью выпускали его погулять по квартире. Ребенок был рожден девушкой до замужества, и муж боялся, что наличие внебрачного сына бросит на него тень и повлияет на его карьеру.
- Он вырос и рассказал об этом? — спросила Виктория.
 - Нет, однажды его забыли запереть в шкафу, и он вышел на улицу. У него был настолько странный вид, что прохожие вызвали полицию, и все раскрылось.
 - Их наказали?
 - Да. Не помню, как. Кажется, смертная казнь. Или пожизненное заключение.
 - Спасибо, Махаон. Так вот, такая мама зомбировала своего ребенка. Она внушала ему, что отца у него нет потому, что он не нужен. Им и без него хорошо. Зачем ему отец? Пусть он посмотрит, какие отцы у его друзей. Пьют, ругаются, мало зарабатывают. От мысли, что ему отец не нужен, недалеко до мысли, что и он как отец никому не нужен. Это первый шаг в привязывании к себе.
 - А зачем привязывать к себе?
 - Видишь ли, Виктория, если женщина рождает для себя — это значит для себя, а не для какой-то там девушки. Если он женится, она останется одна. Он должен служить ей, скрашивать ее старость.
 - Но как же... — Виктория посмотрела на Махаона и запнулась, потом засмеялась. — Но это жестоко!
 - Это первый шаг. А второй? — спросил Хосе.

— Второй — похвалы. Ребенок привыкает слышать, что он самый-самый. Не по делам, не по поступкам. А больше никто так не считает. Поэтому мама понимает его, а остальные завидуют ему. Идут всякого рода перекосы. Психологические, поведенческие, эмоциональные.

— И чего она добивается?

— А вот что она получает, это как повезет. Если ребенок холерик, скорее всего, смоемся куда подальше. Если флегматик, медленно ее возненавидит. Если сангвиник, будет дерзить. Может потянуться к вину, к куреву, к наркотикам.

— Почему именно сангвиник?

— Да потому, Хосе, что сангвиники любят жизнь. Их рано начинает тошнить от той роли, которую им навязывают. Хуже всего с меланхоликами. Эти иногда кончают с собой.

— Разве, чтобы покончить с собой, не нужна сильная воля? Кстати, почему ты говоришь об одной модели?

— Воля нужна, когда решение об уходе из жизни принимается осознанно. Например, человек может принять яд, чтобы не выдать своих под пытками. Или чтобы избежать позора. Как Клеопатра, которую собирались показывать римлянам в клетке. Когда же человек загнан в угол, он истощается. Морально. Эмоционально. Физически. Он становится наполовину трупом. До трупа остается совсем чуть-чуть. Он не входит в смерть, а вползает в нее.

— А были случаи, когда женщина рожала для себя и воспитывала ребенка правильно? — спросила Виктория.

— Думаю, нет. Если для себя, то это уже искажение.

— А в полной семье могло быть такое?

— Да, если женщина очень подавляющая. Когда все для нее, и муж, и ребенок.

Кстати, еще один вид самоубийства. В молодежных тусовках распространяется, например, такая идея: если вымахнуть из окна — имелся в виду многоэтажный дом — и разбиться, то попадешь в другую реинкарнацию и в следующий раз воплотишься не на Земле, а на более счастливой планете. Это говорилось под гитару или под какой-нибудь электронный носитель музыки, когда участники тусовки входили в трансное состояние.

— Алкоголь или что-нибудь еще?

— Не думаю.

— Я согласен с тобой, Агилар. Видишь ли, Хосе, воздействие на подсознание при наличии в крови алкоголя или наркотиков недолговечно, оно испаряется вместе с этими веществами.

— Да, я не ответил, почему я говорил об одной модели.

— Я понял. Ты говорил о детях и подростках. Когда проявлена в основном первая модель.

— Теперь — как бороться с этим явлением. О биополе я уже сказал. И это — главное: беречь свое биополе. Не лезать в свои резервы. Второе — знание. Если знаешь, что это возможно и как проявляется, уже частично защищен.

— Вряд ли сразу, — возразила Мануэла.

— Да, ты права. Первый момент почти невозможно уловить. Но любой человек хотя бы на короткое время выходит из-под контроля того, кто на него воздействует. Если он ничего не знает об этом вопросе, то такое «пробуждение» вряд ли заметит. Если же знает — поймет и примет меры.

- Какие?
- По ситуации. Дистанция. Озвучивание поведения партнера. Ссора. И наконец, ответное воздействие.
- Зомбирование зомбирующего?
- Я об этом не подумал. Это интересная идея, Хосе. Но я имел в виду другое: послание зомбирующему на мысленном уровне. Что-то вроде: «не смей меня трогать».
- Это для холериков. Но уж точно не для меланхоликов!
- Почему? Ведь это экстремальная ситуация. А в экстриме человек идет по ИД, или ОНО, бессознательному. А там, в ИД, меланхолик становится сангвиником. Правда, он потом дорого за это платит: при этом происходит большой выброс энергии, и меланхолику понадобится время, чтобы восстановиться.
- Тогда получается, что сангвиник слабее меланхолика?
- На сангвиника труднее воздействовать. Но легче держать под контролем. К тому же «чистых» сангвиников, как и «чистых» меланхоликов не так уж много. Большинство из нас может перекатиться на другую модель, не совпадающую по темпераменту с ведущей.
- Махаон, поддержи меня: Агилара надо принять в Совет Бессмертных.
- Он не пойдет.
- Да, он мне так и заявил. Но почему?
- Разве он не сказал?
- Отшутился.
- Так это же и есть ответ! Агилар дважды сангвиник.

А сангвиники не любят ответственности.

— Пусть так, — согласился Агилар, но не согласилась Мануэла:

— По-моему, Агилар доказал, что ответственность ему по плечу.

— Не спорь, Мануэла. Махаон прав. Если ты подумаешь о моем поведении в XX веке, согласишься с ним. Мирина, у меня все. Что ты добавишь?

— Ты не сказал о положительном воздействии. О сказках, рассказываемых на ночь ребенку. И ребенок понимал это и просил рассказывать одну и ту же сказку снова и снова. Или свадебные обряды. Это были настоящие спектакли. Люди входили в транс. И жених с невестой, и их друзья и подружки усваивали стереотипы семейной жизни. А также многие церковные действия в любой религии. Сюда же можно отнести воздействия с лечебной целью.

— Я об этом не сказал потому, что вряд ли на планету из МЗ5 воздействуют с добрыми целями.

— Да, ты прав. Но я об этом говорю просто для полноты картинки. Итак, что мы можем предположить о тех, кто воздействует на планету?

Наиболее вероятные варианты — это стремление завладеть. Ресурсами. Жителями. Превратить их в рабов. Или завладеть их пространством. Настроить жителей на самоуничтожение. Еще один вариант — они хотят привести к власти какое-то меньшинство. Тех, кто готов им служить за крошки с их стола. За видимость власти. За переселение к завоевателям.

Космическое зомбирование — явление редкое. Я нашла всего несколько случаев, но это далеко от того, что мы предполагаем на планете из М35.

Триста с лишним лет назад были зомбированы операторы — компьютерные, мобильные — на одной из планет в Магеллановом облаке. На планете наступил полный хаос. Во всех областях: финансовой, экономической, производственной. Полный коллапс. Затем им продиктовали условия.

— Почему не вмешались планеты? — спросил Хосе.

— Они вмешались, но не сразу. Долго не могли понять, откуда это исходит. Когда определили, заставили их компенсировать ущерб. Но потери были так велики, что пришлось обратиться с призывом о благотворительной помощи ко всему космическому сообществу.

Второй случай: на планете из созвездия Лебедя был зомбирован президент одной из лидирующих стран. Он стал проводить политику, губительную для всей планеты. Причем настолько грамотно и успешно, что через короткое время эта планета попала в зависимость от одной из соседних цивилизаций. Зомбирование открылось благодаря психологическому анализу поведения президента этой страны.

Были сопоставлены его взгляды, поступки, манера себя вести на протяжении всей его политической карьеры. Этот случай широко освещался прессой во время межпланетарного судебного процесса.

И еще один пример, имеющий некоторое отношение к теме. Честолюбивый житель искусственной планеты Х121 из системы Сириуса зомбировал управителя этой планеты

и «сдал» его другой цивилизации. С условием, что того обвинят в преступлениях, которые он совершил под воздействием этого жителя Х121. Но планета, к которой он обратился, отказалась от его услуг и сообщила на Х121 информацию о том, что происходило на самом деле. Чем это кончилось, я не знаю — история космических контактов об этом умалчивает.

Как можно видеть, эти воздействия не захватывали всех жителей планеты. Кого-то из жителей таким образом, можно сказать, вербовали, и он действовал по принципу троянского коня.

— Троянский конь... Что-то помню. Это из «Одиссеи». Нет, вспомнил — из «Илиады». Его подарили осажденным. А в него напихали воинов. Те ночью вылезли и открыли ворота.

— Хосе, ты совсем не боишься признаться, что чего-то не знаешь или не понимаешь. Научи, я тоже так хочу.

— Этому, Виктория, нельзя научить, — ответил Махаон. — Это берут.

— Как это взять?

— Родись в следующем воплощении сангвиником квадры АЛЬФА, — посоветовал Агилар.

— Скажешь тоже! Чтобы был внутренний конфликт с сегодняшней второй моделью! С моим сегодняшним флегматиком квадры ГАММА!

— Ты такая милая и скромная, — серьезно сказал Махаон, — что внутренний конфликт тебя только украсит.

— А может, я уже проходила эту модель?

— Вряд ли, — возразил Агилар. — Модели не исчезают, они оставляют след. Они в нашем подсознании. В твоём подсознании нет модели сангвиника квадры АЛЬФА. Поверь моей интуиции.

— Ладно, верю.

— В такой компании, Виктория, у тебя только два выхода: оставаться самой собой или позволить им тебя зомбировать.

— Что лучше, Махаон?

— Для кого?

— Для меня.

— Все, ты выбрала. В рамках своих моделей ты бы сказала: «Для них».

Виктория смутилась, но в ее смущении была радость: ей льстило внимание Махаона.

ГЛАВА 3 ИЗУМРУДНАЯ ПЛАНЕТА

*Верь, друг мой, сказкам:
я привык
Вникать
В чудесный их язык
И постигать
В обрывках слов
Туманный ход
Иных миров
И темный времени полет
Следить...
А. Блок*

Последние штрихи

Хосе почти перестал спать и есть. Глаза лихорадочно блестели. Он еще больше похудел. Настесу стоило большого труда отослать его отдыхать. Иногда он просил Агилара воздействовать на друга. Агилар прикидывался холериком

квадры ДЕЛЬТА, который был Хосе Заказчиком, и четко и коротко отдавал команду:

— Хосе, идешь спать. Проснешься — поешь. А потом сюда.

Почти валясь с ног от усталости, Хосе пытался протестовать, но Агилар смотрел на него деловито и бесчувственно и повторял:

— Идешь спать.

Хосе сдавался и брел к себе.

Мануэлу можно было видеть, казалось, сразу везде: на корабле, у телескопа, рядом с Настесом и Хосе, с Мириной и Агиларом. Но ее можно было не прогонять отдыхать: она умно и точно рассчитывала свои силы и время.

Агилар тоже вникал в расчеты и маршрут, наблюдал за кротовиной. Но основное его внимание было сосредоточено на воздействиях на подсознание. Вместе с Мириной он обдумывал способы защиты от воздействий, технические и экстрасенсорные. Раскопал с помощью машины, что в стародавние времена некоторые страны защищали своих президентов мощным энергетическим колпаком, создаваемым группой экстрасенсов. Иногда таких экстрасенсов было трое-четверо, иногда больше, до шестнадцати человек.

Сможет ли он один создать такой колпак над планетой? Кто еще? Разумеется, Мануэла. Значит, вдвоем. Если она не будет отдаляться от него.

Кстати, как она от него закрылась? Спросить бы... Но нет. Не стоит. Это ее выбор. Он догадается. Ответ придет. Сам собой. Как всегда, он получит информацию, которая ему нужна. Неисповедимыми путями.

Виктория не отходила от Махаона, Марии и Дениса. Она все глубже зарывалась в медицину. В диагностику и лечение. В ней появилась смелость и уверенность.

— Я тебя не узнаю, — сказал ей Агилар при встрече.

— Я стала хуже или лучше?

— И не хуже, и не лучше. Еще красивее — да. Но, похоже, ты уходишь со своих моделей на дополнительную.

— Что в этом такого? Взрослые обычно создают третью модель, фантомную, сбрасывают на нее часть энергии с основных моделей. Это приспособление. Так легче жить.

— Так-то оно так. Но ты не просто создала эту модель — ты ее кормишь за счет основных. За счет базовой и программной. Они у тебя отодвинулись. Точнее, задвинулись. А эта шикаует.

— И ты можешь сказать, что это за модель?

— Сейчас. Помолчи.

Агилар сосредоточился на своих ощущениях.

— Все, понял. Это тождество. Тождество с моей второй моделью. Ты хватанула модель сангвиника квадры ГАММА.

— Каким образом?

— Или создала сама, чтобы легче общаться. Или это психическое заражение.

— От кого я могла заразиться?

— В твоём окружении трое с такой моделью: Мануэла, Махаон и я. Мануэла не в счет.

— Почему? Может, я хочу походить на нее.

— Ты с ней не видишься. И она никому ничего сейчас не сможет передать, вся ее энергия уходит в подготовку. Я тоже не при чем. Остается Махаон.

Виктория вспыхнула:

— С тобой невозможно говорить. От тебя ничего не скроешь.

— А зачем от меня скрывать? Виктория, я же люблю тебя. Как люблю Хосе, Мануэлу. Мы друзья.

— Да. Мы друзья. Тогда помоги мне. Помоги избавиться от этой модели.

— Не могу. Я же сам сейчас иду по ней. Если я буду воздействовать на твоё подсознание, я передам тебе эту модель, то есть усилию её.

— Я ничего не знаю о Махаоне.

— Нам и не положено ничего знать о Бессмертных. Они живут так давно, что нет свидетелей, и биографов у них нет. И дневников они не пишут и не публикуют.

— А почему их называют Бессмертными?

— Вообще-то правильнее было бы называть их долгожителями. Но долгожителей мы представляем себе по древним источникам как глубоких старцев и стариц. А они остаются молодыми. Да и звучит очень оптимистично: Бессмертные!

— Агилар, у меня есть шанс?

— Дай подумать.

Агилар посмотрел на Викторию внимательным и долгим взглядом, так что внутри у неё появилась мелкая дрожь.

— Не смотри так, Агилар.

— Уже все.

Он отвёл глаза и сказал:

— У тебя под окном должен быть куст жасмина. Ты похожа на этот цветок. В тебе есть теплота и потаенная

женственность. По модели меланхолика квадры АЛЬФА ты очень красива. У тебя правильные черты лица и большие глаза. Они должны быть серыми, но из-за модели флегматика квадры ГАММА они не серые, а карие с ореховым оттенком. И волосы такого же чудесного цвета. Но я не вижу тебя рядом с Махаоном.

— Агилар, это пройдет?

— Совсем — нет, не пройдет. Но постепенно станет легче. Не так больно.

— Откуда ты все знаешь?

— Мне по моей первой модели положена социальная зрелость.

Наконец, Махаон разрешил Агилару выйти на связь со странной планетой.

Планета отозвалась сразу. Но что-то изменилось в сигналах. Раньше они были сильнее. Было больше образов. Теперь сигналы приходили очень слабые, едва уловимые. Он мысленно спросил о причине. Понял, что раньше на связь с ним выходили несколько жителей. Теперь только один. Чтобы их связь не улавливали враги. И мысли, и образы были очень смутны. Но главное он понял: они — бывшие земляне. Испокон веков они жили рядом с людьми. И не мешали им. Они — земноводные существа с очень сильной интуицией. С высокой духовностью. Ушли с Земли, потому что не смогли выносить страданий людей. Войны, драки, пытки выбивали их из колеи. Они теряли сознание, когда улавливали ощущения тех, кого колесовали, сажали на кол, распинали на кресте. Тех, кто умирал от ран. И они выбра-

ли себе незаметную маленькую планету, которая никого не интересовала.

А потом к ним попросились те, которые остались на Земле. Низшие среди них. Водяные. Русалки. Мельничные. Им стало негде жить: люди осушили почти все болота, перегородили почти все реки. Низшие не были злобными. Они никому не вредили. И их приняли, но оказалось, что они сильно деградировали. Под воздействием людей они постепенно ожесточались. Сейчас они борются с хозяевами планеты за власть. Они считают себя более умными и сильными. Они хотят рулить.

Довольно смутно Агилар представлял того, кто вышел на связь с ним. Это было существо мужского пола. Похожее на человека. Или на жителя небесных сфер. Почти бесплотное. Полупрозрачное. Это был дух горного озера.

Агилар передал информацию об экспедиции. Получил данные об условиях на планете.

Он встретился с Махаоном и Мириной. Серьезный. Взрослый. Готовый ко всему. Рассказал все, что смог понять.

— Твои планы? — спросила Мирина.

— Осталось три дня. Погружусь в водную нечисть. Постараюсь узнать о них как можно больше.

— О враждебной планете они не сообщили? — на всякий случай спросил Махаон. Он уже понял, что здесь — нуль информации.

— Нет. Я почувствовал страх. Даже странно: такое величие, такое неземное, почти божественное существо — и такой сильный страх.

Наглотившись информации о водяных и русалках, Агилар через три дня стоял рядом с кораблем. Хосе улыбался: подготовка к полету прошла идеально. Мануэла была серьезна и собрана. Виктория взволнованна.

Их провожали все, кто помогал им готовиться к полету. Махаон, как и обещал, подарил им «частичку бессмертия» — напиток, восстанавливающий человека на всех четырех уровнях — физическом, эмоциональном, биополевом и духовном. Агилар посмотрел ему в глаза, передал сообщение: «Я знаю, ты отдаешь нам частичку своего бессмертия. Делишься с нами своей жизнью».

Махаон смущенно улыбнулся, ответил мысленно: «Я люблю вас, ребята. Очень-очень». Вслух же сказал:

— Агилар, я на связи. Все, что будет нужно — через меня.

— Да, Махаон. У нас уже есть такой опыт.

Когда они собирались войти в корабль, увидели Главного Бессмертного. Он посмотрел на каждого из них, потом обратился к Агилару:

— Что ты чувствуешь сейчас?

Агилар ответил не на вопрос, а на подтекст:

— Не волнуйся за нас. Будет не легко и не просто. Но дурных предчувствий у меня нет.

— Имей в виду, Агилар: у тебя даже сейчас есть выбор.

— На самом деле у нас выбора нет. Там нужна наша помощь.

Агилар понял — почувствовал, что Главный отчетливо знает, на какой риск они идут. Что он не любит никого терять. Он привык отвечать за каждого. Поэтому Агилар добавил:

— Я многое понял, Олег. Там, в XX веке. Моих друзей ты знаешь. Мы справимся.

Он не сказал, что не вернется на Землю. Если вернется, то не скоро. Он и сам не понимал, откуда он это знает и что это значит для него.

Он помахал всем рукой, поправил челку — жест, характерный для сангвиника квадры ГАММА в момент волнения — и легко поднялся по трапу. Подал руку Виктории, затем Мануэле. В этом не было нужды, но так было принято при отправке экспедиции.

Хосе махнул рукой сверху вниз, как будто с отчаянием, улыбнулся остававшимся счастливой улыбкой ребенка, получившего желанную игрушку, и скрылся в брюхе корабля.

Дали старт.

Планета из М 35

Агилар влюбился в нее сразу, с первого взгляда. Он полюбил ее еще тогда, в своих первых видениях. Ее солнце имело иной спектр, чем земное: оно было сдвинуто в сторону светло-зеленого. Наверно, поэтому все здесь казалось призрачным.

Они стояли на небольшом возвышении. Кусты с темно-фиолетовыми листьями окружали водоем. Из воды торчали какие-то коряги. Что-то булькало и хлюпало, пузыри поднимались на поверхность воды и лопались. Маленькие

фонтанчики рассыпались вокруг них зелеными шарами. Вода жила своей потаенной жизнью.

Хосе смотрел в небо, запрокинув голову. В зеленоватое-желтое небо.

— Как здесь красиво! — сказал он.

— Но странно. Мне как-то не по себе.

— Это сначала. Мы привыкнем, Виктория. И нам будет казаться, что солнце только таким и бывает.

— Ты думаешь, Агилар, что мы забудем Землю?

— На каком-то уровне — да.

— На каком?

— А кто его знает!

— На уровне эмоций, — сказала Мануэла.

— А ностальгия?

— Это другая эмоция, — пояснил Хосе, причем так твердо и уверенно, что все рассмеялись.

— Я что-то не то сказал?

— Все верно, Хосе. Не обращай внимания — это нервный смех, — успокоил его Агилар.

— Не знал, что вы такие нервные.

Все трое молча смотрели на Агилара. Его глаза стали темнее, смотрели отрешенно.

— Нас зовут, — сказал он наконец. — Дух горного озера и еще кто-то. Не пойму, кто. Кто-то враждебный. Пытается мной управлять.

Очередной пузырь выплыл со дна болота и звучно лопнул. Фонтанчики расцвели вокруг того места, где он появился. Все невольно вздрогнули.

— Нам надо обойти болото справа. Там будет дерево. Голубовато-зеленое. Высокое. За ним — скала. За скалой — озеро. Там, на берегу озера, нас ждут.

Ни дороги, ни тропы не было. Цепкие растения хватали их за одежду. Под ногами хлюпало. Методично всплывали на поверхность болота и звучно лопались пузыри.

— Как будто там кто-то дышит, — с дрожью в голосе сказала Виктория. Ей никто не ответил.

Мануэла сжала губы. Ее брови сошлись, образовав глубокую складку над переносицей. Хосе молча вырывал ноги из цепких ползучих растений. Агилар шел, не замечая ничего вокруг: он вслушивался в сигналы, исходящие от горного озера.

Встреча

В болото впадала небольшая речка. Она катилась по мху и странным цветам, отливавшим перламутром. Там, откуда она текла, появилась речная нимфа — так они определили это существо. Она вышла на берег, шлепая перепончатыми не то лапами, не то ногами. Между пальцами рук тоже были перепонки. Она была очень хорошенькая, с небольшой круглой головкой, с золотисто-желтыми глазами, призывно смотревшими на Агилара. Желтые волосы лишь слегка прикрывали маленькую изумительной формы грудь и гибкое стройное тело. Он ответил ей восхищенным взглядом. Глаза нимфы поскуцнели, углы мягкого рта опустились,

она повернулась к ним спиной, пошлепала к речке и вскоре скрылась в волнах.

— Что вы сказали друг другу? — спросила Виктория.

— Тебе, дитя, еще рано знать, о чем говорят между собой мужчины и женщины, — ответил он, весело смеясь.

— Я скажу. Я подслушала, о чем они шептались. Она пригласила Агилара к себе. Обещала ему блаженство.

— А он?

— А он сказал ей что-то вроде: «Ты очаровательна. Будем друзьями».

Все расхохотались. Их смех мягко прокатился по травам, речке, где-то впереди стукнулся о скалу и вернулся назад приглушенным эхом.

Агилар задумчиво посмотрел на Мануэлу:

— Придется мне научиться не думать.

Она улыбнулась какой-то непонятной улыбкой. В ее улыбке были странно смешаны торжество и беспечность.

Речку перешли вброд. Вода была по пояс. Она была нежнее, чем на Земле — так показалось Агилару. Остальным не с чем было сравнивать.

Миновали дерево. Впереди показалась скала.

Их ждали. На небольшой поляне, окруженной мелким кустарником, расположились местные жители. Спиной к скале стоял кто-то высокий. На нем было подобие одежды, нечто, искусно сплетенное из тонких стебельков. У него были бледно-голубые волосы и того же цвета борода, струившаяся по груди и животу. Глаза... Таких глаз не встречалось на Земле ни в какие века. Казалось, через них смотрела вечность.

Какая-то отрешенность. И боль. Безнадежная боль, о которой не рассказать. Которую понесешь с собой в следующую жизнь. Если есть у жителей этой планеты следующая жизнь.

Вокруг были странные существа. Некоторые казались почти бесплотными. Трогательные большеглазые мордочки. Струящийся свет глаз обнимал гостей, убаюкивал, дарил чувство безопасности. Другие казались чуть более плотными. Они были проще и понятнее.

Агилар узнал в высоком своего собеседника. Тот потеплевшим взглядом подтвердил: «Да, это я говорил с тобой». Он опустился на траву. Сел прямо, согнув ноги в коленях и опустив туловище на пятки. Худой. Почти прозрачный.

Агилар сказал друзьям, что они могут сесть. Сам сел в той же позе, что и высокий. Передал ему мысленное сообщение, что будет переводить их разговор для своих друзей. Получил согласие.

— Это дух горного озера. Его имя — Киана. Что значит «все понимающий».

Он родился, по земному летоисчислению, в середине второго тысячелетия. Точнее не может сказать — у них нет записей. Что-нибудь близко к XVI веку, я думаю. Родился на берегу озера Циу. Я вижу северное озеро. Со скалами. Может быть, Исландия. Он не помнит, как называли это озеро люди.

Когда родился Киана, его народ уже разделился. Одна его часть, к которой принадлежал и Киана, пошла по пути духовного развития. Другая, большая по численности, предпочла простые радости и удовольствия. Иногда они пересекались с людьми, случайно или из озорства.

Более духовные развивали в себе интуицию, способность к телепатии, дар провидчества. В результате они становились все более чувствительными к страданиям других. Чужая боль была для них тяжелее собственной. Нравственные страдания, которые испытывали их родственники, соседи, люди, доставляли им мучения не менее тяжкие, чем физическая боль. С каждым годом эти качества усиливались. Они пытались как-то ограничить воздействия на свое восприятие, но ничего не помогало.

Если их менее интуитивные собратья жили не раздумывая и не заглядывая в будущее, они стремились понять устройство Вселенной, учились с нею взаимодействовать. Освоили телепортацию. Поняли основы взаимодействия между разумными существами. Научились оказывать влияние на людей. Иногда им силою мысли удавалось предупредить кого-то об опасности. Иногда кого-то спасали. Предупреждали кровавые стычки. Люди в тех местах, где было много болот, рек и озер, где близко море, становились лучше. Киана думает, что в этом есть заслуга его народа.

Порою они подталкивали людей к открытиям. Так, после событий во Вьетнаме они подсказали психологам, что именно типология поможет поддержать американских солдат с травмированной психикой. Они же надоумили заняться типологией литовских и украинских ученых. С двойной целью: помочь им наладить деловые отношения и помочь более успешно управлять страной.

К тому времени их оставалось на Земле совсем немного: наиболее чувствительные переселились на Изумрудную пла-

нету еще во времена Древнего Рима. Они не могли выносить жестокостей, которые выпадали на долю рабов.

Вторая волна эмиграции на Изумрудную планету была связана с крестовыми походами. Киана держался до второй мировой войны. Зверства эсэсовцев, бомбы, сброшенные на японские города, едва не лишили его рассудка. Тогда Землю покинули последние, самые стойкие. Остались одни примитивы, которые хотели наслаждаться, не думая о других и не заглядывая в будущее.

Получился естественный эксперимент: разумные земноводные существа разделились на интуитов и сенсориков.

— Но это же невозможно! — воскликнула Виктория. — Только все вместе успешны. Зачем же разделяться? Становиться слабее и неуспешнее?

Пока она говорила, Киана смотрел на нее. Под его взглядом Виктория умолкла. Киана снова перевел глаза на Агилара, и Агилар продолжал:

— Так получилось. Они могли обойтись без сенсорики. Вода давала им все: защиту, еду, свободу от тяжелого физического труда. А чем выше они развивались духовно, тем глубже проникали в тайны Вселенной и тем легче могли использовать ее законы.

— Чтобы быть интуитивными, нужно рожать интуитивных детей, — сказала Мануэла, глядя в глаза Киане. — Но природе нет дела до вашего эксперимента.

— Нет ничего проще, — перевел Агилар. — Они научились задавать будущему ребенку качества, которые были для них желанны. Еще до зачатия.

Снова Мануэла встретила взгляд Кианы и прочитала в его глазах: «Какая ты чудесная. У тебя все будет хорошо. Я помогу тебе. Ты заслужила». Мануэла смутилась, но не отвела глаз и спросила, на этот раз не озвучивая свой вопрос: «Вы — да, но те, низшие?»

Агилар перевел ее мысли для Хосе и Виктории и ответ Кианы:

— Они научили низших тому же. Нельзя же было допустить, чтобы родившиеся у них интуиты мучились и страдали в чересчур сенсорной среде.

— Но, — вмешался Хосе, — они утратили дуальность и активацию!

Киана мягко улыбнулся, и Агилар сообщил его мысли по этому поводу:

— Да, верно. Но наряду с этим они утратили конфликт, половину заказа и половину ревизии. Сохранили тождество и зеркалку. Но второй половины заказа и ревизии можно было избежать: ребенок задумывался таким, чтобы как можно лучше подходить родителям.

— Но ведь он был не только с родителями: в его окружении могли оказаться из интуитов кто угодно, — сказал Хосе.

Киана внимательно посмотрел в глаза Хосе, и тот почувствовал волну тепла, охватившую его с ног до головы.

Агилар перевел:

— Ты прав, Хосе. Дословно вот что подумал Киана: «Как умен этот юноша. И как глубоко он прав». Так вот, мы не всегда замечаем, что и заказ, и ревизия от интуитов

мягче, чем от сенсорики. Особенно если Подзаказные или Подревизные тоже интуиты.

Хосе пропустил похвалу мимо ушей — его интересовала суть проблемы:

— Вы совсем остались без сенсорики?

Он как будто не замечал пророческого, почти потустороннего взгляда Кианы и смотрел в его бледные глаза с живым и открытым любопытством. Агилар озвучил ответ:

— Совсем немного сенсорики покинуло Землю вместе с ними. Они смотрят на интуитов с восхищением и очень хотят хоть чему-нибудь у них научиться. Это хороший народ, не завистливый и не рвущийся к власти.

Виктория молчала. Ее глаза сияли влюбленно. Киана прочитал ее мысли, ее желание что-нибудь сделать для него.

— Ты сенсорик сейчас больше, чем интуит. У тебя очень сильная сенсорика. Таким, как ты, достаются обиды и служение. Но тебе повезло с друзьями. Слушай, Виктория, я не знаю, переводить ли дальше.

— Почему?

— Это касается ... Ты поняла?

— Да.

— Это пройдет. Так думает Киана.

— Что пройдет? — спросил Хосе.

— Я нарочно тебе не скажу, Хосе. Учись читать мысли!

— Я читаю.

— Что-о-о? Ты читаешь мысли?

— Да. Я читаю мысли приборов. Я знаю, о чем думает корабль. Я знаю, что думает о нас кротовина. Разве этого мало?

Агилар и Киана переглянулись и с трудом удержались от улыбки.

— Киана думает, что нам пора отдохнуть. Он уже попросил, чтобы нам принесли еду и питье.

Пока располагались поудобнее, переговариваясь и поглядывая на земноводных хозяев планеты, Агилар спросил у Кианы, что тот имел в виду, когда обещал Мануэле и Виктории помощь. «Я помогаю вам понять самих себя. Оставаться самими собой. Идти своим собственным путем, не сбиваясь и не искажая свою судьбу».

Агилар смотрел в полупрозрачные глаза Кианы. Он прикасался через Киану к вечности.

Вскоре им принесли еду. На широких листьях лежали нежные золотисто-зеленые трубочки, сиреневого цвета листочки, темно-коричневые плоды. Каждому из гостей поднесли большие чаши с каким-то напитком. Киана рассказывал о том, что на листьях и в чашах. Агилар переводил.

— Трубочки — это болотные растения. Они содержат почти полный набор всего, что необходимо организму. Сиреневые листочки помогают это усвоить почти на 90%. Напиток — цветочный сок — налит в чаши болотных цветов. Он придает бодрость и силу.

Вкус был приятный. Видно, Киана помнил свое пребывание на Земле и знал, что может понравиться людям.

Когда они подкрепились, Киана представил им свое окружение. Среди тех, кто был на поляне, можно было заметить две группы, сильно различавшиеся между собой. Большая группа была духовнее. У земноводных, относившихся к ней,

были умные внимательные глаза, тонкие лица. Им, с точки зрения землян, недоставало плотности. Во всем их облике было что-то струящееся, полупрозрачное. Уловив внимание к их внешности, Киана пояснил, что они только часть энергии получают от пищи: большая ее часть приходит из воды, остальная — из воздуха и от светил, прежде всего от солнца.

Среди них были в основном духи озер, водопадов, рек и ручьев. Киана указал на маленьких чудесных существ, смотревших на пришельцев восхищенно и застенчиво. Они сочиняли музыку и песни без слов. Агилару удалось соотнести их описания в типологиях Изумрудной планеты и Земли. Это были, насколько понял Агилар, меланхолики квадры БЕТА, Зеркальники и Подревизные Агилару, Активаторы и Подревизные Мануэле. Для Хосе они Миражники и Родственники, для Виктории — Заказчики по ее первой модели меланхолика квадры АЛЬФА и Подзаказные по ее второй модели флегматика квадры ГАММА.

- Разве у них только одна модель?
- Да, Хосе. У них у всех только одна модель.
- Разве они все последнего воплощения?
- Воплощений у них нет.
- Как же так?
- Если я правильно понял, у них нет бессмертной души.
- И у Кианы?

Киана встретил изумленный взгляд Хосе, улыбнулся ему. Агилар озвучил его мысли: «За все приходится платить. Мы долго живем и платим за это тем, что умираем навечно».

- Значит, наши Бессмертные тоже теряют душу?

— Не так однозначно, — сказал Агилар. — Киана считает, что прямой связи здесь нет. Наши Бессмертные сохраняют свою душу, сколько бы они не жили. Но чем дольше живешь, тем сложнее пройти свой путь без искажений. Накапливаясь, искажения могут нарушить внутреннюю гармонию, и тогда два варианта развития событий. Первый вариант — снижение духовности. Результат — минусы в следующем воплощении. Плохая судьба. Отталкивающая внешность. Уродство. Болезни.

- Или наоборот.

Киана посмотрел на Хосе. Что-то мелькнуло в его глазах. Казалось, они стали на миг не такими отрешенными.

— Ты прав, Хосе. Ты снимаешь мысли с мозга Кианы, не умея их читать.

- Не понял.

— Это просто. Ты думаешь то же самое, что и Киана. Но думаешь это на мгновение раньше. Ты опережаешь ход его мыслей.

— Так что значит твое «наоборот»? — спросила Виктория.

— Если человек живет долго, он может или впасть в манию величия, или так много понять, что исправит в себе все, что его искажает.

— Долго живущий имеет шанс искупить ошибки. Создать себя заново, — перевел мысли Кианы Агилар.

— Тут еще интересный момент, — произнес Хосе. Странно так произнес: как будто что-то мысленно ловил в воздухе. — Человек заранее знает, сколько ему жить. Если

много, он не торопится. Если мало — за очень короткое время успевает понять себя, окружающий мир. Успевает реализоваться. Лермонтов. Кафка. Маяковский.

— Слушай, Хосе. Ты не читаешь мыслей Кианы. Тут другое: он тебя ведет. Он развивает твою гениальность. Расширяет твоё сознание. Выводит твоё сознание за рамки техники.

Хосе посмотрел в глаза Кианы:

— Да, ты прав, Агилар. Киана занялся моим воспитанием. На Земле меня только учили.

Все примолкли. Они на несколько минут вышли за границы собственного бытия.

Киана продолжил их знакомство с изумрудианами. Он представил им духов горных озер. Они были моложе его. От них веяло духовной силой и нравственной чистотой. Спокойная гордость и отстраненность сочетались в них с вниманием к окружающим. Как и Киана, они были сангвиниками квадры БЕТА. Агилар узнал их. Это они вместе с Кианой выходили на связь с ним в самом начале, когда он впервые поймал на Земле их сигналы.

Они были его Тождиками по его первой модели. Вот почему они так хорошо понимали друг друга.

Среди речных нимф была и та, которая встретила их у реки. Она демонстративно отворачивалась от Агилара, гордо закинув свою красивую головку. Киана, видимо, что-то сказал ей мысленно, Агилар не успел уловить, что именно: его внимание рассеивалось на мысли всех собравшихся на поляне. Понял по реакции нимфы: она вздернула голо-

ву еще выше и отвернулась от Кианы. Агилар решил, что она — меланхолик квадры ДЕЛЬТА. Он передал ей сообщение: «Не сердись, ты мне нравишься. Я хочу, чтобы мы были друзьями». Речная нимфа посмотрела на него сердито, но тут же улыбнулась: ладно, мол, друзьями так друзьями. И тут же села напротив него. Она сидела, согнув колени, на пятках и упиралась лапами-руками в траву. «Ты обво-рожительна», — продолжил беседу Агилар. Нежная зелень здешнего солнца разлилась по ее детскому личику. Золотые звездочки в глазах заблестали ярче.

Существа, похожие на драконов, были разнообразны. Агилар насчитал четыре группы. Первую составляли темно-коричневые толстенькие добродушные обитатели Изумрудной планеты. У них были длинные хвосты с треугольными гребнями, переходившими на спину и шею.

Мысленно он назвал их тритонами и определил как меланхоликов квадры ГАММА. Во второй группе были пятнистые существа. Желтые пятна покрывали их зеленые бока и спины. Они охотно общались с Агиларом, сразу признав в нем друга. Он уловил ощущение тождества: очевидно, это были сангвиники квадры ГАММА.

Самые яркие переливались всеми красками. На головах у них были подобию рогов. Глаза ярко блестели. Явно сангвиники квадры АЛЬФА.

Четвертая группа драконов была самая подвижная. Они переливались яркими красками, перелетали с одного края поляны на другой. Мельче и легче других. Сангвиники квадры ДЕЛЬТА.

Последнюю компанию существ Агилар заметил не сразу. Можно было подумать, что это пни каких-то деревьев с торчащими со всех сторон корнями. Только всмотревшись, можно было увидеть, что у этих «пней» есть глаза и что «корни» способны двигаться. Не зная, как их назвать, Агилар обратился к Киане. «Это колодезные», — был ответ. «А как же они живут здесь, ведь у вас нет колодцев?». «Они любят сумрак и живут в реках у отвесных берегов, где всегда глубоко». «Как ты их определяешь?» «Они — как драконы. Самые яркие драконы и они похожи. Похожи внутренне. Поведение у них разное».

Так ответил Киана, и Агилар подумал, что колодезные — это меланхолики квадры АЛЬФА. Как Махаон по его первой модели. Вспомнив о Махаоне, он спохватился, что они оставили на корабле его подарок. Мануэла встретила взгляд Агилара и сказала:

— Я захватила напиток богов.

Только сейчас Агилар заметил, что у нее к поясу прикреплен небольшой цилиндр, тот самый, который перед вылетом вручил им Махаон. Он улыбнулся своей странной улыбкой, в которой было удивление и что-то еще. Мануэла не поняла, что именно.

Киана представил прибывших к интуитам сенсориков.

С ними улетел один-единственный водяной. Его звали Лам, по имени реки, в которой он жил когда-то на Земле. Он тогда поссорился с русалками, утащившими на дно девушку из соседней деревни.

Во время рассказа о нем Лам загрустил. Агилар прочитал его мысли, на минуту отвлекшись от Кианы. Он увидел

речку, мельницу, избы, крытые соломой, и понял, что у водяного был приступ ностальгии. «Здесь лучше», — сказал он водяному. «Сейчас нет ни твоей речки, ни мельницы, ни деревянных домов. А здесь, на вашей планете, чудесно».

Он перевел взгляд на Киану. Тот ждал, не вмешиваясь в их беседу, но участвуя в ней глубоким сочувствием к ним обоим.

Водяной был холерик квадры БЕТА. Агилар это понял по ощущению: отношения взаимной активации по первой модели Агилара легко почувствовать. Они очень комфортны. По своей второй модели Агилар он был Заказчиком водяному. И это подтвердил Киана.

С водяным Ламой Землю покинули несколько русалок из его свиты и мельничный.

Русалки были флегматики квадры БЕТА. Это проявлялось в их внешности. Большие светлые глаза смотрели на Агилара твердо и внимательно. Больше других существ они были похожи на людей, но взгляд выдавал их чуждость человечеству. Агилару они были Дуалами и Миражниками.

Ундины имели сходство с русалками, но казались теплее. Агилар подумал: человечнее. Он определил их как флегматиков квадры АЛЬФА.

Мельничный был флегматик квадры ГАММА.

— Твой Родственник, — сказал Агилар Виктории.

«Родственник» смотрел исподлобья и явно испытывал желание занырнуть в свой крохотный грот.

Киана продолжил рассказ о себе.

Он справлялся со своими эмоциями. Не всегда это было легко. Пережив гибель отдельного человека, его предсмерт-

ные мучения, он через какое-то время приходил в себя. При массовом уничтожении людей было сложнее восстанавливать свое тело, свои эмоции, свое биополе. Помогало то, что можно было вмешаться, поддержать жертву. Хотя бы одну или нескольких. Освободить. Исцелить. Или смягчить боль, агонию.

Но время работало против него. Чем дольше он жил, тем чувствительнее становился.

— А мучения? — спросил Хосе. — Они становились страшнее или оставались на том же уровне?

Агилар молчал. Он вникал в мысли Кианы. Наконец, сказал:

— Киана не знает. Конечно, и раньше были страшные эпизоды. Но тогда люди находились на другой ступени развития. Так было принято себя вести. Победители расправлялись с побежденными. Пытали, чтобы получить информацию. Мстили. А потом...

Агилар замолчал. По его лицу прошла судорога: он слишком сильно подключился к Киане. Он испытывал почти непереносимый ужас перед тем, что проходило перед внутренним взором Кианы.

— Киана, — сказал он наконец. — Не надо вспоминать. Не погружайся в события. Мы знаем историю. Назови эпоху. Обозначь время. Мы поймем.

Глаза Кианы смотрели в бесконечность. Сквозь глубину веков. Во что-то страшное настолько, что пережимались сосуды. Голова наполнялась болью.

Он услышал Агилара с запозданием. Так бывает иногда: сказанное отзвучало — и вдруг возникло снова, словно кто-то повторил это для нас.

— Да, — сказал Агилар как будто издалека. — Киана сейчас назовет время. Он отодвигается от него. Чтобы оно не разрывало его мозг. И мой мозг, — добавил Агилар с неестественной, принужденной улыбкой. — Киана считает, что я почти как он способен воспринимать чужую боль.

— Чужой боли не бывает, — серьезно сказала Виктория.

— Да, — отозвался Агилар. — Киана согласен с тобой. Это я не так перевел. Выбрал не те слова. Не бывает боли вне нас. Помните, у Хемингуэя? Не спрашивай, по ком звонит колокол: он звонит по тебе.

Так вот, речь идет о второй мировой войне. О нацистских концлагерях. О «белокурых бестиях». Киана не понимает, как могли так низко пасть представители одной из самых цивилизованных наций. Этого он не выдержал. С ним ушли с Земли почти все интуиты.

— На чем они покинули Землю? — с живым интересом спросил Хосе.

— Телепортация, — был ответ. — Хосе, не уводи нас от главного.

— Только один вопрос: почему мы не пользуемся телепортацией?

— Я думаю — я сейчас не перевожу мысли Кианы, а говорю от себя, — Олег слишком высоко ценит стабильность. Мы пользуемся телепортацией в пределах Земли, а что она даст в рамках космоса, никто из нас не знает. Это, думает Олег, слишком большой риск. Лучше по старинке, через кротовины.

— Киана говорит, — добавил Агилар, — чтобы я не сердился на Олега. Он считает, что стабильность очень важна.

Иногда важнее новых знаний. Именно в периоды стабильности идет накопление потенциалов. Экономических. Социальных. Творческих. Именно в эти периоды рождаются дети, которым суждено делать прорывы.

— Прорывы, чтобы перекрыть стагнацию?! — взорвался Хосе.

— Хосе, ты не хлебнул ни глотка стагнации. Ты со своей техникой в центре инноваций. Помолчи, а? Прости, Киана. Продолжай. Что было дальше?

А дальше интуиты оказались в изоляции от сенсориков, а сенсорики — в изоляции от интуитов. Те, кто переселился на Изумрудную планету, становились все утонченнее и духовнее. Оставшиеся на Земле постепенно разучились сочувствовать другим. Раньше они шутили с людьми, иногда грубо, иногда жестоко. Могли защекотать, заманить под воду, утопить или напугать. Но это были отдельные случаи, редко заканчивавшиеся трагично. С каждой сотней лет они все больше теряли сочувствие к окружающим. Становились холоднее, равнодушнее. Станным образом их притягивали к себе люди в основном физического плана. Этих людей они брали за образец.

Разделившись, проиграли и те, и другие. Но больше все-таки сенсорики. Потому что интуиты проигрывали не по главной линии. Они могли потерять комфортность существования. Могли произойти психологические подвижки. Например, это могло быть усиление психологического дискомфорта. Но они оставались самими собой.

Сенсорики без интуитов пошли в сторону примитивности. Их способность к телепатии сработала про-

тив них: они улавливали мысли малоразвитых людей. Примитивов.

Их шутки становились все более издевательскими, все чаще заканчивались трагедиями. С другой стороны, все меньше места оставалось для них на Земле. Исчезали колодцы и мельницы. Перегораживались реки. Осушались болота. Вырубались леса. Вместе с лесами гибли лесные озера. И тогда населявшие водоемы водяные, русалки, мельничные, колодезные попросились на Изумрудную планету. Их приняли. Никто не знал, как сильно они деградировали.

Вслед за людьми они научились ценить силу. Преимущества по сравнению с другими. Превосходство над окружающими. Одним словом, власть. Когда они прибыли к изумрудянам, те поняли, что не надо было давать им приют.

— Но они бы погибли на Земле. Вы не могли поступить иначе, — сказала Виктория.

— Да. Не могли. И сейчас, наверно, не смогли бы, — продолжал Агилар.

Едва появившись, они начали дразни. Придирались к интуитам. Продвигали и защищали сенсориков. Поделили население планеты на «своих» и «чужих». «Своим» можно было все. «Чужие» были виноваты во всем, что бы не случилось. Киана и его друзья оказались чужими на собственной планете. А их гости становились хозяевами. Они захватывали лучшие водоемы. Ограничивали интуитам доступ к пище. Пришлось вступить с ними в борьбу. Разумеется, на уровне воздействий на подсознание. Удалось оттеснить их на другую сторону планеты. И тогда они нашли себе друзей.

— Здесь, на Изумрудной планете?

— Нет, Хосе. Они стали мысленно обследовать космос. И нашли — не очень далеко, в этом же звездном скоплении — планету, способную и общаться, и воздействовать телепатически. Видимо, ее жители не очень далеко ушли от них. Нашли общий язык. И теперь та планета уничтожает Киану и его народ.

— Каким образом? — спросила Мануэла.

— Они узнали историю Кианы. И сейчас используют это знание. Они транслируют материалы второй мировой войны. Чаще всего в виде репортажей из концлагерей. Доводят их до обмороков. До грани между психической нормой и безумием.

— Что мы можем сделать, Агилар? — все так же серьезно спросила Мануэла.

— Только ответное воздействие. Я попробую. Киана говорит, что скоро начнется. Они начинают, когда наступают сумерки. Время, когда воздействие особенно сильно.

— Они знают о нас?

— Киана думает, что знают.

— Тогда они направят удар на Агилара — с тревогой сказал Хосе.

— Они не знают меня. Ничего ни обо мне, ни о нас. Киана говорит, что он все это время прикрывал нас своим биополем. Но что они собираются ударить по нему и его народу как следует. Чтобы вывести их из строя или убить.

— Ясно, — сказал Хосе. — Что я могу сделать?

— А я? — спросила Виктория.

— Пока ничего. Я попробую. Сейчас Киана передаст мне информацию о них.

— О водяных?

— Да нет. С водяными потом разберемся. Я говорю о тех, кто работает против Кианы с другой планеты. Это один — не знаю, кто...

— Враг, — подсказал Хосе.

— Пусть так — враг. Враг Кианы и, следовательно, наш враг. Он очень сильный телепат. По типологии он холерик квадры ГАММА и холерик квадры БЕТА. Дважды холерик. Это очень сильная типологическая структура. Но здесь есть плюс для нас: я ему Заказчик по нашим первым моделям и — вообще замечательно! — по нашим вторым.

— А я ему Ревизор по нашим первым моделям и Заказчик по вторым, — тихо добавила Мануэла. Агилар не обратил внимания на ее слова. Он думал о том, как осуществляется воздействие при таком раскладе. Его сенсорикой по волевой мобилизации врага. Это по их первым моделям. И точно так же по вторым. Не очень-то сильно.

— Зато я могу нанести удар своей волевой мобилизацией по его функции общения. Смотри, Агилар, я могу выбить его из общения!

— Не лезь. Это не для девочек.

— Агилар, ты становишься грубым, — укоризненно сказала Виктория.

— Так надо, — отозвалась Мануэла. — Он сейчас воин. Он уже сражается.

— Я боюсь за него, — прошептала Виктория. Агилар их не слышал. Он собирал свою волю. Он впитывал лучи изумрудного солнца, клонившегося к закату.

ГЛАВА 4 ПРОТИВОБОРСТВО

*Сын осеняется крестом.
Сын покидает отчий дом.*

А. Блок

Время убивать

Солнце заходило. Горизонт был охвачен изумрудной полосой. На поляне быстро темнело. «Сейчас начнется», — прочитал Агилар послание Кианы. Почувствовал его смятение.

— Виктория, берешь на себя мелких.

— Я не умею читать мысли, ты же знаешь! — с отчаянием сказала Виктория.

— Этого от тебя никто не требует. Просто накроешь их своим биополем.

— Как я это сделаю, Агилар?

— Представь, что ты птица. Большая птица. Накрой их крыльями. Держи над ними крылья. Все время держи над ними крылья.

— Да. Это я смогу.

— Хосе, прикрой духов горного озера. Киану и остальных. Мануэла, поможешь тому, кто не справится.

— А остальные? — спросила Виктория.

— Остальные выдержат. Эти — самые чувствительные. И Киана при поддержке Хосе поможет своим. Он знает, кому и как.

Враждебные волны теперь ощущал не только Киана, но и Агилар.

Виктория села на траву. Она распустила свои длинные густые волосы и раскинула руки, как будто стремясь обнять этих вверенных ей маленьких большеглазых существ. Они облепили ее со всех сторон. Забирались к ней на колени, на плечи, на ноги. Кому ничего не досталось, хватали лапками пряди ее волос.

Хосе стоял, широко расставив ноги и разведя руки в стороны. Он напоминал большую птицу.

Агилар лег вниз лицом. Согнутые в локтях руки обнимали траву. Он улавливал сигналы, мощный поток, почти не ослабленный расстоянием, и понимал, что не одолеет врага. Тот был сильнее.

— Я с тобой! — сказала Мануэла. Она легла рядом с ним, так же, как и он, вниз лицом, прижалась левым боком к его правому боку.левой рукой — через его правое плечо, шею, левое ухо — дотянулась до его левой ладони, крепко ее стиснула. Агилар понимал, что она не просто объединяется с ним по биополю — она делится с ним энергией. Левая рука мужчины берущая, у женщины она — отдающая энергию.

Хотел сказать ей, чтобы она убрала руку, но передумал. Не послушается. И еще он знал: ему это необходимо.

Их биополя смешались, прошли через хаос, потом гармонизировались, став чем-то единым и очень сильным. Теперь он справится.

На мгновение он забыл обо всем. О планете. О ее жителях. О тех, с кем готовился бороться. Так хорошо ему было рядом с Мануэлой.

Это мгновение много дало ему. Мышцы расслабились. Мысли стали четкими, объемными. Он был готов к работе. К борьбе.

Вот оно! Что-то враждебное приблизилось. Вошло в него. Но он держал это под контролем. Пошла картинка. Камера. Большая. Стены, побеленные известкой. Только одно окно. Если это можно назвать окном. Оно вырублено в толстой каменной стене. Квадратное. Внутренние стороны примерно по полметра. Может, чуть больше. Они сужаются. Наружу — только квадрат десять на десять сантиметров.

Камера ярко освещена: наблюдатели должны видеть, что в ней происходит. Это эксперимент. Бесчеловечный. Камера битком набита людьми. Она герметично закрыта. Задраена. Люди рвутся к окну. Отталкивают друг друга. Кричат. Хрипят. Расцарапывают камень ногтями. Пальцы в крови.

Агилар уже испытывал это. В прошлом воплощении. Когда в задраенном снаружи машинном отсеке опускался на дно океана вместе с кораблем. Все сознавая. Интересно, он сошел тогда с ума от ужаса? — мелькнула мысль.

Для наблюдателей это всего лишь очередная партия. Важно знать, сколько времени длится агония. Важны статистические данные. Ты у меня сейчас получишь статистику! Ты, по ту сторону камеры! Стоящий рядом с «врачами». «Целителями». «Врачевателями». Зачем я в это ввязался? Я больше не могу.

Поток энергии через его левую руку усилился. Стало легче. Агилар медленно прогибал противника. Прогнул. Втолкнул — точнее втащил — в камеру. Только тут он заметил мужчину лет тридцати. Он стоял на коленях слева от окна и ногтем рисовал на побеленной известкой стене образ Христа. На Агилара смотрели глаза Иисуса. Длинные волосы спадали по плечам. Человек, рисовавший его, на секунду повернул голову. Его налитые кровью глаза скользнули по Агилару и его спутнику. Мужчина снова повернулся к стене и продолжил свое занятие. Он дышал хрипло, со стоном. Его шея наливалась синевой. Но он продолжал рисовать: он должен был закончить портрет. Это был его ответ мучителям.

Дышать было нечем. Агилар хватал воздух открытым ртом — но воздуха не было. В его руках бился тот, кого он втащил в камеру. Вырывался. В сторону окна. В сторону двери. Один раз даже пнул ногой дверь. Агилар чувствовал, как лопаются альвеолы на поверхности легких. Во рту появился вкус крови.

— Ну что? — спросил он телепата. — Хватит с тебя?

— Отпусти! — получил ответ. — Я все понял. Я никогда...

Его враг терял сознание. Как и Агилар.

— Убирайся. И больше не попадайся мне. Или я убью тебя.

Он отпустил врага. Или тот уже не был врагом? Действительно понял?

Агилар лежал на траве вниз лицом. Вдыхал надорванными легкими ночной воздух. Рука Мануэлы безжизненно сползала с его плеча. Она была без сознания. И, кажется, не дышала.

— Хосе, — прохрипел Агилар. — Цилиндр.

— Где?

— На поясе. У Мануэлы.

Хосе, отстегнув цилиндр, перевернул Мануэлу на спину, приподнял за плечи, с трудом разжал ее стиснутые зубы и влил напиток. Драгоценная влага пролилась на подбородок, но часть она проглотила. Задышала. Открыла глаза.

— Агилар? — произнесла еле слышно.

— В порядке.

— Ему... Дай... Глоток...

Хосе протянул цилиндр Агилару. На его дне еще булькало немного жидкости. Агилар отхлебнул половину.

— Остальное — ей.

Он опрокинулся на спину. Смотрел в небо. В незнакомое звездное небо. Оказывается, это счастье — дышать.

— Агилар, у тебя кровь на губах!

— Ничего. Пройдет. Как твои мелкие?

— Так и ходят за мной.

Он почувствовал присутствие Кианы. Киана сообщил, что они уходят в свои водоемы. Устали дышать воздухом и обезвожены.

— До завтра, — сказал Агилар.

— А знаешь, я могу читать мысли! Даже не думал, что это так просто.

— Как ты это делаешь, Хосе? Научи.

— Совсем просто. Ты только попробуй! Это интересно! Настраиваешься на человека. Ой, ну, на кого-нибудь, как их там. Жалеешь его. Понимаешь. Хочешь защитить. И все. Его мысли становятся твоими.

— Но получается, что лезешь без спросу в чью-то голову. Узнаёшь тайны. И не можешь не читать его мысли. Разве так можно?

— Надо подумать. Здесь должен быть ограничитель. Понимаешь, Виктория, телепатили до сих пор не технари. Агилар. Махаон. Нам, технарям, это ни к чему. Но раз уж я в это влез, я разберусь.

— Хосе, ты пользуешься тем, что я не могу встать и наподдать тебе.

— Да нет, Агилар, это не паранойя. И не новая игрушка. Просто у этих телепатов нет техники, и мне нечем больше заняться. Только идти за тобой. Твоим странным путем.

— Нам пора. Хосе, помоги Мануэле.

Хосе, ни слова не говоря, взял Мануэлу на руки. Она попыталась вырваться, но он держал ее крепко. Мысленно сказал ей: «Не рыпайся. Лучше держись за меня. Мне так будет легче».

Агилар обнял за плечи Викторию, почти повиснув на ней. У него хватало сил только на то, чтобы выдирать ноги из цепких трав. И все-таки он спросил:

— Тебе все еще больно?

— Почти нет. Знаешь, что я поняла? Я не нужна Махаону. Не то что не нужна... Не необходима. А Хосе без меня пропадет. Он не от мира сего. Он беспомощен во всем, что связано с материей. Ему нужна нянька. Я буду ему хорошей нянькой.

— Виктория, не лукавь со мной. Договаривай.

— Да, Агилар. Он талантливей всех. И мне это нравится. Он гений. И в нем нет ничего потаенного. Мне хорошо с ним рядом. Никаких фокусов. Он такой, какой есть.

— А что Хосе?

— Он полюбит меня. Если заметит. Случайно.

— Точно заметит!

— Откуда ты знаешь?

— Подумай сама: он научился читать мысли. Почитает твои мысли — и влюбится.

— Какой ужас! Это он теперь всегда будет знать, о чем я думаю!

— Не бойся. Это не надолго. Он придумает ограничитель.

— Не только ограничитель, — донесся голос Хосе, далеко отставшего от них. — Я думаю над тем, как научить телепатить машины. Чтобы из-за всяких подонков у парней не шла кровь горлом. И девушки не теряли сознание.

— Хосе, ты, действительно, технарь до мозга костей, — отозвался Агилар, останавливаясь. — К телепатии способны только те, кто умеет сочувствовать. Лучшие из лучших. Это не для машин.

— Ты, правда, получил травму. Типа черепно-мозговой. Иначе ты подумал бы о том, с кем сегодня сражался. И о ручках с водяными. Которые на той стороне планеты.

— Пожалуй. Это результат асфиксии. Виктория, у тебя есть что-нибудь для восстановления клеток головного мозга?

— Найдется, — ответила Виктория, все еще красная от смущения, что Хосе уловил ее признание. И проник в ее тайну — в ее симпатию к Махаону, так сильно захватившую ее совсем недавно.

Когда они подошли к кораблю, руки Хосе занемели от его ноши: Мануэла крепко спала, положив голову на его плечо. Ее руки беспомощно болтались, не помогая ему удерживать отяжелевшее сонное тело.

Выбор

Проснулись поздно.

— Как же я голоден! — сказал Хосе, потягиваясь и зевая.

— А я-то как хочу есть! — присоединился к нему Агилар. — Мы же вчера не поужинали. Сразу завалились спать.

— Не сразу, Агилар. Виктория колдовала над тобой и Мануэлой. Я немного подсмотрел, пока не вырубился. Представляешь, она положила тебе на грудную клетку какую-то рамку, и ты стал прозрачным. Я увидел твои легкие. Такие пузырьки на их поверхности. На одну пятую часть примерно они были полопавшиеся. А потом они стали починяться.

— Хосе, — перебила его Виктория, — не пузырьки — альвеолы. Через них легкие на вдохе берут кислород и энергию. И раздают это все всему организму, каждой клеточке.

— Вот это да! Все, возвращаюсь на Землю и занимаюсь медицинской техникой.

— Мануэла, ты как? Есть хочешь?

— Я еще немного полежу, а потом помогу тебе с завтраком.

— Я помогу! — вызвался Хосе. — Я меньше всех вчера напрягался.

— Наверно, я меньше всех.

— Я видел, как они на тебе повисли, твои мелкие. А мне сам Киана помогал.

— Как это он тебе помогал? Я же просил тебя его прикрыть!

— Так я и прикрыл. Раскинул крылья. Так классно, подумал еще, как бы не взлететь. Держал над ними. А Киана их тоже прикрыл. У них получилось двойное прикрытие.

После завтрака двинулись снова к поляне. Виктория продолжала думать о телепатии.

— Ты как-то сказал, Агилар, что телепатия возможна только при направленном внимании.

— Да. Это связь между влюбленными. Или между охотником и дичью.

— Ты вчера был дичью?

— Да. Вместе с Кианой и другими. И это помогло мне: он сам на нас вышел. Сам создал связь.

— Агилар, а как можно закрыться?

- Спроси у Мануэлы. Она умеет.
- Она тебе сказала?
- Нет, Виктория. Она закрылась от меня. И не говорит, как. Она меня читает, а я как безграмотный.
- Получается, я могу составить тебе компанию. Только я совсем безграмотная, а у тебя одна Мануэла нечитабельна.
- Я не сказала, как, потому что ты не спросил. Это очень просто. Нужно на какое-то время потерять свое «я». Раствориться в пространстве. Перестать думать о себе. Вообще перестать думать. И тогда перестаешь быть прозрачным.
- Действительно, просто. А я пошел в сторону усиления волевой мобилизации. Потом понял: волевики читаются так же легко, как и остальные.
- Кого ты считаешь волевиками? Холериков-бетан и холериков-гаммиан?
- Их в первую очередь. Еще флегматиков из тех же квадр. И в какой-то мере холериков и флегматиков квадр АЛЬФА и ДЕЛЬТА.
- На этой планете я не смогла бы жить. Они всех читают.
- Тебе-то чего бояться, Виктория. У тебя со дня рождения ни одной грешной мысли! — рассмеялся Агилар.
- Бывает, — хмыкнул Хосе. — Только, Виктория, я прошу тебя: не учись читать мысли. Когда мы будем вместе, я этого не вынесу. Святой из меня не получится.
- Ты шутишь, Хосе, или ты сейчас предложил мне быть вместе?
- Я влюблен в тебя с первого класса. Я влюбился в самую красивую девочку на всей Земле. И в самую трогательную.

Я никогда не думал, что могу тебя заинтересовать. Мне и сейчас не верится.

Он светился счастьем. Взаимность давно и глубоко любимой девушки, скорое возвращение на Землю, к техническим проблемам, победа над врагами Изумрудной планеты, неожиданно проявившаяся способность читать мысли — и все это вдруг, сразу!

На поляне был праздник. Их встретили как самых дорогих гостей.

Никто из земноводных не соблюдал субординацию. Мысли летали и кружились над поляной. Все были радостно возбуждены, благодарность светилась во всех глазах. Агилар схватился руками за голову и взмолился:

— Ребята, у меня голова от вас кругом! Думайте по очереди, прошу вас!

Киана смеялся и не отдавал никаких распоряжений. Через мудрость, застарелую боль его глаза сияли радостью. Мануэла подумала: как красивы сангвиники квадры БЕТА, особенно когда они счастливы! Независимо от возраста.

О вчерашнем вторжении старались не думать: не стоило травмировать впечатлительных интуитов.

Постепенно все успокоились, и между Кианой и Агиларом началась беседа. Поглощенный ею, Агилар то ли забыл, то ли не захотел переводить. Его друзья переговаривались между собой, стараясь не подслушивать.

— Мануэла, — сказал Хосе, — ты все больше сангвиник квадры ГАММА. И тебе это идет.

— Ты делаешь успехи, Хосе: замечаешь, что происходит вокруг тебя. И отвечаешь комплиментами.

- Это не комплимент — это научный факт.
- Правда, Мануэла. У тебя даже лицо немного изменилось. Оно стало легче. И взгляд. Ты и прическу поменяла — поддержала Хосе Виктория.
- Сегодня утром вдруг захотелось сделать челку. И все время тянет улыбаться.
- У тебя было прозвище в детстве. Помнишь?
- Напомни, Хосе.
- Девочка-мальчик.
- И еще одно: девочка-ковбой — добавила Виктория.
- Интересно. Значит, я в детстве почти перешла на вторую модель. А потом вернулась снова на первую.
- Это просто, — сказал Хосе. — В школе ковбоям делать нечего. А вот флегматикам квадранты БЭТА и ГАММА в школе рай. Рациональность, ответственность, надежность. Опора учителей.
- Они примолкли, отдавшись вкусовым ощущениям: им принесли что-то напоминавшее мед пополам с легким кремом и еще с каким-то соком, кисло-сладковатым.
- Очень вкусно, — сказал Хосе. — Я, пожалуй, не вернусь на Землю. Там такого нет.
- И здесь такого очень мало. Только для детей.
- Откуда ты знаешь?
- Киана сейчас сказал.
- Ты что, Мануэла, подслушиваешь? — возмутилась Виктория.
- Нет, это Киана на меня настроился. По-моему, они с Агиларом сплетничают обо мне.

- У тебя мания величия, — поставил диагноз Хосе. Он вдруг замолчал и внимательно посмотрел на Викторию. Она залилась краской.
- Как красиво ты краснеешь, — серьезно сказал Хосе. — В лучах здешнего солнца, когда розово-красный цвет смешивается с изумрудным, в твоем лице проскальзывает что-то серебристо-зеленоватое с прочернутой. Так каким будет наш ребенок?
- Виктория низко наклонила голову и чуть не плача прошептала:
- Он будет похож на тебя, Хосе.
- Мы назовем его Виктором. А если девочка — Викторией. И будет она похожа на тебя.
- Я создаю сейчас его образ. Неважно, когда он родится: через год, через два, через три. Я уже вижу его. Ты что, собираешься бороться со мной? Он будет похож на тебя. Не спорь. И я не отдам его никому. Если полечу в экспедицию — только с ним.
- Мануэла не вникала в их разговор. Она слушала, о чем беседовали Киана и Агилар. Она считала, что имеет на это право. Потому что это касалось ее. Потому что ей предстояло сделать свой выбор.
- Становилось жарко. Земноводные потянулись к своим водоемам. На поляне остались только земляне и Киана. Агилар обратился к друзьям:
- Мы говорили с Кианой о будущем Изумрудной планеты. Его волнуют три проблемы. Первая — сенсорика на той стороне планеты — что с ними делать. Точнее, как привить

им нравственность. Сделать духовнее. Вторая — снижение чувствительности коренных жителей, и третья — воспитание детей.

— И четвертая, — сказал Хосе. — Как уберечься от повторения вчерашнего. Да, я понял, Киана: ты думаешь, что ваши кикиморы больше их не позовут. Согласен, и Агилар их припугнул. Но низкие быстро забывают полученные уроки.

— Вот поэтому я принял решение остаться, — сказал Агилар.

— Надолго? — спросила Виктория.

— До тех пор, пока буду здесь нужен. Может быть, навсегда.

— Дотелепатился, — вздохнул Хосе. Агилар дал ему подзатыльник. Киана улыбнулся.

— Ладно вам, ребята, — серьезно сказала Виктория. — Дома будете драться. Что ты собираешься делать здесь, Агилар?

— Помогу держать в легком страхе ту планету. Поработаю с сенсориками-примитивами. Буду наставником детей по моей первой модели, а по второй — их другом, товарищем их игр.

— Я останусь, — сказал Хосе.

— Как ты сможешь жить без своей техники?

— У меня идея: я займусь воздействиями на подсознание. Переведу их на математический язык и создам прибор, который будет осуществлять эти воздействия.

— Ты представляешь, что из этого выйдет? Жители той планеты воспользуются твоим прибором. Или водяные

с русалками. Машину ты не выбьешь. Она не будет задыхаться в камере без воздуха. Ее ничем не проймешь. Придется изобретать машину против машины. До бесконечности. Вам, гениям, лишь бы изобрести. Помнишь, у Станислава Лема киберконструкторы изобрели машину, которая уничтожает все, что ей прикажут? Хорошо, она сама сообразила, что приказ уничтожить Вселенную касается и ее тоже. И стала уничтожать постепенно, начав с буквы «н». Горе-конструкторы поняли, что натворили, и отказались от своей затеи. «Но больше на Земле нет...» — дальше идет список того, чего уже нет на Земле.

— Я понял, Агилар. Обойдемся без машины, воздействующей на подсознание. Хотя, я думаю, такие открытия уже были. Просто Бессмертные их заблокировали. Как и машину времени.

— Я рад, что ты понял. Так что возвращайся, Хосе. Вместе с Викторией и Мануэлой.

— Ты считаешь, что я тебе не нужен. Ну что ж...

— Нужен, Хосе. Нужен всегда. Но — возвращайся на Землю. Для меня достаточно, что ты есть. Все равно, где.

— Прости меня, Агилар. Я вернусь на Землю. Вместе с Хосе.

— Да, Виктория. Мне не за что тебя прощать. Будь счастлива. Мануэла, ты знаешь, где атлас. То, что я успел записать. Психологические портреты здешних жителей. Голограммы. Передашь Мирине.

— Поручи атлас Виктории. Я с тобой.

— Не нуждаюсь в жертвоприношении.

— Это не жертва. Я люблю тебя. И хочу быть рядом. Можешь не любить меня. Можешь тосковать по Ириде. Можешь влюбиться в речную нимфу или в болотное чудище. Лишь бы быть рядом с тобой.

Они не заметили, как исчез с поляны Киана. Как Хосе и Виктория отошли от них. Они были одни, озаренные бледно-изумрудным солнцем.

— А как же... Разве ты не перевела наши отношения с эмоционального уровня на духовный?

— Это было легче сказать, чем сделать. Я не смогла. Мне удалось только закрыться от тебя.

Агилар притянул ее к себе, обняв за плечи.

— Глупая гордая девочка. Я люблю тебя. Только тебя одну. Всегда.

— А Ирида?

— Ирида — из другой жизни. Отзвук. Мы встречались с нею в прошлом воплощении.

— Не только это.

— Да, еще что-то. Какая-то искра вспыхнула между нами. Между мной и Иридой. Но когда ты отодвинулась от меня, я испугался. Знаешь, мы с детства были рядом. И мне понадобилась дистанция, чтобы тебя увидеть. Я не буду тебя обманывать: Ирида останется в моей памяти. Навсегда. Но она больше не стоит между нами.

Он слышал биение ее сердца. Он знал: с этой минуты он в ответе за нее. Перед собой. Перед людьми. Перед Вселенной.

ЧАСТЬ III БОЛОТНЫЙ КОКТЕЙЛЬ

ГЛАВА 1 ПЕРЕД РАЗЛУКОЙ

*Ты знаешь, я так тебя люблю,
что если час придет
и поведет меня от тебя,
то он не уведет...*
О. Седакова

Изумрудные слезы

Они разлучались только однажды, когда Агилар на три недели занырнул в XX век. Конечно, иногда они не виделись и дольше, занятые каждый своим делом, но при этом были рядом и могли выйти на связь в любой момент. А те три недели их напрягли: Мануэла и Хосе знали, что Агилару угрожала опасность, Виктория догадывалась. Агилар же впервые был один на один с жизнью. И все-таки тогда он был на Земле, пускай в другом веке.

Теперь же они расставались надолго, если не навсегда. Между ними будет зиять пропасть шириной в десятки световых лет.

Остается телепатическая связь, но она энергетически затратна. Плата за одну минуту исчисляется несколькими годами жизни.

Они старались вести себя как обычно. Вычисляли кротовины. Обсуждали задачи, стоявшие перед Агиларом и Мануэлой. Решали, как быть с жильем и одеждой. Единственное, в чем проявлялось их глубинное настроение, было стремление все делать сообща. Вместе занимались расчетами, при этом больше мешая, чем помогая Хосе. Вместе перенимали медицинский опыт Виктории. Вместе готовили минимальный комфорт остающимся.

С жильем и одеждой для Агилара и Мануэлы дело обстояло не так-то просто. Жить без укрытия от непогоды и посторонних глаз они, в отличие от земноводных, не могли. В то же время строительство дома могло запустить механизмы зависти и соперничества. То же с одеждой.

Агилар настаивал на том, чтобы отказаться от земных привычек и жить предельно просто. Мануэла хотела иметь дом и одежду. Приводила в пример Миклуху Маклая, жившего в каком-то подобии дома на берегу Новой Гвинеи. Ни зависти, ни конкуренции у местных жителей это не вызывало.

— У них были хижины. Они были такие же люди, как и он, — протестовал Агилар.

— Зачем строить? — додумался Хосе. — Оставим вам корабль. Его нельзя скопировать. Поэтому не будет зависти. И для вас защита на все случаи жизни. А мы с Викторией испытаем телепортацию.

— Без решения Совета Бессмертных и согласия Олега не стоит, — сказал Агилар.

— С каких пор ты такой законопослушный?

— Да я всегда таким был. Если посмотришь внимательно на мои протесты — они лишь поправка к тому, что мне было велено.

— Пожалуй. А казалось, что ты бунтарь.

— Это потому, что нас затюкали. Три сантиметра в сторону казались подвигом и бунтом.

— Надо это обдумать.

— Все-таки нужно строить. Мануэла, не слушай их. Они ничего не понимают в жизни. Им бы только технарить и телепатить.

— Виктория, ты набралась от нас с Мануэлой нашей второй модели. Ну побудь флегматиком, сангвиников и так трое!

— Прямо вашей! Разбежался! Виктория хватанула мою первую модель — сангвиника квадры АЛЬФА.

— Сознаться, Виктория, чего и от кого набралась?

— От вас, Агилар. От тебя и Мануэлы. На память.

Глаза Виктории наполнились слезами. Мануэла смотрела на подругу с улыбкой, одаривая ее милым, больше мальчишеским, чем девчачьим сочувствием. Виктория улыбнулась ей в ответ:

— Как я люблю вас, я не могу этого рассказать. Мне не хватает слов.

— Мы знаем, — сказал Агилар. — Это взаимно. Так: вытерли слезы. Мы все равно будем вместе. Вы всегда будете с нами. И мы всегда будем с вами. Расстояние — это

внешняя сторона вопроса. Главное — любовь. Наши души бессмертны, потому что в них — любовь.

— А как же преступники? Убийцы? — спросила Виктория, послушно вытирая слезы.

— Что мы знаем о них... Не может такого быть, чтобы они никого никогда не любили.

— А если может? Было даже такое слово — я читал — отморозенный.

— И об отморозенных нам ничего неизвестно. А если они и в самом деле идут по жизни без любви, совсем без любви — то мы не знаем, что с ними бывает после смерти. Это от нас закрыто.

— Почему?

— Потому, Виктория, что так страшнее.

— Но они же все равно не боятся!

— Неизвестно. Я думаю, боятся. И от этого страха хотят избавиться, становясь страшными для других.

— Тогда зачем?

— Что зачем?

— Если это не работает, зачем же их пугать?

— В формате одной жизни ты права. А вот в рамках всех воплощений это может иметь какой-то смысл.

— Давайте посоветуемся с Кианой, как быть с жильем и одеждой. Он лучше знает своих.

— Да, Мануэла. И он умеет смотреть вперед.

— Ты тоже умеешь.

— Иногда. Но сейчас речь идет о жителях планеты. О будущем. Мы берем на себя функции богов. Помните,

у Ольги Седаковой: «Одни только духи безупречны, скромны, бесстрашны и милосердны». Так вот, я не дотягиваю ни до одного из этих качеств. Скромность у нас в единственном экземпляре — у Виктории. Бесстрашие, пожалуй, у всех. Милосердие у меня на грани дефицита. А безупречны, это точно, одни только духи.

— Ты так хорошо понимаешь ответственность, что это парализует твою интуицию. А я сейчас смотрю вперед.

— И что ты там видишь?

— Эти сенсорные похожи на плохо воспитанных детей. Они не злы. У них просто были плохие образцы для подражания.

— Это ты о духах горных озер?

— Нет. Это я о землянах.

— Ты считаешь...

— Низкие ищут низких. С высокими им некомфортно. Так что я говорю не о всех землянах, а только о тех, кого выбирают водяные и русалки.

Мануэла улыбнулась:

— Ты, Хосе, стал изумрудянином. Людей называешь землянами.

— А правда.

— Так что же впереди?

— Вы справитесь. Ты, Агилар, и ты, Мануэла. Помните, что они — дети. Сенсорные дети. От сенсорики нельзя требовать, чтобы они видели следствия своих поступков. От детей нельзя требовать, чтобы они понимали других. Но как дети они лабильны. Способны меняться.

— Хосе, может, все-таки останемся? Я только сейчас поняла, как все сложно. Сколько здесь работы.

Мануэла взъерошила свою челку, посмотрела в глаза Виктории. Под зеленоватым солнцем они были того же цвета, что и незрелые лесные орехи.

— Виктория, не надо об одном и том же. Мы все решили.

— О решенном говорить — только путать! — произнес Хосе. Агилар молчал, внимательно глядя в лица друзей. Он прощался с Хосе и Викторией каждую минуту. Вспоминал, как Виктория гладила его лицо, когда он был между жизнью и смертью после путешествия в XX век. Как Хосе, не рассуждая и не раздумывая, согласился разблокировать вход в машину времени. Как они играли в детстве. Как учились в школе.

— Не надо так, Агилар, — тихо сказала Мануэла.

— Не буду.

Внутренние ресурсы

— Виктория, ты обещала рассказать нам о самом главном в целительстве.

— Да, о самом-самом главном. И это не лекарства. Не врачи. Речь пойдет о нашем подсознании. Сегодня поговорим о внутренних резервах. Я начну с примеров. Они относятся к разным векам — с XX и до сегодняшнего дня.

Гражданину США был поставлен диагноз: онкология в последней стадии. Врачи сказали, что жить ему

осталось всего лишь один месяц. Он представил: целый месяц лежать в этой палате и ждать смерти. «Это не для меня», — решил он и попросил диски с записями юмористических программ. Он гонял их с утра до вечера и хохотал от души, забывая о своей болезни и о приговоре врачей. Через месяц приборы не обнаружили раковых клеток. Это — реальный факт, о нем были сообщения не только в американских СМИ, но и в других странах. Международный резонанс. Впрочем, насколько я поняла, обыватели восприняли эту информацию как не то странный, не то курьезный факт. Да и подавалась она в рамках развлекательных программ. Возможно, поэтому воспринималась без выводов и обобщений. Вот такой странный случай. Вот такой чудак американец. Надо же: смеяться, когда смерть уже рядом! Бывает же!

— Наверняка дважды сангвиник, — сказал Хосе.

— И скорее всего, квадры ГАММА и ДЕЛЬТА, — добавил Агилар.

— Но тут и воля нужна.

— Ты что, Мануэла! Причем здесь воля! Главное — уравновешенность процессов возбуждения и торможения!

— Ты прав, Хосе. Но и с волей здесь все в порядке: у сангвиников квадры ДЕЛЬТА она в тренируемой позиции. Этого достаточно.

— Да, Агилар. Добавь к этому смелость сангвиников квадры ГАММА. Даже не смелость, а бесстрашие.

— Безбашенность, — подсказал Хосе.

— Ну да, наверное. Мануэле и Агилару лучше знать.

— Продолжай, Виктория. Хватит нас с Мануэлой дергать за косички!

— Ты думаешь, у тебя и Мануэлы снова длинные волосы? И твои схвачены золотым обручем?

— Виктория, не валяй дурака. Я сказал это не всерьез.

— Интересное словосочетание. Какого дурака не должна валять Виктория?

— Это вы все валяете дурака. Так вот, второй случай произошел со старушкой. Это было в России. Старушка была одинокая, с последней стадией рака. Ее держали в больнице, потому что некому было за ней ухаживать.

— Не понял. Кто же человека в последней стадии онкологии отправляет домой? Не у всех же родственники врачи.

— Так было, Хосе.

— Везде?

— Нет, не везде. Но в России — точно.

— На каком основании?

— Без всяких оснований. По указанию свыше. Что же они будут занимать места в больницах. И отчеты лучше: смертность в стенах больницы в пределах средней нормы. Я согласна, это бесчеловечно. Но зато экономично.

— Экономично? Странно. Что же они, совсем были безголовые? Родственники тех, кого отправляли умирать домой, теряли здоровье. Это же невыгодно стране. У детей в таких семьях страдала психика.

— Хосе, ты уводишь нас в политику. Мы сейчас говорим о внутренних резервах. Я возвращаюсь к старушке. Вечером ей стало совсем плохо. Разумеется, никто возле нее не сидел.

Что с нею происходило, что она чувствовала, о чем думала, неизвестно. Но утром ей вдруг стало лучше. Онкологический процесс стал развиваться в обратном направлении. Вскоре ее выписали из больницы без диагноза «онкология».

— Скорее всего, она о чем-то думала. О своей жизни. О своих обидах. И простила тех, кто ее обижал, — сказала Мануэла.

— Да, похоже, именно так. О самом излечении путем избавления от обид, гнева, стремления отомстить писала Луиза Хей. Тоже онкология. Приговор врачей. Тяжелейшая обида на мать и отчима. Отчим изнасиловал ее, когда она была еще ребенком. Мать обвинила в этом ее. Все в семье стали ее сторониться. С этой дикой несправедливостью она вошла во взрослую жизнь. Когда врачи ее приговорили, она начала разматывать этот клубок. Поняла, что на долю ее отчима и матери выпало еще больше страданий. Что они не могли дать ей то, что не было дано им их родителями. Она их не только простила — она им посочувствовала. Другие обиды она сама притягивала к себе, так как в ней были искажения. Эту работу она проделала параллельно с лечением. И она справилась с болезнью.

Был в XX — XXI веке психотерапевт Алексей. Фамилию не помню. Он работал в детской онкологической клинике. Помогал детям выходить из онкологии. Так вот он говорил, что ребенок принимает решение, жить или умереть, на подсознательном уровне. Тем, кто решил не жить, помочь невозможно. Можно только облегчить переход. Чтобы они ушли без страха, обид и гнева.

Он рассказал в одной из своих книг о пожилой женщине. Кажется, это была его родственница. Может быть, сестра матери или отца. Ей было уже много лет, когда она собралась помирать. Соборовалась. Лежит, умирает. Не ест, не пьет. Совсем ослабела. И вдруг узнает, что умерла одна из ее дочерей. «Кто же будет с детьми сидеть?» Сказала так — и поднялась с постели. Стала есть, пить. Поехала к зятю. Сколько-то лет прошло. Дети подросли, она им больше не была нужна. И снова стала помирать. Слегла, соборовалась, в общем, приготовилась. Тут узнает, что ее внучка родила первенца. «Как же она одна-то управится?» Все повторилось: поднялась, поехала к внучке. Когда Алексей об этом писал, она была жива, растила правнука, хлопотала по дому.

— Получается, человек живет, пока он нужен, — задумчиво произнес Хосе.

— Не совсем так. Человек живет, пока он думает, что он нужен. Вот еще один пример из его книг. Женщина — казачка по имени Мавра. Восемьдесят пять лет. Признание: жить надоело. Подружки умерли. Поговорить не с кем. Скучно. Через полгода ее не стало. Организм был очень крепкий. Осанка правильная. Все зубы на месте. Сердце и все внутренние органы были в пределах нормы. Могла бы еще пожить — не захотела.

— Она была одинокая?

— Хуже, чем одинокая. У нее был сын, с второй женой которого у нее не было контакта. Они жили отдельно. А она жила с дочерью Таней, которая о ней заботилась. Возмож-

но, покрикивала на нее. По-деревенски откровенно. Мол, не пора ли тебе...

— Внуков не было?

— Один внук погиб, когда ему было тридцать. Покончил с собой. У него было плохое зрение, а потом совсем ослеп, и мачеха его выгнала. Олегом его звали. Разговор был вечером. Он вышел из хаты, дошел до речки. Аксай — имя речки. На дереве повесился. Дерево низкое, так что ноги почти касались земли. Провисел несколько дней, потом рыбак проходил мимо, узнал, спрашивает: «Ты чего тут в такую рань?» Тот не отвечает. Подошел ближе — а у Олега глаза выклеваны. Его младшая сестра Лида — копия матери. Все только под себя гребла. Ни с кем не ладила, ни с матерью, ни с отцом, ни с мужем. Была еще одна внучка, от дочки, так они с мужем и ребенком уехали во Владивосток. Это был тогда закрытый город, без приглашения и всяких формальностей в гости не приедешь. Поговаривали, что специально выбрали этот город, чтобы мать не могла их навещать.

Я предположила, что Мавра — холерик и сангвиник квадры ГАММА. О ней была такая информация: ездила верхом на лошади не хуже мужика. Высокая. Глаза карие. Красивая, стройная. Насмешница. Очень смелая. Что квадра ГАММА — однозначно.

Ее сын — флегматик квадр ДЕЛЬТА и БЕТА. Осторожный, если не трусливый, молчаливый, хитрый и жадный. Дочь — флегматик квадры БЕТА и вторая модель сангвиника. Возможно, квадры ДЕЛЬТА.

— Получается, дочь ей Ревизор по их первым моделям и Заказчик по вторым, сын — Квазитождик и Миражник, наперекрест — дважды Ревизор. А Олег?

— Флегматик квадр БЕТА и ДЕЛЬТА.

— Ревизор и еще раз Ревизор. То есть Мавра для Олега не была значимым лицом. Он отчетливо видел ее недостатки. А тут еще мнение мачехи и отца. В общем, типологически тупиковая ситуация. Два человека из этой семьи не захотели жить. Один убил себя, другая тихо угасла. А первая жена сына?

— Лена. Она ухаживала за его больной теткой, сестрой Мавры, и унаследовала ее хату. Ушла от мужа и свекрови, взяла с собой Олега. Ему было тогда семь лет. Стала жить весело. Водка, мужики. Олег попросился к отцу и мачехе. В семь лет обстирывал себя, нянчил сестренку. Потом техникум. Очень любил читать. Читать запрещали, так он читал под одеялом с фонариком. С четырнадцати лет носил очки с большими диоптриями. В техникуме совсем подорвал зрение. Стал пастухом. Пас в степи отары овец. Дальше вы знаете.

— Но у него же сильная воля по первой модели!

— Видишь ли, Хосе, первая модель у него из квадры БЕТА. Бетиане не только подавляют — они не верят.

— Чему они не верят, Агилар?

— Они, Виктория, не верят никому, даже самим себе.

— Это ты подзагнул! Тебе не кажется, что это чистой воды типологический — не знаю, как правильно назвать... расизм? Шовинизм?

— Да ну тебя. Я же сам из квадры БЕТА. Просто в определенных условиях бетиане сдаются раньше других.

— Я помню, как ты «сдался» в XX веке, — рассмеялась Мануэла. — Махаон говорил, что ты боролся даже когда потерял сознание.

— Я уже шел тогда по второй модели. И ты сейчас по ней шлепаешь.

— Ты идешь, а я шлепаю?

— Давай наоборот: я шлепаю, ты идешь. Даже бежишь — не угнаться.

— Это потому, — важно сказал Хосе, — что ваша планета маленькая и вращается быстро. И вы тут быстренько состаритесь. Так что предоставьте изумрудян им самим и айда с нами на Змелю!

— Ага, для Мануэлы она специально вращается быстрее, чем для меня!

— Так кажется, потому что ты не догоняешь.

— Даю тебе фору. Беги, я буду догонять. На счет десять.

— Меня ты точно не догонишь, у меня ноги длиннее.

— Зато у меня легкие починенные. Виктория, ты ведь не схалтурила, когда меня чинила?

— Я старалась изо всех сил. Надеюсь, твои легкие в порядке.

— Лучше, чем были?

— Возможно. Что-то ведь происходит с нашим телом. Это необходимо — время от времени его чинить. Ремонтировать. Прибираться в нем. Как в доме. Мыть, чистить. Проветривать. Считаю, что ты прошел через внеочередную чистку и починку.

— А я никак не мог понять, почему мне так хорошо здесь. Виктория, может ты мне жабры соорудишь?

— Сейчас не стоит. Мы прилетим к вам. Через десяток лет. Вы к тому времени будете знать точно, нужны вам будут жабры или не нужны. А то Виктория сделает вам жабры, а вы потом подадите на нее в суд.

— Какой еще суд?

— В ваш суд. Вы же создадите здесь суды, тюрьмы?

— Зачем? Для кого?

— Для тех, на той стороне.

— Не шути так, Хосе. Нас же читают, — прошептала Виктория.

— Забыл. Ребята, вы там, на той стороне, простите неудачную шутку.

— Виктория, не бойся: они читают мысли. А мысли у Хосе нормальные. Хотя... Какой-то хвостик, наверно, мелькнул.

— Я думал о том, что квадралам БЕТЫ нужно как-то реализовать свою внутреннюю программу.

— Хосе, мы с Агиларом уже давно перебрались в квадрату ГАММА.

— Бродяги. С Земли на Изумрудную планету. Из квадры БЕТА в квадрату ГАММА. Когда мы к вам прилетим в гости, вы уже будете в другой созвездии.

— Предупредите — мы вернемся сюда. Виктория, дальше.

— Когда я читала и просматривала эти материалы, мне было странно, как-то не по себе. Они же умерли, давным-давно. Наверное, снова приходили на Землю. В других моделях. Возможно, не раз. А все равно больно и страшно.

Я сейчас скажу о сновидениях. Вы согласны, что бывают вещие сны?

— У меня — нет. Ни разу.

— Ты, Хосе, так мало спишь, что твоему мозгу не до сновидений.

— Не в этом дело, Мануэла. Хосе по первой модели вещие сны не положены. Перейдет на программную — наверстает.

— Разве я не перешел?

— Нет, Хосе. Она при тебе, ты из нее берешь, что тебе надо для творчества. Но поведенчески ты в квадрате АЛЬФА,

— Хочешь сказать, что я отстаю от вас?

— Именно. Если бы не отставал, мы бы шеи свернули, чтобы тебя увидеть — так ты был бы высоко от нас.

— Не понял. Мне гордиться? Благодарить? Или дать тебе по шее?

— Лучше по шее.

— Почему лучше, Агилар?

— Потому что, Виктория, я так легче воспринимаю. Быстрее.

— Давай лучше я дам тебе по шее. Будет не так больно.

— Представляю! Погладишь, а не ударишь. И тогда Хосе меня убьет. Из ревности.

— Я никогда тебя не убью, Агилар. Даже из ревности. Отдать свою жизнь за тебя — это пожалуйста.

— Ну и ну... Это шаг к модели меланхолика квадраты ГАММА. Значит, процесс пошел. Виктория, хочешь, дай нам по шее, хочешь, погладь. Сделай что-нибудь, чтобы мы включили тормоза.

— Вы уже включили. Молодцы. Умницы.

Виктория погладила Хосе и Агилара по голове. Оба изобразили полную покорность. Мануэла кусала губы, сдерживая смех.

— Итак, сновидения. Женщине снится, что она стоит среди поля. Зима. Все вокруг белым-бело. Далеко появляется белая лошадь, запряженная в сани. В санях стоит во весь рост ее покойный муж. Подъезжает совсем близко. Лошадь останавливается. Муж зовет ее, она садится в сани, и они уезжают. С этим сном она пришла к Алексею. «Хотите к нему? Или хотите жить?» «Хочу к нему. Но у меня дочка». «Значит, не будем торопиться». Он ввел ее в транс, попросил представить сон с самого начала. Белое от снега поле. Лошадь, запряженная в сани, приближается. Муж зовет ее к себе. «Подожди, — говорит она. — Я не могу оставить Валю». Его лицо становится грустным, он опускает голову и уезжает один, без нее. А она прожила еще около тридцати лет. Дочку выучила, выдала замуж, помогла вырастить двоих внуков.

— Ты думаешь, если бы Алексей не помог ей изменить сон, она бы умерла?

— Я уверена в этом. Но не на сто процентов.

— С этими снами всегда так. Редко бывают прямые подсказки. Обычно полунамеки. И все можно понять и как случайное совпадение, и как знаки.

— А знаки — от кого?

— Не имею понятия. Скорее всего, от нашего подсознания. Эта женщина очень тосковала по мужу, хотела умереть и создала такой сон. А сон воздействовал бы на ее подсозна-

ние. Подсознание стало бы подталкивать к смерти. Не в этом месте перейти дорогу. Простудиться и куда-то еще поехать с высокой температурой. Да мало ли мы делаем глупостей, не подозревая, что идем по программе, составленной нашим же подсознанием.

— Агилар, а это именно наше подсознание?

— Не всегда. Нам могут подсадить программу. И мы выполним ее как свою собственную. Но только если в нашем подсознании есть что-то похожее. Если нет, то зацепиться не за что. Или даже если зацепится, то можно это почувствовать и снять.

— Раньше так и говорили: снять порчу, сглаз.

— Да, Виктория. Но здесь больше подойдет другое слово: перепрограммировать. Но мы уходим в сторону. Продолжай.

— Я приведу еще пару примеров из книг Алексея. Он работал с мальчиком. Одиннадцать лет. Опухоль щитовидной железы. Такой валик был вокруг шеи. Скулы лежали на этом валике. Ввел его в транс.

— Где ты сейчас?

— Я в глубокой яме.

— Можешь из нее вылезти?

— Не могу.

— Почему?

— Она сужается сверху. А сверху отверстие.

— В него можно пролезть?

— Да. Оно с полметра шириной.

— В яме есть что-нибудь, что помогло бы выбраться?

— Нет. Здесь только я.

— Но ты можешь все. Придумай что-нибудь.

После нескольких минут молчания сказал:

— Я придумал. Здесь лежат подушки. Как кислородные. Их надо надуть.

— Надувай.

— Я уже надуваю.

Он трудился довольно долго, пока не надул много подушек и по ним вылез из ямы. На следующий день опухоль стала меньше на одну треть. Лечащий врач удивился: надо же, как он отреагировал на диагностическую дозу радиации!

Этого ребенка Алексей спас.

И последний пример. В одном из психологических журналов я нашла рассказ школьного психолога. К ней пришла девочка-старшеклассница с таким запросом: увеличить рост до 175 сантиметров. Психолог в шутку, совершенно не веря в то, что делает, провела с ней сеанс нейролингвистического программирования. Рост девочки в момент сеанса был 153 сантиметра. Психолог забыла об этом эпизоде. Через месяц приходит эта девочка и говорит, что ее рост стал 164 сантиметра. Психолог вытаращила на нее глаза, спросила:

— А что ты для этого делаешь?

— Ничего. Просто расту.

— Что изменилось в твоём поведении? У тебя появились новые занятия?

— Да. Мне почему-то нравится раскачиваться на ветках деревьев, висеть на перекладине.

— Ты знаешь, что мы с тобой натворили? У тебя растягивается позвоночник, удлиняются руки, а ноги остаются такими же, как были. Представляешь, какая у тебя будет фигура, когда ты дорастешь до 175?

— Ой, не надо! Давайте обратно!

Психолог провела второй сеанс. Через три недели девочка снова пришла к ней.

— Что вы со мной делаете! Вы меня растягиваете и сжимаете как гармошку!

— Сколько в тебе сейчас?

— 156. Меня это вполне устраивает.

Психолог поговорила с нею о том, какие преимущества есть у женщины маленького роста, привела примеры.

Из этих эпизодов следует, что нами управляет не столько сознание, сколько подсознание. И мы не всегда это улавливаем. У некоторых людей связь между сознанием и подсознанием явная. Например, у Агилара. Подсознание превращает неосознанную информацию в осознаваемую через сновидения, инсайты (озарения), какие-то мысли, которые вдруг появляются. Через предметы. Зигмунд Фрейд описывает случай, когда он, собираясь к больному, положил в карман вместо стетоскопа камертон. Обнаружив свою ошибку, он задумался: что хотело ему сказать его подсознание? Камертон может означать: настройся, отнесись серьезно и не спеши с диагнозом. Он вспомнил, что когда-то в подобной ситуации поставил диагноз по пути к больному, основываясь на симптомах, описанных то ли самим больным по телефону, то ли кем-то из его родствен-

ников. Диагноз оказался ошибочным, что больно задело его профессиональное самолюбие.

Приняв сигнал от подсознания, посланный через предмет, Фрейд был предельно внимателен и понял, что предварительный диагноз был неверным.

В психологической литературе приводится притча. У юноши похитили невесту. Он узнал, что она находится в замке. Владелец замка предложил ему открыть одну из двух дверей. За одной был тигр, за другой — девушка. Юноша подбросил монету: упадет вверх орлом, открою первую дверь, решкой — вторую. В результате он открыл нужную дверь и уехал вместе со своей невестой. Он использовал связь сознания с подсознанием через предмет.

Что происходит в таких случаях?

На кончиках пальцев рук находятся нервные окончания, капилляры, мышцы. Они реагируют на все, что происходит с нами. Волнуемся — сосуды расширяются или сужаются, как и нервные окончания. Мышцы усиливают эти колебания. Кожа меняет свой гальванический потенциал. Все эти едва уловимые изменения определяют движение подброшенной монеты. Поэтому юноша сделал не чисто случайный выбор, он выбрал дверь, получив подсказку от подсознания.

Алексей приводит еще такой пример с предметами. У Анны, психолога, учившейся с ним в одной группе, дважды в жизни роль подсказки выполняли ключи. Первый раз это было связано с молодым человеком. Они встречались в его квартире, и у нее были ключи от этой квартиры. И вдруг с ними стали происходить странные вещи. Однажды они

упали в шахту лифта, она не смогла войти в квартиру, пришлось ждать друга на улице. Тот заказал другие ключи.

Через два-три дня она бежала к автобусной остановке и почувствовала, что ключи выскользнули из кармана куртки и упали в траву с мягким стуком. Анна пробежала по инерции еще несколько шагов. Сунула руку в карман — он был пуст. Она вернулась, стала искать — нету. Попросила игравших рядом двоих мальчишек помочь ей, обещала заплатить. Они втроем обшарили все вокруг тропинки — ключей не было. Возможно, мальчики нашли их, но им понравился брелок с изображением модной тогда иномарки, и они не захотели с ним расстаться.

Молодой человек на всякий случай поменял замки, снова дал ей ключи с просьбой быть внимательнее. Пару раз она забывала их дома. В дополнение к мистике с ключами ей приснился сон, будто сидит она в ярко-красном автомобиле. Водителя нет, но автомобиль вдруг начинает двигаться. Он скользит вниз по дороге, сначала медленно, потом все быстрее, аккуратно вписываясь в повороты. На автобусной остановке стоят мужчины. Один из них говорит: «Надо остановить. Она же разобьется». Ему отвечают: «Остановится сам. Мотор не включен». «Нет, — говорит первый, — надо бежать наперерез. Перехватить». Анна проснулась с ощущением скольжения вниз. Как она сказала Алексею, у нее было ощущение соскальзывания в моральную пропасть.

Сигналы не были поняты вовремя. А потом произошло следующее: она столкнулась в его квартире с незнакомой женщиной. Оказалось, он встречался и с этой женщиной, и с Анной, стараясь, чтобы они не пересекались.

Сцена была неприятной и унижительной.

История повторилась. На этот раз с ключом от кабинета. Анна работала тогда школьным психологом. Сначала все шло хорошо: у нее была хорошая профессиональная подготовка, дети ей доверяли. Но постепенно накапливались какие-то негативы. Непонятки, как сказала она Алексею. Администрация школы все больше настраивалась против нее. Не нравилось, что ее выводы не совпадали с красивыми картинками отчетов завуча. Престижная школа. Грамоты, гранты. Родители стремятся устроить своих детей именно в эту школу. И вдруг психолог говорит, что у детей высокий уровень тревожности, страхов. Что у них сбита самооценка. Что развитие интеллекта подменяется большим количеством информации.

Конечно, она не высказывала это прямо или резко, но постепенно в беседах с учителями об учениках, в работе с родителями и учащимися улавливалось противостояние Анны школьной рутине. Противостояние системе. И тогда, когда ее еще как будто не трогали, начались странности с ключом от кабинета. Он стал проворачиваться. Она не могла войти в кабинет, не могла закрыть его, уходя домой. Школьный слесарь-сантехник не сумел его исправить. Заказала новый ключ — он тоже стал проворачиваться. Сравнила: у нового ключа бородка была чуть короче. Снова пошла в мастерскую. Мастер сказал, что их заготовки короче того ключа, который она взяла у завхоза. Наконец, удалось сделать ключ у какого-то умельца на рынке. Но этот ключ стал теряться. То оставался дома, и она с трудом находила его после ра-

боты. То на работе падал с рабочего стола и забивался под батарею. Постоянно приходилось выпрашивать запасной ключ у завхоза.

К этому добавилась дверь соседнего с ее кабинетом класса. Анна проходила мимо нее. Звонка с урока еще не было. И вдруг дверь распахнулась так, что ударила ее по голове. Анна упала. Оказалось, учительница отпустила класс на несколько минут раньше, и девятиклассник открыл ее ногой, ударив по ней изо всех сил.

Это были предупреждения. Прессинг начался через пару недель после двери, стукнувшей ее по лбу. Анне не дали премию, отказали в материальной помощи к отпуску. Не пригласили на школьное методическое объединение. Учителя перестали обращаться к ней с проблемами своих учеников. Отказывались уступить ей классные часы для проведения групповых консультаций. Администрация школы перевела ее на полставки, объяснив это тем, что она работает недостаточно эффективно и в то же время потребовав, чтобы она работала по-прежнему, то есть, как если бы была на полной ставке. Были перекрыты пути в другие школы: какая-то волна негативной информации о ней растеклась по всему городу.

Кончилось это все для нее не так уж плохо: Анну приняли преподавателем на кафедру психологии в институт усовершенствования учителей. Но понадобилось время для восстановления нервных затрат.

И еще один случай, который я нашла в дальневосточных газетах. Рассказала о нем журналистка, принимавшая участие в пикнике.

Две семейные пары решили провести уик-энд в тайге. Предполагались костер, шашлыки, чай. Подруга журналистки, Людмила, была на шестом месяце. Развели костер, и тут Людмила начала капризничать: «Хочу домой. Отвезите меня домой. Я не могу здесь больше оставаться». На нее прикрикнули, и она замолчала. Примерно через полчаса она стала снимать с костра чайник — и опрокинула его на себя. Обожгла бок и бедро. Чертыхаясь, свернули пикник, погасили костер, и машина поползла вверх. Они поднялись примерно на сотню метров, и тут начался ливень. Через четверть часа та поляна, где они разводили костер, была залита водой. Там образовалось озеро глубиной не меньше двух-трех метров. Если бы они не уехали оттуда, они бы все погибли.

Тут еще что интересно: у беременной женщины интуиция повышается многократно. Ее подсознание защищает ребенка.

И еще один случай из практики Алексея. Он работал с молодым мужчиной, у которого вообще не было связи с его собственным подсознанием. Алексей использовал техники НЛП, общаясь поочередно с сознанием клиента и с его подсознанием. При этом он менял тембр голоса, темп речи, интонацию, движения, чтобы мозг клиента отчетливо различал, к какой его области обращался Алексей в данный момент времени.

Алексей спросил, обращаясь к подсознанию: «Ты все понимаешь. Ты знаешь, что он поступает глупо. Почему ты ему не скажешь об этом?» Ответ был: «Потому что он дурак».

Агилар и Хосе рассмеялись, Мануэла улыбнулась.

— Хватит на сегодня, — сказал Хосе.

— Может, перенесем сказанное на нашу реальность?

— Потом, Мануэла. У нас будет для этого время.

Виктория сделала глотательное движение, словно протолкнула через горло комок. Но не заплакала. Агилар положил руку на ее плечо:

— Пожалей меня, Виктория. Мне будет ужасно стыдно, если я разревусь. Тебе-то что, ты девчонка.

— Я не буду.

Глаза Виктории стали темнее и подозрительно блеснули. Но слез больше не было.

— Давайте исключим из наших разговоров слово *время*. А что до выводов, так это очень просто. Держать связь с подсознанием. Доверять ему. Научиться считывать информацию с собственного мозга. И научиться настраивать свое подсознание.

— У тебя, Хосе, все очень просто. Но информацию с подсознания ты не считываешь. Тебе нужно научиться больше спать. Оно работает интенсивнее всего, когда мы спим.

— Поспать ты любишь. Но, видишь ли, недосып для меня — стимулятор. В отличие от некоторых, я использую сознание. На полную катушку.

— Кто знает, что было бы, если бы ты высыпался. Может, ты был бы не просто гений, а гениальнейший из гениев.

— Не толкай его, Агилар, в сторону подсознания. Перейдет на модель меланхолика квадры ГАММА — и спать будет, и сны видеть, и подсознание включится.

— Оно включено у него, Мануэла, но только в одну сторону — в сторону техники.

— Пожалуй, ты права. Просто эти процессы мало изучены. Все вкладывалось в технику. В течение тысяч лет.

— Я хочу есть. Все, готовим обед.

— Я тоже хочу есть. Готовьте без меня, а то останетесь без обеда — слопаю все, что попадет мне в руки, сырьем.

— Тогда неси дрова. Вот там есть сухое дерево.

Агилар направился к сухому дереву. Хосе пошел к болоту за растениями. Мануэла и Виктория о чем-то говорили. Две светловолосые головки отливали зеленым в лучах изумрудного солнца. Похоже, у них была какая-то тайна, в которую они не хотели посвящать мальчишек.

Строительство

После обеда они долго беседовали с Кианой. Речь шла о жилье для Мануэлы и Агилара. Рассматривались варианты строительства дома из сухостойных деревьев, из плотно переплетенных прутьев кустарников. «Попробуйте пересадить живые деревья». Агилар, Хосе и Мануэла увидели эти деревья мысленно. Они росли по ту сторону болота и сильно различались по высоте и по густоте крон. Эти деревья вырастали очень быстро. Если их пересадить туда, где будет дом, они станут его стенами, а их кроны, сомкнувшись, создадут естественную крышу. Выбирать надо юные деревца, у них корни короче и они легче приживутся. Сажать их надо на некотором расстоянии друг от друга. Первое время между их стволами будут просветы, но к началу

здешней зимы стволы уже плотно сомкнулись с соседними. Окна можно сделать, поставив между стволами что-нибудь твердое. Стволы искривятся, оставив отверстия. А потом снова сойдутся. В отверстия вставим стекла, — добавил Хосе к сказанному Кианой.

Виктория смотрела на Хосе вопросительно.

— Я был не прав, — признался Хосе. — Давай учись телепатии. Я буду стремиться к идеалу, чтобы не было стыдно перед тобой за свои мысли.

Он рассказал ей о совете Кианы.

— А фундамент? А откуда возьмете стекла?

— Киана думает, что фундамент можно сделать из камней, что возле скалы, ну там, где поляна. А стекло нам выдаст машина.

— А разве нельзя все заказать машине? Весь дом?

— Можно. Но лучше сохранить ее ресурс. Он не бесконечен. Мало ли что понадобится нам с Мануэлой. И потом, чем естественнее будет наше жилье, тем лучше. Чтобы не очень выделяться.

Хосе засел за расчеты. Виктория помогала ему, делая поправки на бытовые удобства. Через несколько дней проект был готов, и они приступили к строительству. Выбрали более высокий противоположный берег речки. Выкопали ямы. Перетащили туда деревца, которые им указывал Киана. Запустили в машину информацию об этих деревьях, и она выдала им порошок для подкормки, который Виктория развела водой. Этой жидкостью подкормили саженцы.

Хосе и Агилар натаскали от скалы камней, уложили, закрепили чем-то вязким и полупрозрачным, полученным

от машины. Настелили пол, распилив вдоль несколько сухостойных деревьев и смазав доски составом из машины. На полметра от пола закрепили между стволами рамки, сделанные из мелких камней и скрепленные тем же составом, который использовали для фундамента.

Время летело быстро, но главное успели сделать. Деревья, получившие подкормку, росли еще быстрее, чем ожидал Киана. Отверстия для окон поднялись вверх на полметра.

— Так у вас окна будут как в старинных храмах, — сказал Хосе.

Во время строительства дома, а может быть, и раньше в поведении Мануэлы появилась какая-то странность. Никто не заметил этого, кроме Агилара.

Сначала он почувствовал, что Мануэла почти не включается эмоционально. Она говорила с ними, улыбалась, готовила еду, участвовала в строительстве, но как-то отстраненно, занятая своими мыслями и какими-то своими переживаниями. Затем он обнаружил, что она закрылась от него. Он больше не мог читать ее мысли.

— Что с тобой? Я что-то сделал не так?

— Нет, Агилар. Все в порядке. Я тебе потом все объясню.

— Почему не сейчас?

— Сейчас нельзя. Не спрашивай. И не старайся понять.

— И намекнуть не можешь?

— Не могу. Ты потом все поймешь. И похвалишь меня.

Она улыбнулась ему, доверчиво и открыто. Девочка-мальчик, что-то затеявшая. Попросившая не думать об этом. Не угадывать. Он улыбнулся в ответ:

— Ладно. Я потерплю. Не буду проникать в твои тайны.

— Вот и славно. Правда-правда, так надо.

День отлета приближался неумолимо и, наконец, настало время прощаться. Хосе и Виктория простились с жителями Изумрудной планеты. Обнялись с Агиларом и Мануэлой. Виктория хлюпала, вытирала глаза и улыбалась дрожащей улыбкой.

Хосе поднялся по трапу, подал руку Виктории. Помахал рукой остающимся. Они помахали руками в ответ. Трап втянулся, дверца задрала. Старт, виток вокруг планеты, и корабль вошел в кротовину.

Мануэла и Агилар остались вдвоем.

ГЛАВА 2 ПОТУСТОРОННИЕ

*Люди, знаешь, жадны
и всегда болеют
и рвут чужую одежду
себе на повязки.*
О. Седакова

Тайна Мануэлы

Дом еще не был домом: между стволами деревьев расстояние сократилось, но они еще не сомкнулись. И все-таки внутри строения было замечательно. Деревья наполняли его ароматом, кроны, еще не очень густые, уже защищали от солнца.

Они построили его — по проекту Хосе — таким образом, что периметр образовывал шестиугольник. Обстановка была очень простая: постели из сухой травы, низкий стол, широкие полки из досок вдоль стен и очаг, сложенный из камней, с трубой, выведенной между двумя стволами наружу. К нему

примыкали две пристройки. Одна служила туалетом и мусороборником. Впрочем, ничего в ней не собиралось: Хосе населил почву под этим строением какими-то микроорганизмами, оборудовал помещение приборами, поддерживавшими необходимую температуру и влажность, в результате все отходы разлагались на атомы и рассеивались в атмосфере. Назначение второй пристройки Агилар не очень понял. Кажется, Хосе сказал, что это если кому-то из них захочется побыть в полном одиночестве. Скорее всего, он позаботился о Мануэле: все-таки ее первая модель была интровертная.

Странно было жить в растущем доме. Он менялся, с каждым днем становясь выше. Утолщались стволы, сужались просветы между ними, густели кроны. Полки, не прикрепленные к полу, медленно и незаметно уезжали вверх.

Он хранил тепло рук их друзей. Хосе и Виктория незримо присутствовали в нем.

— Я никогда не думал, что можно так полюбить свой дом, — сказал Агилар.

— Я тоже очень люблю его. Но одна вещь в нем мне не понятна. Я говорю о второй пристройке.

— Я думал, что это для тебя. Чтобы ты могла отдохнуть от общения. Заползти в норку.

— Хосе что-то говорил тебе. Я не вслушивалась.

— Ты вообще ни во что не вслушивалась. Была с нами — и не с нами.

— Об этом потом. Я заходила в пристройку. Там ничего нет. Ни фундамента, ни потолка. Стены из переплетенных прутьев. Вокруг прутьев какие-то волоски. Вроде бы из ме-

таллических нитей. И там как-то странно себя чувствуешь. Попробуй вспомнить, что сказал тебе Хосе.

Агилар лег на спину, закинул руки за голову. Смотрел в небо. Потом глаза его закрылись, мышцы расслабились. Казалось, он заснул. Мануэла ждала, стараясь не мешать ему своими мыслями.

— Нет, не вспоминается. Что-то вертится, но очень туманно.

— Может, войдешь туда?

— Да, я тоже об этом подумал.

Он вошел в пристройку. Замер. Потом сказал:

— Иди сюда. Что ты почувствовала, когда я вошел сюда, а ты осталась снаружи?

— Я потеряла связь с тобой.

— Да, именно так. Я вспомнил. Хосе сказал, что сделал камеру, защищенную по биополю. Я как-то не задумался тогда, что это значит. И только сейчас понял: в этой пристройке можно говорить и размышлять, не боясь, что нас подслушают.

— А я-то... Я так старалась, чтобы меня никто не слышал! Хотя... Нет, все правильно.

Внутри пристройки было достаточно просторно. Здесь можно было сидеть, лежать, стоять. Воздух свободно проникал внутрь. Едва видимые тонкие металлические нити были под напряжением, очень слабым, но подсознание Агилара его уловило.

— А почему это пространство открыто и сверху, и снизу? Ни камней, ни досок, ни даже веток?

— Это чтобы не изолировать нас от космической и земной энергии. Знаешь, почему раньше так тяжело переносилось тюремное заключение? Там были плотные толстенные камни. Не только стены, но и полы и потолки из камней толщиной не меньше метра. Почти полная изоляция от геомагнитного поля Земли.

— А в монолитных жилых домах? В офисах?

— Немного лучше. Но тоже не сладко.

— Может быть, и спать здесь придется. Я устала все время помнить о защите своих мыслей.

— Я, кажется, понял. Ты была на связи с теми, на той стороне.

— Да. На односторонней связи. Они меня не улавливали. И я ничего не могла сказать ни тебе, ни Хосе с Викторией. Вы бы не смогли держать постоянную защиту.

— Значит, отсюда можно их слушать?

— Нет. Изоляция по биополю здесь двусторонняя.

— Ну, рассказывай, какие сведения тебе удалось добыть.

— Подожди. Тебе теперь придется тоже закрываться от них.

— Ты сказала, что я не смогу.

— Тогда, наверно, да, не смог бы. Мне было очень трудно.

Сейчас легче. Мы одни. Все налажено.

— Может, мне лучше не выходить отсюда?

— Решай сам.

Мануэла прикусила нижнюю губу, чтобы не рассмеяться.

— Ну да, лентяй. Если можно не напрягаться, то лучше не напрягаться. Но я попробую.

— Поваляйся здесь, а я приготовлю обед.

Болотные игры

Пообедав, они вернулись в пристройку.

— Я кое-что поняла. У них есть вертикаль власти. Во главе — Главный водяной. Васюган. Он из Васюганского болота. В Западной Сибири, между Обью и Иртышом. Очень серьезный. Лоб всегда нахмурен. Нижняя губа выступает вперед. Под нею все очень плотно. Нос короткий, немного корявый. Волосы на голове торчком, жесткие. Но главное — взгляд. Хмурый. За ним — сила. Сразу видно: если взорвется, пощады не жди. Холерик квадры БЕТА в чистом виде и в примитивном варианте. Окружающих не воспринимает. Сочувствия ни к кому не испытывает.

Для него важна власть. Он хочет быть значимым. А без власти над другими это невозможно. Для него невозможно. Потому что кроме желания властвовать там ничего нет. Власть дает ему наслаждение, сознание, что он значимее всех. Следовательно, всех лучше. Это ощущение ошибочное, и его надо постоянно поддерживать. Лучший способ — покуражиться над другими. Поиздеваться. Заставить себя уважать.

— Как он куражится?

— Например, он может заставить кого-то сделать то, в чем тот слаб. Так, на днях он заставил русалок состязаться в беге.

— В воде?

— Да нет, на берегу.

— Но...

— Именно. Они поползли на руках, обдирая хвосты. Победу никому не засчитал — слишком медленно «бежа-

ли». Зато последнюю русалку наказал: велел ей проделать этот путь еще раз.

— И что, они все подчинились?

— Не все. Одна отказалась. Ее выпороли.

— Кто?

— Водяные. Двое держали за волосы, а один бил прутьями. Потом оставили на берегу, долго не пускали в воду.

Еще власть дает ему доступ к материальным благам. У него гарем из самых юных и красивых русалок. Ему принадлежит несколько болот, две речки и один ручей. Он может отобрать еду у любого. Ну, и так далее. Поскольку они все телепаты, за протестные мысли наказывают. Не подпускают к пище. У русалок срезают волосы.

Возле него крутится свита. Ловят каждую его мысль. Всегда готовы расправиться с кем угодно. Отворачиваются от тех, кем он недоволен. Так и хочется сказать: кем недоволен царь.

Его главный фаворит — русалка из Аксая. Я про себя дала ей имя Аксайя. Это территория донских казаков. Она взяла от них кое-что. Смелость. Независимость. Но это легло на низкую душу и превратилось в наглость, эгоизм, стремление властвовать.

Аксайя подчинила Васюгана. Помогает ему общаться с населением. Подбрасывает идеи. Настраивает против тех, кто ей не по нраву. Ее боятся больше, чем Васюгана. Как и положено флегматику квадры БЕТА, Аксайя злопамятна и мстительна.

— Остальные?

— Опереться почти не на кого.

— А та, которая отказалась участвовать в забеге?

— Она из Нерли. Я зову ее Нерлиана.

— Я помню эту речку. На берегу еще была церковь. Даже на голограммах видно, как она была хороша. Она вписывалась в пейзаж вместе с ее отражением в воде.

— Да, я тоже помню. Она, правда, удивительная. Так вот, Нерлиана так же хороша, как ее речка. Синие большие глаза, внимательные, грустные и нежные. Чудесные черты лица. Волосы черные. Правда, их отрезали, неровно и небрежно. Но и это ее не портит.

— Можно понять Аксайю. Почему Нерлиана не уходит от них? Сюда, к интуитам?

— Пыталась. Но далеко на руках не уползешь.

— Телепортация?

— Для телепортации нужна энергия. У нее нервное истощение.

— Мы можем ей помочь?

— Пока не надо. Нам не до конфликта с Васюганом и его свитой.

— Ты дала ей поддержку по биополю?

— О чем ты...

— Да, глупость сказал. У тебя же с ними односторонняя связь. Ты для них энергетическая невидимка. А из водяных нет никого получше? Или агрессивнее? Если они все холерики квадры БЕТА, то должны стремиться к власти. Соперничать. Отпихивать Васюгана от корыта.

— У них иерархия. Кто пробился наверх, очень ценят завоеванное. Потом, кое-что зависит от генетики. Вернее,

от места на Земле, из которого они прибыли. И от питания. Чем хуже пища, тем меньше агрессии. Наиболее спокойные прибыли сюда из Байкала. Из Телецкого озера очень серьезные два водяных. Я бы даже сказала, суровые. Из Вислы очень симпатичный водяной. Общительный. Хочет всем нравиться. Из Немана исполнительный, четко соблюдает субординацию.

— Сколько их в ближайшем окружении Васюгана?

— Трудно сказать. Там ведь система плавающего фаворита. Тому, кто ближе всех к Васюгану, остальные завидуют, ловят его на ошибках, наговаривают на него небылицы. Он впадает в немилость, его место занимает другой. Того тоже через какое-то время задвигают. Происходит что-то вроде ротации кадров. Задвинутые рано или поздно снова оказываются наверху. И снова не удерживаются. Это характерно именно для холерика квадры БЕТА, у которого общение в болевой точке. Значит, в отношениях слаб. Интуиция времени в зависимой позиции. Поэтому вынужден опираться на чье-то мнение. Отсюда такой интерес к информации о всех в его окружении. Искажений информации не замечает.

— Ну да, при двух моделях это не так заметно. А здесь — модель холерика квадры БЕТА в чистом виде.

— И в примитивном варианте. Частично недостаточность этих функций прикрывает Аксайя. С поправкой на свой интерес. И еще она привносит интриганство. Например, какую-нибудь русалку обижает водяной или другая русалка. Жертва не подозревает, что обида спровоцирована Аксайей. Она бросается к Аксайе за поддержкой. Та наказыв-

вает обидчика — или обидчицу. Обиженную и отомщенную начинают сторониться, исподтишка делают ей мелкие пакости. Она снова к Аксайе. Теперь все, что ей остается — стать собачкой при Аксайе. Аксайя ее защищает, спасает и использует. Своего лица у жертвы больше нет — и никогда не будет в этом болоте. На этой планете.

Еще такая игра. Дать двоим одинаковые задания. Пообещать: кто лучше сделает — получит награду. При этом подхваливать то одного, то другого. Возбуждать зависть. Передавать, что один думает о другом. Они и сами считают эту негативную информацию, но, повторенная кем-то, она действует сильнее. Разрушительнее. В результате побеждает тот, кто милее Аксайе. Между ним и конкурентом начинается вражда не на жизнь, а на смерть. Эта вражда выгодна Аксайе: они исправно следят друг за другом, читают мысли врага, собирают компромат и доносят друг на друга Аксайе.

— Разделяй и властвуй.

— Да, это всегда актуально. Для любой власти. Или почти для любой. Но все-таки на первом месте — страх. Я про болото. В болоте очень важно брать на испуг. Лучше, чтобы испуг был не совсем понятный. Таинственный. Опасность неизвестно откуда, неизвестно, когда, непонятно, за что. У них еще там мелкие игры. Пугалки. Дернуть кого-то ни с того ни с сего за хвост или ухо. Засунуть в нос травинку. Подкрасться и громко крикнуть или завывать. Как будто мелочь, а создает постоянное напряжение. Ожидание.

— Мануэла, я больше не могу. Если что-то важное осталось — потом, ладно? Как ты это выдержала?

— Мне легче: я дважды логик. Тебе с твоими эмоциями на первом месте не сладко. Тошно, да? Привыкай: болото — это болото.

— Еще только один вопрос: Васюган понимает, что Аксайя его дурачит?

— В основном да. Но у них это норма. Хитрость, наглость и сила в почете.

— Мне нужно научиться закрываться. Или придется сидеть в этой пристройке днем и ночью.

— Посиди, потренируйся. Научишься — выходи.

— Да я умею. Просто не привык еще контролировать себя каждую минуту.

— Знаешь, — рассмеялась Мануэла, — мы с тобой будем очень странно вести себя. Отрешенные, никакие.

— Да, наверно. Но мне не до смеха. Смогу ли?

— Почувствуешь, что теряешь контроль — занырнешь сюда. Так что мы будем делать?

— Позовем сюда Киану. Составим план.

— А он сможет закрыться от них?

— Ты сомневаешься в Киане?

— Ты прав. Не стоит в нем сомневаться.

— Может, ты не заметила: мысли Кианы не всегда читаются. Он умеет закрываться.

ГЛАВА 3 РЕФРЕЙМИНГ

*В центре трудности находится
новая возможность.*

А. Эйнштейн

На пути к примирению

Собрались в пристройке, закрывшей их мысли. Киана сидел в привычной для него позе, опустившись на пятки, прямой, собранный, внимательный. Улыбнулся Мануэле в ответ на ее мысль о нем. На признание его красоты, внешней и духовной.

Беседовали о потусторонних.

— У меня после рассказа Мануэлы чувство безнадежности. На них действует только страх. Только сила. Я лишь теперь понял, зачем было на Земле рабство: чтобы держать в повиновении тех, у кого молодые души. Чтобы они трудились. Чтобы не сбивались с дороги и не вредили своей бессмертной душе.

— Можно и по-другому. Не подчинять, а вести за собой.
 — Разве они пойдут за нами? За вами ведь не пошли.
 — Мы сами виноваты. Уступали им, не обучая. Думали, на добро ответят добром.

— А теперь уже поздно. Они далеко зашли. Они стали нелюдь. На сто процентов. Не за что зацепиться.

— Есть за что, — сказала Мануэла. — Надо изменить смысл ситуации. Тем самым изменится наше восприятие и позиция. И тогда откроются новые возможности.

— А пожалуй... Я воспринимаю их как тех, от кого надо защищаться. С кем надо бороться. Я настроен на выживание.

— Да, Агилар. А если думать о том, как ты сможешь их убедить...

— Перетянуть на свою сторону, — перебил Агилар.

— Да. И тем самым ты переходишь в более ресурсное состояние. Меняется твое поведение. И ты получаешь нужный тебе результат.

— Если конкретно, можно поставить зеркало перед Васюганом и Аксайей. В духовном плане. Пусть увидят себя нашими глазами.

— Я возьму на себя Васюгана, ты — Аксайю. Я успела понять, что ты ей нравишься.

— Еще не хватало!

— Чего ты испугался? Будешь держать дистанцию. И создашь некоторую неопределенность.

Киана подтвердил мысли Мануэлы. Он развернул перед ними свой план взаимодействия с той стороной планеты.

Первое: установить дипломатические отношения. Пригласить кого-нибудь из свиты. Передать подарки для Васюгана и Аксайи. При этом активно работать с подсознанием гостя. Отправить ответную делегацию.

Второе: предложить помощь. У них там более суровая природа. Взять к себе тех, кто плохо переносит тамошний климат. Может быть, кого-то из детей.

Третье: заинтересовать играми. Им же там скучно. Они со скуки бесятся.

— Какие игры мы можем предложить им?

— Детские. Простые. Театр.

— Ну о чем ты, Киана! Какой еще театр?

— Кукольный. Возьмем их пороки и отдадим эти пороки куклам.

— Не обидятся?

— Они не признают, что это про них. Но посмеются, узнав в куклах соседей.

— А что, можно попробовать.

— Я сделаю куклы. А ты напишешь сценарий.

— Постойте, но они же общаются телепатически!

— И наши куклы будут телепатические. А потом пойдем дальше. Покажем кукол-героев. С честными мыслями. С сочувствием к окружающим. И постепенно будем менять жителей той стороны. Их подсознание. Поведение. Как, пока не знаю. Можно подсадить модели. Свои. С нашей жизненной позицией.

Киана предупредил их об опасности такого взаимодействия. Конечно, ни Мануэла, ни Агилар не опустятся до их уровня, но крен вниз возможен.

— Ты, Киана, поможешь нам вернуться на наш уровень, — улыбнулся Агилар.

— Это хорошо, что ты ничего не боишься, — передал ему свою мысль Киана, любясь им. Агилар смутился — такого высокого мнения был о нем Киана.

— Боюсь, как бы не разочаровать тебя. Не надо слишком хорошо обо мне думать. Я бываю всякий.

— Мы с Кианой тебя любим таким, какой ты есть, — протранслировала Мануэла.

Оказывается, мысленно можно выразить больше, чем словами. Хосе сказал бы: «Это надо обдумать».

Они пригласили Киану в дом, угостили едой, приготовленной Мануэлой. При этом обменивались ничего не значащими мыслями, на время забыв о той стороне планеты. Проводили Киану до его поляны.

Первой на связь с потусторонними вышла Мануэла. Отозвалась Аксайя. Была ласкова и напряжена. Обещала передать предложение Васюгану. Мануэла чувствовала, что он участвует в их беседе.

Через ласковый тон Аксайи Мануэла отчетливо ощутила ненависть, но в ответ послала признание: она искренне высоко оценила ее волю и ум. В глубине души она понимала, что это ум интриганки, но понимание было глубоко внутри. Так глубоко, что она сама его почти не улавливала.

В пристройке Мануэла сказала Агилару, что самое главное сейчас — признать превосходство Аксайи над ними.

— Интуиты признали — и что?

— Как раз наоборот: они их пожалели как более слабых и глупых.

— Пока не понял.

— Ты увидишь, это хороший ход. А потом они сами убедятся, что по сравнению с нами они дети. Потом. Но начинать с этого нельзя. Признать их превосходство не во всем, конечно, а в том, где они действительно сильны. И передать им эту мысль: вот здесь вы лучше нас.

— Начинаю понимать. Как же вы, женщины, сложно устроены!

— Не мы, женщины, а мы, флегматики квадры БЕТА. Но не сложнее, чем вы, сангвиники этой квадры.

— Пожалуй, мы друг друга стоим, — признался Агилар. А мысленно передал ей: «Я люблю тебя с каждым днем все сильнее». Мануэла ответила сиянием в глазах.

Погружение в болото

— Пожалуй, мне придется общаться с Аксайей.

— Ты же сказала...

— Да, ты ей нравишься. Но, не получив взаимности, она тебя возненавидит. И меня заодно. Я завтра пойду к ним в гости.

— А как же совет Кианы — пригласить кого-то сюда?

— Я их послушала. Не пойдут. Надо идти к ним.

— Почему ты?

— Женщины лучше понимают друг друга. Я смогу просчитывать ее планы. Считывать ее мысли, не выдавая себя.

- А я не смогу?
- Это очень опасная игра. Ты будешь меня страховать. Передавать им свои мысли. У тебя есть мужская агрессия. Они ее улавливают. Не бойся за меня. И еще: русалки мне Тождики. Передача мыслей с сильных функций на сильные. Без перекодирования. И потом: ты для них Тождик Кианы.
- Их Дуал.
- Не в дуальности дело, а в противостоянии. И ты уже воевал. Не с ними, но с тем...
- Да, ты права. А подарки?
- С подарками проблема. Дать им что-то очень ценное для них... Это вызовет зависть. Мы станем источником этих благ. Ударим по авторитету Васюгана и Аксайи.
- Дать то, что не имеет для них цены, тоже нельзя.
- Надо что-то найти здесь. Что они смогут взять сами.
- Дать подсказку.
- Именно. Но что?
- Не знаю, Мануэла. У меня другая идея. Возьми что-нибудь из машины. Подари Аксайе. Несколько штук. Это усилит ее власть: она сможет этим одаривать приближенных. И еще — ты станешь для нее источником ценностей. Значимым лицом.
- Не стоит. Это путь вниз. К ним. А нужно их поднимать к нам.
- Но с чего-то же надо начать.
- Как начнем, так и пойдет. Я придумала: венки. Я видела в их болотах удивительные цветы. На длинных стеблях. Фиолетовые, сиреневые, черные звезды.

- Они их все переведут на венки.
- Наверно. Люди бы так и сделали. Там еще есть камешки. Мелкие. Разноцветные. Научить их делать украшения.
- Это лучше. Но тогда нужно сверлить в них дырки.
- Вовсе нет. Здесь такие клейкие болотные растения. Я проверяла — подсохнув на воздухе, их листья удерживают небольшую тяжесть.
- Но ты уравниешь Аксайю с другими русалками.
- Не уравнию. Я уже собрала небольшую коллекцию. Есть очень красивые. Их я и подарю Аксайе. Остальные будут ей подражать. Но таких, как у меня, вряд ли найдут. Можно к ним добавить пару камешков из машины. На всякий случай. Чтобы уж точно никто не мог с нею сравниться.
- Наверно, это лучшее, что мы можем придумать.
- Ну все. Завтра иду.
- Еду возьмешь?
- Зачем? Я не надолго. К обеду вернусь.
- Кстати, я забываю спросить Киану: почему здесь никто не кусается? Насекомые, мелкие млекопитающие живут сами по себе, к нам не пристают.
- Так и на Земле раньше было. Когда люди стали вмешиваться в природу, насекомые изменились. Например, комары в доисторические времена питались нектаром цветов. Леса стали вырубать, нарушились взаимосвязи в природе. Потомство стали давать только самки, напившись крови. Это закрепилось, превратилось в генетическую программу, и человечество получило кровососов. И потом, я спросила Киану. С местными животными и насекомыми

они договорились. На уровне биополя. Ну, как бы подписали взаимные обязательства. Никто никого не трогает. Насекомых не убивают. Не сажают на булавки и не любят их трупами. Зачем, если можно любоваться живыми? Животные их не трогают. И они не вмешиваются в их жизнь. Вспомни из истории: тигры не нападали на человека. Волки тоже. Видимо, был когда-то такой же договор между людьми и зверями.

— Но ведь были тигры-людоеды. И волки нападали на людей. И медведи.

— Людоедами становились раненые тигры. Это было исключение. Медведицы защищали медвежат. Или когда медведь поднимался из берлоги, он был вынужден защищаться. А волки распоясывались во время войн. Им передавалась людская агрессия. Тундровые волки никогда не трогали человека. Там не было войн. Поэтому там сохранялась договоренность.

— Я всегда чувствовал, что отношения между людьми и животными должны быть именно такими. Я люблю эту планету и очень хочу ей помочь. Но цена очень высокая. Потому что к ним идешь ты. Я думал, что ничего не боюсь. Что я рыцарь. Но теперь мне страшно. Хотя я знаю, что ты справишься. Странное чувство: я спокоен за тебя и в то же время боюсь за тебя до дрожи в мышцах. Как за ребенка, который один убежал купаться в море.

— Всего лишь в болото, — улыбнулась Мануэла. Агилар знал: она не боится. Ей даже немного смешно от его страхов. Они оба рыцари. По картам Таро и по жизни.

На следующий день Мануэла, применив нуль-транспортровку, шла к болоту, населенному Васюганом, Аксайей и другими земноводными. Предварительно она сообщила Аксайте о своем визите и получила ее милостивое согласие.

Природа здесь была более чахлой. Деревья мельче, с редкими кронами. Прохладно, но не холодно. Какие-то существа разбегались из-под ног. Взлетело что-то странное, с длинной шеей, покрытое темным пухом.

На Мануэле были шорты и футболка из толстых переплетенных нитей, очень похожих на стебли травы или на тонкие прутья кустарников. На самом деле это были изделия, полученные из машины, прочные и способные защитить от ударов и когтей. На особой прочности настоял Агилар. Она чувствовала, что он сопровождал ее по биополю, готовый в любой момент вмешаться, если что-то пойдет не так.

Солнце казалось здесь бледнее и почти не грело, но от влажной почвы шло тепло. Мануэла ступала по ней босыми ногами. Ей нравилось это путешествие. Самостоятельность. Предчувствие игры и победы в игре. Что-то новое входило в ее сознание, и она только сейчас поняла, что устала от однообразия. Как бы ни был хорош их дом, как бы ни любила она Агилара, но ей нужны были другие пространства и какая-то доза одиночества. Легкий ветер касался ее шеи, трогал волосы. Казалось, он был одушевленным существом и нежно ласкал ее.

А вот и болото. На берегу сидел детеныш водяного. Мануэла легко прочитала его мысли. На первом плане было любопытство, на втором — быстро выполнить задание и до-

ложить о ней Аксайе. Он нырнул и исчез под водой. Мануэла стояла на берегу, как бы не решаясь сесть без приглашения. Ее мысли были под полным контролем. Ей здесь нравится. Она ждет хозяйку, о которой уже знает много хорошего и уважает ее.

Продержав Мануэлу на берегу с полчаса, появилась Аксайя. Для русалки она была полновата. Широкое лицо было надуту собственной значимостью. Большие глаза казались почти квадратными и смотрели неподвижно и твердо.

Мануэла подалась ей навстречу, неуверенно улыбнулась. Она не играла, на самом деле не зная, как себя вести. По биополю она передала Аксайе признание ее силы и готовность подчиняться. Это подействовало: глаза Аксайи стали чуть мягче. Совсем немного, но добиться этого в первые секунды встречи было хорошим знаком.

Мануэла подумала о подарках и заметила заинтересованный блеск в глазах Аксайи. Она вошла в болото и протянула Аксайе камешки. Три из них были из машины — два изумруда и один бриллиант. Остальные местные. Некоторые были в виде кулонов, державшихся на клейких стебельках, другие представляли собой ожерелья. Аксайя приняла дары с явным удовольствием, но сдержанно, как и подобает доминирующей самке. Вокруг стали выныривать другие русалки. Их разгневшиеся от зависти глаза добавили удовольствия Аксайе.

Мануэла все еще не знала, как себя вести. Она чувствовала краем сознания, что ее неуверенность нравилась Аксайе, но старалась об этом не думать, чтобы у Аксайи не создалось впечатления манипуляции.

От этой встречи Мануэла не ожидала никаких результатов — только наладить контакт. Это ей удалось. Аксайя представила ее Васюгану. Он отнесся к Мануэле как к мелкой букашке, которой он разрешил почему-то жить. Ей стоило труда загнать смех глубоко, на самое дно подсознания. На поверхности осталось только почтение и чуть-чуть, совсем немного опасения, как бы не нарушить принятых здесь правил. Это понравилось.

Ее угостили какой-то едой. Мануэла приняла ее с доверием, съела с удовольствием. Поблагодарила Аксайю признательным взглядом и собралась домой. Уходя, обернулась и послала сообщение, что они, она и Агилар, не собираются вмешиваться в их дела. Но могут предложить им кое-что интересное. Она позволила, чтобы в ее сознании мелькнула идея кукольного представления. Только промельк, без подробностей. Наживку заглотнули.

С этого дня Мануэла была на постоянной связи с потусторонним болотом. Она беседовала с ними о разных пустяках. Как делать бусы, ожерелья и кулоны. Приносила им камешки из речки возле дома. Воспитывала их вкусы, объясняла, что с чем лучше сочетается. Буквально за неделю она стала для них авторитетом в украшениях и прическах. Одаривая русалок и ундин, прежде получала согласие Аксайи — кому, чего, сколько. Вместе со вкусом незаметно создавала в их подсознании представление об этике. Сначала речь шла об этикете. Затем этикет перетекал на более высокий уровень. Становилось модным то, что было полезно и удобно. То, что не нарушало интересов других.

Агилар наблюдал за всем этим с удивлением, стараясь, чтобы удивление не выходило за пределы его мозга. Он учился ограничивать свои эмоции, держать их под постоянным осознанным контролем. Потусторонним позволял считать только то, что он на связи с подругой и всегда готов вмешаться. Его побаивались, но наряду со страхом росло любопытство. Когда любопытство достигло высокого уровня, начались визиты на их сторону.

Первой к ним пришла Нерлиана. Мануэла спросила Аксайю, кто эта жалкая некрасивая русалка. «Она, видимо, больна. Мой друг попробует ее вылечить». Аксайя согласилась ее отпустить. Мануэла перенесла ее с помощью нуль-транспортной, поместила в пристройку и стала лечить. Нерлиана быстро шла на поправку. Поджил израненный хвост. Подросли волосы, и Мануэла смогла их подстричь — с помощью машины — весьма искусно. Глаза приобрели спокойное выражение. Она расцветала с каждым днем.

Держать ее почти постоянно в пристройке, с короткими занываниями в речку, было нельзя, и Мануэла учила ее в свободное от путешествий время закрываться, чтобы никто не мог читать ее мыслей. Обучение шло медленно: Нерлиана с трудом выходила из своих обид и страхов. Ее ничего не интересовало вокруг. Одна идея захватила полностью ее мозг: она хотела стать человеком.

Один шаг на этом пути она уже сделала: поймала программную модель Мануэлы, модель сангвиника квадры ГАМ-МА. Это помогло ей проще относиться к своим несчастьям, легче забывать обиды.

Затем в гости к ним пожаловал водяной из Вислы. Осмотрел их дом, удивленно уставился на Нерлиану. Попробовал их еду. Познакомился с Ламом. Хотел остаться у них, но Мануэла уговорила его не портить отношения с Аксайей и Васюганом.

Зачастили другие земноводные. Наибольшее их любопытство возбуждал Агилар. Но он держался обособленно, не позволял читать свои мысли. При этом напустил на себя такую таинственность и важность, что Мануэла попросила его не переигрывать.

Они сидели в пристройке вместе с Нерлианой.

— С чего ты взяла, что я переигрываю? Они меня таким представляют, я стараюсь оправдать их ожидания.

— Не о тебе речь, — сказала Мануэла. — Обо мне подумай!

— Без отдыха думаю о тебе.

— Да нет, я не о том. Ты не представляешь, какого труда мне стоит удержаться от смеха. Я могу не выдержать и потерять контроль над своими мыслями.

Агилар увидел себя со стороны и расхохотался.

— Я держусь в их формате, — сказал он в свое оправдание.

Расчет был верный: болотные воспринимали его очень серьезно. А его подруга такая простенькая, милая девочка. Приняла их правила. Признала их превосходство. Ее можно было не опасаться.

Наконец, настал день серьезных встреч. В гости на ту сторону хотели пригласить Агилара, но Мануэла применила воздействие на подсознание Васюгана, и тот отступил. До-

говорились, что с визитом к ним отправится Аксайя и что Мануэла встретит ее у реки.

Аксайя прибыла со свитой. Мануэла приветствовала их. Затем на берегу появился Агилар. Он был в черной рубашке, отливавшей в лучах здешнего солнца зеленым, и наряд из черных листьев надолго вошел в моду среди водяных. Он ласково обошелся с гостями, каждому посмотрел в глаза, передал мысленно свое расположение к ним. Аксайю никак не выделил, только чуть-чуть больше проявил уважения, чем к остальным. Для нее и этого было довольно, чтобы кинуть гордый взгляд на подданных.

Агилар подарил водяным свистульки, сделанные из веток деревьев, показал, как нужно дуть, чтобы извлечь звуки. При этом кусочки веток переходили из рук в руки, и водяным понравилось, что он не брезгует ими.

Для русалок он припас кусочки тканей — по типу небольших косынок. Учил, как их повязывать на шею, легонько касаясь их тел. Аксайю снова выделил только чуть-чуть, дав ей косынку, переливавшуюся всеми цветами радуги.

Он вел себя как бог, красивый, уверенный в себе, немного таинственный и в то же время простой и милый, внимательный к простым смертным.

Аксайя не спросила о Нерлиане — это было бы ниже ее достоинства, но Мануэла уловила ее любопытство и мысленно сказала ей, что та еще нуждается в отдыхе и лечении, но что ей уже намного лучше.

После угощения и вручения ответных подарков — целебных корней и листьев, возбуждающих воображение — гости отбыли.

Теперь была очередь Агилара посетить ту сторону планеты. Дипломатические отношения были налажены.

Агилар пошел к ним с главным подарком: с кукольным театром. Он заранее договорился с Аксайей, что хочет показать детям новую очень интересную игру. Как он и ожидал, на представление собрались не только дети: все население расположилось на краю болота, кто в воде, кто на берегу.

Для первого представления была выбрана старинная русская сказка «Репка». Но не в самом древнем варианте: там была, кроме Жучки, Кошки и Мышки, еще какая-то Нога. Ее непонятность когда-то пугала Агилара.

В его сценарии не было ни запредельной, из другого мира прибудившейся Ноги, ни Жучки с Кошкой и с Мышкой. Вместо них за Внучку уцепился ее маленький брат, а за него — еще одна Внучка, совсем малюсенькая. Без этой крохи репку бы не вытащить.

Перед началом представления он угостил всех самой настоящей репкой. Зрителям репа понравилась. Они съели ее вместе с ботвой. Кажется, ботва им понравилась ничуть не меньше. Затем над ширмой появилась репка. Она росла на глазах, пока не стала очень большой. Пришел Дедка, стал ее вытаскивать. Вытаскивал смешно: суетился, падал. Потом появилась Бабка, ухватилась за Дедку. Вместе они падали еще смешнее. И так далее, пока не появилась самая маленькая Внучка.

Агилар рассказал им мысленно, как значим каждый: иногда без самого слабого не получается важное дело.

Зрители были в восторге, и спектакль пришлось повторить. Агилар показал болотным, как все устроено, научил

детей управлять куклами, надевая их на руку. Кукольный театр оставил им в подарок.

Следующий спектакль был «Золушка». Здесь Агилар сделал акцент на идее: зло наказуемо. Но мир добр, и злых наказывают не жестоко, давая им шанс измениться, стать добрее. Высоко оценил требовательность Васюгана и доброту Аксайи.

Еще несколько спектаклей были посвящены той же тематике: добро торжествует, зло отступает, злые понимают силу добра и становятся лучше. Все это время они с Мануэлой готовили пьесу для взрослых. По сюжету «Русалочки» Андерсена. Разумеется, с сильной адаптацией для местной публики.

Пришлось обойтись без кораблей. Вместо бюста принца — телепатия.

Спектакль готовили настоящий, не кукольный. Роль Русалочки досталась Нерлиане. На роль Ведьмы пригласили Аксайю. Разумеется, придав Ведьме положительные черты.

Что у Нерлианы был чудесный голос, Агилар и Мануэла знали: она пела им свои песни без слов. Некоторые из этих песен были нежные и мелодичные, в некоторых была невозможная, невыносимая тоска.

На роль Принца вызвался один из духов горных озер. Он был молод и удивительно хорош собой. У него было имя, возможно, от древнего названия озера, в котором он родился и жил до переселения на Изумрудную планету. Странное для земного слуха имя: Гигей. Мануэла случайно, не желая этого, проникла в его тайну: он был влюблен в Нерлиану. Влюбленность отразилась на его типологической структуре:

он хватанул от Нерлианы модель флегматика квадры БЕТА. Это сделало его более плотным и не таким прозрачным, как остальные духи горных озер.

Он понял, что Мануэла уловила его отношение к Нерлиане. И Мануэла поняла, что он знает о ее вторжении. Она посмотрела ему в глаза, прямо и немного смущенно: «Прости, я нечаянно. Я никому не скажу и не буду об этом думать». Он ответил ей грустной улыбкой: «Я доверяю тебе. Хорошо, что ты знаешь. Мне так легче».

По сценарию Агилара, Русалочка потеряла свой прекрасный голос не потому, что ведьма потребовала от нее такую страшную жертву. Его ведьма была мудрой и бескорыстной, но превращение хвоста в ноги отняло у Русалочки столько сил, что потерялся голос. А ведь именно за голос полюбил ее Принц. И тогда он встретил девушку, голос которой был немного похож на голос Русалочки. Девушка стала его подругой. А Русалочка — ее служанкой.

Мануэла и Нерлиана были похожи, и когда Русалочка обрела ноги, на берег вместо Нерлианы вышла Мануэла, слегка подгримированная машиной. Просто глаза из серых стали синими и потемнели волосы. Во время представления зрители ахнули, увидев, как Нерлиана-Русалочка выходит из воды и идет по берегу. Они не отводили глаз от ее ног, один водяной даже вылез на берег и потрогал ее ноги. Нерлиана сидела в это время в болоте и, как и все, смотрела на ноги Мануэлы.

«Я тоже хочу иметь ноги», — услышала ее мысли Мануэла. «Не думай сейчас об этом. Потом поговорим», — отозвалась Мануэла.

Подругу Принца играла речная нимфа Аретуса. Ее песня без слов звучала очень мило, но, конечно, ей было далеко до Нерлианы.

Когда Русалочка поняла, что навсегда потеряла Принца, она решила умереть. Она дождалась ночи, подошла к Принцу, долго смотрела на него — и тихонько запела. В тихом варианте голос Мануэлы был похож на голос Нерлианы, и зрители снова ахнули. Принц проснулся и понял, кого он превратил в служанку. Так Русалочка стала его подругой, а девушка в исполнении Аретусы — ее служанкой.

Спектакль вызвал бурю восторга. Неискушенные зрители были потрясены до глубины души.

Агилар не участвовал в спектакле: он был занят более важной работой. Он выполнял свой план воздействия на подсознание.

Когда они вместе с Кианой, Гигеем и Нерлианой обсуждали результаты, эмоции у всех пятерых были разные. Они разместились в пристройке. Для Нерлианы, уставшей почти до обморока, Агилар принес влажный мох, обернул им хвост и время от времени смачивал мох водой. Он почти не высказывался, внимательно слушая мысли окружающих.

Киана искренне восхищался ими. Он отслеживал все, что происходило на той стороне, и теперь передавал Агилару анализ того, что тот сделал. Для остальных, даже для Мануэлы, многое из этого анализа было открытием.

Мануэла переживала свой театральный успех. Она не спешила менять цвет глаз и волос, они переглядывались с Нерлианой, довольные сходством.

Нерлиана грустила. Ей хотелось, чтобы все скорее разошлись и она могла бы поговорить с Мануэлой о ногах. Сквозь грусть в ее глазах сияло упоение успехом у зрителей, и это сияние усиливало ее сходство с Мануэлой.

Гигей не отводил глаз от Нерлианы. Он тоже хотел, чтобы беседа скорее закончилась. Он отнес бы тогда Нерлиану к реке и спросил ее, как она к нему относится.

Агилару тоже хотелось, чтобы гости поскорее ушли: он устал от длительного напряжения.

Он не решился работать с Аксайей, боясь усилить ее интерес к нему, но очень плотно поработал с Васюганом. Во время представления зрители были захвачены зрелищем и находились в состоянии сильнейшего транса. Им было не до того, чтобы считывать мысли окружающих. И Агилар во время театрального действия вел Васюгана, подбрасывая ему идеи, закладывая в подсознание свое понимание происходящего.

Агилар не первый раз работал с Васюганом, но раньше он сам отвлекался на своих «актеров», поэтому воздействие на подсознание Васюгана было поверхностным, скользким, лишь слегка задевавшим его жизненную позицию. Но сегодня...

Агилар устало вздохнул, довольный собой. Отнести Нерлиану к реке — и завалиться спать.

И хотя все хотели закончить общение и разойтись по домам, их удерживало желание еще хоть немного побыть вместе. Мануэла уловила эти противоречивые желания и предложила всем подкрепиться.

В этой компании можно было не бояться, что в ком-то проснется зависть. Можно было оставаться самими собой. И она заказала машине роскошный ужин, легкий и вкусный. С чудесным кофе. С соками, фруктами и бутербродами.

Киана и Гигей ограничились соками. Впрочем, Гигей, глядя на Нерлиану, взял один бутерброд с чем-то легким, почти воздушным. Вкус был изумительный. Мануэла, поймав его взгляд, пояснила, что это козий сыр с укропом, приготовленный по рецепту одной древней французской фирмы. Скорее всего, такой сыр ели земляне где-нибудь в XXI веке. Сыр измельчается, превращаясь в мягкую легкую массу, чтобы его можно было намазывать на хлеб как масло.

Гигей не сразу вспомнил, кто такие козы, Мануэла поддержала перед глазами картинку с грациозными рогатыми существами на зеленой траве, и он вспомнил: да, в детстве он их видел и пил их молоко.

Поужинав, они расстались.

Гигей с помощью Агилара перенес Нерлиану на берег реки. «Мне нужно стать сильнее», — передал Гигей Агилару.

«Да. Я подскажу, как тренироваться».

Простившись с Кианой и Гигеем, он вернулся в дом.

— Спать, — сказал он Мануэле. — Спать. Я думал, упаду, не дойдя до дома.

Он свалился на постель и заснул глубоким сном без сновидений.

Жизнь постепенно входила в колею. Спектакли продолжались. Участились посещения потусторонних. Как-то незаметно создалась школа для детей. Занятия проходили на той

стороне. Вместе с детьми на них являлись и взрослые. Сначала они делали вид, что скучают и просто ждут детей, но постепенно перестали стесняться и учились вместе с детворой.

С малышами возилась Мануэла. Она была убеждена: если у ребенка есть все элементы для его развития — он будет учиться охотно и весело. Когда-то врачи, готовившие спортсменов к международным состязаниям, говорили:

— Покажите мне его анализ крови — и я скажу, будет он неудачником или чемпионом.

Если в организме ребенка присутствуют все необходимые микроэлементы, витамины, незаменимые аминокислоты и полиненасыщенные жирные кислоты, он будет успешен в жизни, в учебе, в спорте. Если что-то из этого набора в дефиците, успешность под вопросом. У отстающего от сверстников ребенка начинается затяжной стресс. Стресс нарушает взаимодействие всех органов, включая сосуды, желчные протоки, мочевыводящие пути. Нарушается работа толстого кишечника, в результате возникают запоры или, наоборот, поносы. При запорах организм снова впитывает токсины, которые уже были выведены печенью и почками. При поносах из него вымываются полезные вещества. Ребенок истощается, становится еще более неуспешным, начинаются болезни.

Поэтому Мануэла незаметно для детишек и их родителей, закрывая свое подсознание от «читателей», диагностировала состояние своих подопечных и через питание (она угощала их в перерыве между занятиями), специальные упражнения исправляла дефекты.

Занятия с малышами она строила таким образом, что каждый был успешен. Сравнения отсутствовали полностью. Каждый родитель был убежден, что его ребенок талантлив и значим. И каждый ребенок знал, что он пришел в этот мир, чтобы быть счастливым. Что его любят. Что его ведут умные и справедливые взрослые, которые понимают его и помогают ему развить те таланты, которые ему даны от природы.

Мануэла использовала игровые техники, благодаря которым учебный материал входил в подсознание. Даже не входил, а «въезжал» на закрепленных за ним мыслеобразах. Это были «транспортные средства», с помощью которых текст извлекался из памяти в нужный момент точно и быстро.

В школе для малышей дети познавали природу, получали представление об устройстве Вселенной, учились общаться, постигали азы нравственности.

Главный принцип обучения был — познание мира через познание себя. Знакомство с пространством начиналось с понимания верхней и нижней частей тела. Малыши узнавали и запоминали, что голова выше шеи, а шея выше плеч, плечи выше, чем грудь, грудная клетка выше живота, живот выше ног или хвоста. Для них было новостью, что левая сторона тела не совсем такая, как правая. Узнавали о внутренних органах и о том, что сердце расположено не совсем по центру, а немного сдвинуто влево и что справа находится печень, а селезенка слева.

Мануэла объясняла им, зачем нужна печень, какую важную работу она выполняет. Что делают в нашем теле легкие, сердце и другие органы, как ими управляет мозг.

На вечерних занятиях смотрели на звезды. Мануэла рассказывала о самых ярких. О том, что их солнце со стороны кажется звездой. Она говорила с ними о их родине — Земле. К этим занятиям она привлекала духов горных озер: каждый рассказывал о своем озере, с любовью и грустью. Русалки и нимфы вспоминали свои реки. Драконы разворачивали перед учениками картинку с водоемами и со всем, что можно было увидеть сверху, с высоты полета. Водяные с грустью вспоминали свои реки, болота и омуты, гроты, мельницы, лесные озера.

Истории почти не касались — эти темы были для старших.

Малыши были очень послушны. Особенно русалочки, которые были ей Тождиками по ее первой модели. Они легко усваивали все, что она им сообщала: Тождикам не надо заниматься перекодированием, так как и сильные и слабые психические функции у них совпадают. Маленькие духи горных озер приходились ей Дуалами. Они были любознательны и восприимчивы. Для дракончиков — сангвиников квадры ГАММА — она была Тождиком по ее второй модели. С сангвиниками квадры АЛЬФА ее отношения были сложнее: их ревизия по ее первой модели и квазитожество по второй. Можно было опереться на квазитожество и на память о Хосе, которого они напоминали ей своим поведением.

Всего сложнее было с дракончиками — сангвиниками квадры ДЕЛЬТА, ее Конфликтерами по первой модели и Заказчиками по второй. Мануэла старалась общаться с ними через

дракончиков квадры АЛЬФА. При прямых контактах она вспоминала о Мирине, у которой эта модель была ведущей, и находила в их поведении сходство с нею. Мануэла чувствовала, что при этом ее лицо светлеет от нежности к далеким друзьям, и общение с малышами становилось более теплым.

Агилару приходилось труднее. Он занимался с подростками, у которых уже накопились отклонения в развитии и протестные реакции против взрослых. На этом фоне возникали проблемы с дисциплиной.

В первый же день занятий несколько его учеников стали ему мешать. Они издавали звуки, которые отвлекали остальных, транслировали мысли, далекие от темы урока. В основном это были мысли о еде, воспоминания о драках и победах в драках, подростковые сексуальные фантазии.

Во главе этой компании был сын Васюгана и Аксайи. Агилар назвал его Аквас — по первым слогам имен его родителей. Избалованный и в то же время постоянно унижаемый родителями, он стремился доказать свою значимость, унижая других.

Это был типичный случай борьбы за власть над классом и смещенной агрессии: обиделся на отца или мать — мщу учителю.

Привести его в порядок можно было, слегка прогнув его. Но не напрямую и не отвечая на агрессию. Агилар знал: ему нужно доказать свое превосходство над Аквасом. Энергетическое. Эмоциональное. Интеллектуальное.

Главное было — перетянуть на свою сторону класс. В первый же час. В первые же минуты. Поэтому Агилар перекрыл

своим биополем биополе Акваса и его приятелей, так что их сигналы стали слабее. Затем, выбрав самого любознательного и доверчивого, а именно колодезного Ахелоя, он послал ему сообщение: «Охота тебе воспринимать от них эту чушь! Я сейчас расскажу тебе — только тебе — одну интересную историю».

Подействовало: Ахелой, а за ним и другие, настроились на Агилара. Он начал рассказ о динозаврах. Когда они жили, как выглядели, почему исчезли. Первая атака Акваса была отбита.

Важно было избежать ответной агрессии. Для этого надо было найти в Аквасе что-то, чем он, Агилар, мог бы любоваться. Агилар бесцеремонно и без эмоций рассматривал лицо Акваса. Наконец, нашел, за что зацепиться. У Акваса были замечательные ресницы. Зеленовато-серебристые, длинные и густые. Каждый раз, когда Агилар встречался взглядом с Аквасом, он смотрел не в зрачки, а на ресницы. Его глаза при этом теплели, и по биополю он передавал Аквасу: «Ты мне нравишься, ты замечательный». Это сбивало Акваса с толку, но он был упрям и продолжал идти к своей цели. Он и его приятели продолжали вносить сумбур в занятия.

Агилар ждал момента, когда он сможет вмешаться. При этом он продолжал изучать их. Пожалуй, можно будет опереться на Буга: у того был любознательный взгляд и милая улыбка. Буг был правой рукой Акваса. Агилар решил, что его придется слегка прогнуть, впрочем, как и Акваса. Сиваш был послабее, его можно было просто припугнуть.

На третий день занятий Агилар застал такую картину: колодезный Ахелой горько плакал, подростки смотрели

на него с презрением, а Аквас с приятелями расхаживали с поднятыми головами, выпятив грудь.

Агилар быстро считал информацию о происшедшем: Буг затеял ссору, Ахелой толкнул его, Аквас и Сиваш вступились за Буга. Ахелоя избила. Умница Мануэла не стала вмешиваться мысленно.

Агилар сел рядом с Ахелоем, улыбнулся: «Стоит ли плакать? Ты чувствуешь — боль проходит». Ахелой всхлипнул еще пару раз и стал вытирать слезы. Тогда Агилар велел ему закрыть глаза и стал вспоминать сказку. Это была история про то, как Лиса прогнала из его избушки Зайчика. Ахелой видел то, о чем вспоминал Агилар. Он притих, следя за сюжетом. Вскоре к ним подтянулись другие, и только трое «героев» во главе с Аквасом продолжали ходить вокруг с видом победителей.

Те, кто включился в сказку не с самого начала, просили повторить. «Повтори», — обратился Агилар к Ахелой, и тот повторил, причем очень точно, с мельчайшими деталями. Агилар похвалил колодезного. Теперь Ахелой был героем дня. К ним подсел Буг. Сначала он был напряжен, видимо, ждал, что Агилар его прогонит. Но ничего не произошло, Агилар встретил его взгляд доброжелательно. Тогда к ним решился подойти Сиваш. Аквас теперь выглядел глупо и сам это понимал. Агилар пришел к нему на помощь: «А ты почему не с нами? Садись. Ахелой повторит для тебя все с самого начала».

Так Ахелой из обиженного превратился в героя дня. После сказки поговорили о силе и доброте. О том, что сила без доброты часто приводит к гибели такого силача.

Агилар теперь держал всех четверых на своем биополе.

Из истории педагогики Агилар знал, что всего возможны четыре типа нарушений дисциплины. С двумя первыми он столкнулся в самом начале. Наиболее яркий тип отклонения от дисциплинарной нормы — борьба за власть над классом. Она может вестись против учителя или против другого ученика. Это отклонение легко диагностировать. Метод коррекции: показать, что учитель сильнее. Можно физически, ором или битьем, но такой путь загоняет эмоции ученика внутрь. Проблема не решается, а только замазывается. Лучший путь — доказать свое превосходство. Эмоциональное. Интеллектуальное. Энергетическое.

Второй тип — месть. Как правило, это смещенная агрессия: обиделся на отца — отомстил учителю или соседу по парте.

Часто эти два типа нарушений совмещаются. Именно так произошло в ситуации с Аквасом.

Третий тип — демонстративность, стремление привлечь к себе внимание класса. Здесь надо уделить внимание «до запроса». Этот тип нарушений связан с дефицитом общения в семье, с отсутствием признания достоинств ребенка. Заметив у кого-либо признаки демонстративности, Агилар начинал занятие с обращения к нему: «Я вижу, ты готов к уроку. Будешь мне помогать, идет?»

Наиболее тяжелый случай — боязнь неудачи. Страх показаться глупее других. Такой ребенок отказывается от выполнения заданий. Он готов получить наказание за плохое поведение — все, что угодно, только не позор неудачи. Этот тип нарушений часто смешивается с демонстративностью.

Именно страх неуспешности толкнул Сиваша к Аквасу. Задача Агилара была показать ему, что он успешен. Он

специально подбрасывал Сивашу более легкие задания. Когда Сиваш справлялся с ними, Агилар говорил, что задания были средней трудности. Задания усложнялись, но подавались как легкие. После их выполнения оказывалось, что они были трудными. Агилар постепенно размывал грани между легким и трудным, простым и сложным. Настал момент, когда Сиваш запутался и уже не пытался понять, что легко и что трудно. Какая разница, ведь у него все получается!

Эти четыре типа нарушений дисциплины могут проявляться у детей с любыми моделями, тем не менее холерикам более свойственна борьба за власть, флегматикам — смещенная агрессия, сангвиникам — демонстративность, меланхоликам — боязнь неудачи.

Примерно через месяц после начала занятий авторитет Агилара среди его учеников достиг высокого уровня. Пора было остановиться: обожание не входило в его планы. И если вначале он шел по сангвинику квадры БЕТА, то теперь активизировал свою вторую модель — сангвиника квадры ГАММА. Радость бытия была в нем ключом и передавалась его подопечным. Отношения стали более доверительными. Агилар все больше отступал на второй план, давая ученикам свободу, иногда идя с ними на равных.

Все нравилось ему на этой планете. Облитый ее изумрудным солнцем, окруженный детьми, которых он любил с каждым днем все больше, Агилар был счастлив. Он вел их за собой. Вытаскивал их из болота. И самое главное: он готовился стать отцом. У него будет ребенок, которого родит ему любимая женщина.

ГЛАВА 4 МАЛЕНЬКИЙ ГЕНИЙ

*То необыкновенное, что
совершают
эти люди, предполагает
весьма
тонкую душевную
организацию,
способную к редкостным
восприятиям и уловлению
небесных голосов.*

Гёте

Мануэль

Чем ближе были роды, тем больше нервничал Агилар. Он то уговаривал Мануэлу вернуться на Землю, то настаивал на вызове с Земли Махаона или Марии или хотя бы Виктории. Мануэла улыбалась и успокаивала его как могла:

— Все идет нормально. Я много плаваю, занимаюсь гимнастикой. Я уже беседую с малышом. Это будет мальчик. Сангвиник квадры ГАММА.

— А вторая?

— Вторая пока не просматривается.

— Мануэла, я не смогу тебе помогать. Я слишком боюсь за тебя. Кто-то из древних описал ситуацию родов в индейской хижине. Женщина так кричала, что муж не выдержал ее мук и перерезал себе горло. Ты ведь не хочешь, чтобы у меня разорвалось сердце? Ты здесь без врачей, без подруги. А я не в счет. Я трушу. Когда ты начнешь кричать, я потеряю голову.

— Помнишь, мы с Викторией шептались? Мы говорили о родах. Женщина рождает легко, если ее не запугать.

— Не понял. О чем ты?

— Ну, раньше считалось, что рожать больно. Создавался блок страха. Он нарушал все естественные процессы. Женщина не чувствовала своего ребенка. Она была сосредоточена на том, что происходило с нею. На боли, на своих страхах. Было время, когда применяли обезболивающие. Роды протекали столь неестественно, что приходилось «помогать» матери. Использовали щипцы, скальпель. Ребенок был при этом страшно одинок. Роды были для него первой и очень тяжелой психической травмой. Поверь, Агилар, я знаю, как надо рожать. Мы с ребенком будем помогать друг другу. Я только одного боюсь: мне так понравится, что я не смогу остановиться. У нас будет столько детей, что нас не пустят на Землю.

— Ты хочешь на Землю?

— Придется, Агилар. Когда-нибудь. Дети должны расти среди людей. И перестань бояться, ведь я здесь не одна: со мною будет Нерлиана. Она примет нашего ребенка. Лучше подумай, как мы его назовем.

— И думать нечего: мы назовем его Мануэлем. Пожалуйста, сделай мне маленькую уступку: давай, я, когда это начнется, выйду на связь с Махаоном.

— Да, Агилар. Ты выйдешь с ним на связь, если это будет нужно.

Дни шли за днями. Мануэла все больше отстранялась от всего, что ее окружало, сосредоточенная на своих ощущениях. Только Агилар был включен в ее переживания. Он прикасался к ее животу и ощущал новую жизнь. Он все больше настраивался на ребенка и все больше доверял природе, телу и мыслям Мануэлы. Тревога отступала, освобождая место для счастья.

Однажды он сказал:

— Я знаю его вторую модель. Это модель холерика квадры ГАММА.

— Я догадывалась, но не хотела этому верить. Ведь своими первыми моделями мы можем его сломать или согнуть. Ты будешь ему Заказчиком, я Ревизором.

— Брось, Мануэла! Наши первые модели сегодня только фон для вторых. А немного ревизии и заказа ему не повредит. К тому же мы с тобой грамотные и сможем это скомпенсировать.

Между тем жизнь на Изумрудной планете продолжалась. Вскоре Агилару стало не до переживаний по поводу родов:

ему пришлось заниматься с малышами, освободив Мануэлу. Немного облегчало его жизнь то, что несколько духов горных озер стали его помощниками.

Агилар опасался, что они смогут «подарить» своим друзьям всего лишь одну сенсорную модель — флегматика квадры БЕТА, первую модель Мануэлы. У него самого обе модели были интуитивные. Но оказалось, что Киана уже год назад «позаимствовал» у Виктории модель флегматика квадры ГАММА.

«Почему ты выбрал именно эту модель?» — спросил его Агилар. «Я не выбирал. Так сложилось. Ваша Виктория — из земного солнца. Она не отбрасывает тени. Я любовался ею — и «заразился». Потом, когда это понял, не стал ничего менять. Эта модель — самая лучшая для меня. Она укрепляет мою силу воли и помогает в общении. Она — «подарок» очень милой девушки. Симпатия к Виктории поможет мне удержать эту модель».

Так ответил Киана. Агилар едва не загрустил, вспомнив о друзьях, но ни времени, ни сил для грусти у него не было. «Потом когда-нибудь погрузу», — сказал он себе.

Приобретать дополнительные модели вошло в моду. Духи горных озер «присваивали» первую модель Мануэлы, «подворовывали» вторую модель Кианы. Некоторые тянули на себя модель холериков квадры БЕТА, прихватив ее у кого-нибудь из водяных.

Мелкие брали что попало: сенсорные, интуитивные модели, по принципу «доброму вору все впору».

Сенсорники охотились за интуитивными моделями. Здесь выбор был шире: две интуитивные модели Мануэлы, Агилара

и Кианы, модель мелких, три модели драконов. Подсадив себе интуитивную модель, они цепко ее удерживали.

— Ты становишься похож на Хосе, — сказала Мануэла.

— Исключено: модели сангвиника квадры АЛЬФА у меня нет. Как и модели меланхолика квадры ГАММА.

— Я не об этом. Ты мало спишь и уже залез в свои резервы.

— Что делать?

— Делегируй полномочия. Ты все делаешь сам. А у тебя уже подросла смена.

— Ты имеешь в виду Гигея?

— Не только. С малышами чудесно общается Нерлиана. Присмотрись к другим духам горных озер.

— Как я сам не додумался!

Агилар оставил за собой историю Земли и космогонии. Все остальное он передал изумрудианам. Теперь его роль в обучении была ограничена поддержкой начинающих учителей, организацией обучения и небольшим кругом собственных уроков. На его занятия приходили взрослые. Тем, кто постарше, хотелось вспомнить собственное земное прошлое. Молодежь увлекали проблемы космоса.

Нерлиана, по совету Мануэлы и с ее подсказками, вела для взрослых курс семейной жизни.

«Всего три способа построить отношения в семье», — объясняла она своим слушателям. «Способ первый: двое всегда вместе. Они вместе отдыхают, ходят в гости, собирают съедобные растения. Второй способ — один «в кишках» у другого. Один свободен, второй полностью ему подчинен.

Третий способ: построение полусферы. Оба свободны и заботятся друг о друге потому, что им это нравится. Им хорошо вместе, но никто никого не принуждает». Нерлиана показывала все эти способы на пальцах. Первый способ — ладони плотно прижаты друг к другу. Второй — одна рука зажимает другую в кулаке. Третий: все пять пальцев левой руки растопырены и полусогнуты. Они легко соприкасаются кончиками с пальцами другой руки. Получается полусфера. Ее легко разомкнуть — но зачем? Двое вместе — и при этом каждый свободен. Он может отказаться от этих отношений в любой момент — но не отказывается, потому что это идеальный вариант. Именно такие отношения наиболее прочные.

Нерлиана приводила примеры, отвечала на вопросы, управляла полемикой. «Я бы не смогла лучше», — сообщила ей Мануэла. Нерлиана улыбнулась, смущенно и радостно.

За день до родов из машины были извлечены простыни, асептические и кровоостанавливающие препараты. В доме поселилась Нерлиана, для которой Агилар сделал небольшой и неглубокий бассейн, выложенный мхом.

Ему помогал Гигей, а к Мануэле и Нерлиане присоединилась душа горного озера Ая. Об этом озере существовала легенда. Дочь местного богача полюбила простого пастуха, отец был против такого зятя, и влюбленные решились на побег. Юноша ждал девушку на скале, откуда они собирались уйти в соседнюю страну. Отец что-то заподозрил и окружил дочь слугами. Ей удалось убежать из дому только поздней ночью. Юноша отчаялся, прыгнул со скалы вниз и превратился в водопад. Девушка все поняла и с возгласом «А я?»

А я?» прыгнула вслед за любимым. Она превратилась в озеро, имевшее форму слезы. Озеро было соленое и целебное. Его так и называли: Ая.

У Аи были светлые волнистые волосы, спадавшие почти до пят. Ее лицо было необычайно красивым, оно казалось почти прозрачным, с огромными зеленовато-кариими глазами.

Когда начались роды, Агилар лег на траву перед домом вниз лицом. Он настроился на Мануэлу. Если он уловит, что не все идет как надо, он вызовет Махаона. Или Викторию. Но в сигналах, которые шли от Мануэлы, не было ни намека на боль или тревогу. Он ощутил полную свободу, сосредоточенность и — счастье. Его тело как будто скользило в волнах, поднимаясь и опускаясь. Этот волнообразный ритм подхватил его, и Агилар перестал понимать, кто он. Рождающийся ребенок? Мать, рождающая ребенка? Отец? Все сразу? Больше не было ни его, ни Мануэлы, ни их ребенка. Было единое существо, мать-отец-ребенок. Он ощущал свое движение к свету, к свободе. Одновременно он помогал этому стремлению своим лоном, сильными и мягкими движениями лона. И наряду с этим он был отцом, защитником. Он отвечал за всех троих, слившихся в единое целое.

«Я люблю вас», — передавал он этим троим, и не знал, кто он больше. Женское, мужское, детское начало было неразделимо.

Агилар не осознавал, сколько времени это продолжалось. Он почувствовал, что отделяется от Мануэлы и сына. Ста-

новится снова собой. Но собой другим. Он подумал: чтобы стать взрослым, надо пройти через собственную смерть и через рождение ребенка.

Он встал и, пошатываясь, подошел к двери.

— Входи! — услышал голос Мануэлы.

Вошел. Она сидела на постели, застеленной чистой простыней, и прикладывала к груди ребенка. Агилару показалось, что свободно катающиеся в разные стороны зрачки младенца на долю секунды задержались на его лице, встретились с его взглядом. Агилара поразило осмысленное выражение этих глаз. Как будто малыш запоминал его. Больше того: как будто он его узнал.

Мануэль повернулся к матери и, найдя сосок, погрузился в новое ощущение: он сам кормил себя, энергично работая ртом и руками, сжимавшими материнскую грудь.

Теперь каждое утро Агилар просыпался с ощущением счастья. Он подходил к корзинке, опускался на колени и смотрел на спящего Мануэля. Ему нравилось наблюдать, как малыш пробуждался. Сначала открывал глаза, обводил ими все, что мог увидеть: верх стен, окна, потолок из листьев деревьев. Глаза двигались медленно, спокойно. И вдруг они встречались с глазами Агилара. Радость озаряла его лицо, он тянулся к отцу. Агилар доставал сына из его колыбели, прижимал к себе. Так начинался день.

Когда к ним подходила Мануэла и забирала малыша из рук отца, Агилар неохотно разжимал руки. Ему казалось, что он мог бы всю жизнь простоять на коленях, ощущая, как тепло маленького тела смешивалось с его теплом. Но и смо-

треть на Мануэлу, занятую переодеванием, кормлением, купанием ребенка, тоже было счастье.

Пока Мануэла готовила завтрак, Агилар гулял с Мануэлем. Смотрел, как тот обводит глазами окружающий его мир.

Очень скоро Мануэль научился улыбаться. Едва открыв глаза, он одаривал улыбкой всех и все вокруг. Иногда, очень редко, он плакал. Плач был громкий и требовательный. Агилар бросал все дела и бежал на зов сына. Тот сразу успокаивался.

— Почему ты не спешишь к нему, когда он плачет?

— Подожди. Заплачет — понаблюдай. Поймешь.

Когда Мануэль заплакал, Агилар не бросился к нему, ожидая, что будет дальше. Мануэль продолжал плакать.

— Спрячься, — шепнула Мануэла. Они оба спрятались, присев на корточки, так что малыш не мог их видеть. Плач мгновенно прекратился. Агилар привстал и заглянул в кроватку. Мануэль лежал на животе. Он приподнял голову, повернул ее и посмотрел влево и вверх. Его глаза светились любопытством. Взгляд был хитрющий. Увидев Агилара, он быстро зарылся в подушку и продолжил плач.

— Он соскучился, — сказала Мануэла. — Ему хочется пообщаться. Вот и ревет. Не прыгай вокруг него, Агилар. Слезы тоже нужны иногда.

Агилар понял больше, чем было сказано словами. Мануэла дала ему понять: не они должны приспосабливаться к своему ребенку — он, Мануэль, должен почувствовать свои границы, ощутить волю взрослых.

— Ты права. Я совсем потерял от него голову. Это от того, что я пережил его рождение вместе с тобой. И поэтому сбился с роли. С роли отца, мужчины соскочил на роль матери, женщины.

— Это даже хорошо. Но не для Мануэля. Он слишком обаятелен. Пусть не привыкает этим пользоваться

Изумрудная планета обращалась вокруг своего солнца быстрее, чем Земля. Возможно, поэтому казалось, что Мануэль растет, как богатырь из сказки, не по дням, а по часам. Вскоре он уже ползал по траве возле дома. В отсутствие Мануэлы, снова вернувшейся к своей малышне, с ним занималась Нерлиана. Ее хвост нисколько не удивлял Мануэля: в его возрасте мир воспринимается как данность. Нерлиана учила его плавать, играла с ним в прятки.

Когда Мануэлю исполнился год, он стал интересоваться другими малышами. Через короткое время он стал всеобщим любимцем. Он дружил со всеми, никого не обижая и не отталкивая, но в близкие друзья выбрал дракончиков с моделью сангвиника квадры ГАММА. Нерлиану это напругало: она не считала дракончиков-гаммиан достаточно надежными. Они легко могли увлечься игрой и оставить малыша одного. Поэтому она постоянно держала Мануэля в поле зрения.

Еще через год Агилар заметил, что Мануэль начинает лидировать, причем его лидерство было почти неощутимым. Просто к нему прислушивались, он легко вел за собой. Обаятельная улыбка, великодушие, щедрость, умение дружить нравились его товарищам по играм.

— Он же полностью на модели сангвиника квадры ГАММА. Лидерство не должно бы еще проявляться.

— Ты же сам говорил мне, что обе модели всегда, каждое мгновение находятся в единстве. Если первая модель преобладает, она все равно слита со второй, и в поведении человека есть и то, и другое. Это как молоко в чае: пусть его там совсем немного, но оно ощущается на вкус.

— Да, конечно. Но ведь Мануэль еще так мал. Я думал, в раннем детстве вторая модель — не знаю, как сказать, — спит, что ли. Еще не проснулась.

— Так кажется, если вторая модель не очень яркая. А холерик квадры ГАММА...

— Ну да, в яркости этой модели не откажешь!

— Подожди, увидишь, что будет через пару лет.

Ханна

— Почему Ханна? — спросил Агилар. — Давай назовем ее Мануэла.

— Запутаемся. Хватит нам двоих с этим именем.

— Ну тогда Анна.

— Мне больше нравится имя Ханна. Оно богаче по звучанию, чем Анна. И звук х очень значимый, счастливый.

— Ладно, Ханна так Ханна. Какой она будет, ты уже знаешь?

— Так, чуть-чуть. Мне кажется, холерик квадры ГАММА и меланхолик квадры БЕТА.

- Как ты узнала?
- Она ведет себя как холерик. Потолкается, если что не так. По-моему, сильная, но сила спокойная, наверняка гаммианка. А по биополю чувствую: очень быстрые переходы настроений. Еще нежность и чуткость. Чудесная будет девочка. Очень красивая. И сильная, и слабая одновременно.
- Ясно: сплошной шарм. Я вспомнил из Лао Цзы: «Если притупить его пронизательность, освободить его от хаотичности, умерить его блеск, уподобить его пылинке, то оно будет казаться ясно существующим». Придется нам с тобой умерять блеск наших детей и уподоблять их пылинкам, чтобы они не свели с ума всех вокруг. И нас в том числе.
- Не помню, чтобы ты читал Лао Цзы.
- Не читал. Стянул у Ольги Седаковой. Она взяла это высказывание как эпиграф к сборнику «Китайское путешествие».
- Может быть, Ханна будет поэтом.
- Я помогу ей. Я буду с утра до вечера и еще ночью читать ей стихи. А когда она родится, ты будешь петь ей романсы и арии из опер.
- Лучше пусть Нерлиана.
- Но она же поет только песни без слов.
- Да нет, Агилар. Мануэль учит ее говорить.
- И как, успешно?
- Представь. У нее сейчас вторая модель ведущая. Так что они с Мануэлем общаются как сангвиники квадры ГАММА, то есть как Тождики.
- Ревнуешь?

- Иногда хочется приревновать. Но держусь.
- Где они сейчас?
- Плавают.

Как выяснилось, Мануэль учил говорить не только Нерлиану: к его «урокам» присоединились сначала дракончики, потом мелкие — любимцы Виктории. К ним с любопытством прислушивались русалочки. Не проявляя внешнего интереса, впитывали новое знание маленькие духи горных озер. И вот что странно: занятия, которые проводили взрослые по всем правилам методики, с учетом психологии, не были так эффективны, как неумелые, случайные попытки Мануэля. Хосе сказал бы: «Здесь есть над чем подумать».

Перед появлением на свет Ханны Агилар уже не паниковал.

— Скоро совсем привыкну, — сказал он Мануэле накануне родов.

Ханна родилась на рассвете. Был чудесный весенний день. Она, действительно, оказалась холериком квадры ГАММА, а ее вторая модель, скорее всего, была меланхолик квадры БЕТА.

Агилар проанализировал их взаимоотношения: ревизия и заказ обоих родителей на фоне полудуальности, активации и зеркалки. Задача его и Мануэлы была ослабить свое воздействие на волю девочки. Больше свободы. При ощущении напряжения — увеличение дистанции.

— Все эти сложности оттого, что наши с тобой модели — из разных квад. Получается компот. Или винегрет.

Мануэла отмахнулась:

— Не бери в голову. А интуиция на что?

— Ты становишься более беспечной, чем я.

— Потому что Ханна часть меня. У нас долго было общее биополе, и в нем гасились все типологические противоречия. И ты все время крутился возле моего живота. Так что не драматизируй — не прогнем ее.

— И все-таки меня беспокоит ее вторая модель. В сочетании холерической и меланхолической моделей уже заложено противоречие. А тут еще мы с ревизией нашими вторыми моделями по ее второй.

— Агилар, не чуди. Ну, не вывешивать же расписание, когда нам какие модели активизировать, а какие задвигать. Все сложится само собой, была бы любовь. А любить ты умеешь.

— Как и ты.

Ханна развивалась даже быстрее, чем Мануэль. Он отнесся к ее появлению с большим интересом и с первого дня взял над нею шефство. Охотно оставался с нею вдвоем в доме, угадывал ее желания и старался их выполнить в меру своих сил.

Чтобы не вызвать его ревность, Мануэла дала ему понять, что он вместе с мамой и отцом, что они — трое взрослых и сильных, а Ханна — маленькая и слабая. Мануэлю понравилась идея, что он сильный и взрослый. Открытый и щедрый по природе, привыкший опекать малышей, даже тех, кто был старше его, он охотно заботился о сестренке. И по мере взросления в нем развивалось чувство ответственности.

Ханна обещала стать красавицей. Стройность и высокий рост холерика квадры ГАММА сочетались в ней с нежностью и утонченностью меланхолика квадры БЕТА. По обеим

моделям она была общительна, но при этом общительность по первой модели регулировалась независимостью холерика-гаммианина, а по второй ограничивалась интроверсией.

Через пару лет влияние Мануэля и Ханны на население Изумрудной планеты стало достаточно сильным. Мануэль освоил нуль-транспортировку и часто совершал экскурсии на северное полушарие. К шести годам он научился брать с собой Ханну. Единственное условие, которое ему поставила Мануэла: предупреждать кого-либо из родителей. Все время пребывания его и Ханны на той стороне Мануэла или Агилар держали с ними телепатическую связь.

Ханна особенно подружилась с дракончиками-tritонами и с мелкими. Дракончики были ее Дуалами по ее первой модели и Родственниками по второй. Впрочем, они довольно быстро «присвоили» ее первую модель, так что их отношения обогатились еще и тождеством. Они с удовольствием катали ее на своих спинах, играли с нею, учили нырять и плавать под водой.

Ее друзьями стали также маленькие водяные. Они приходились ей Родственниками и Дуалами и охотно хватали от нее ее вторую модель. Это делало их более мягкими и интеллигентными.

Мануэля больше всего привлекали дракончики — сангвиники квадры АЛЬФА. Он учился у них мыслить креативно, остроумно шутить, вести себя независимо. Их эгоцентризм и дерзость смягчались у Мануэля его моделями и воспитанием.

Впрочем, воспитания почти что и не было. Детям позволялось все, что не могло им повредить и что не нарушало

общего режима жизни. Единственное, что от них требовали неукоснительно — сообщать, куда они идут, и возвращаться к условленному времени.

Кроме игр, спорта и обучения Мануэль и Ханна встречались с Кианой. Они заворуженно всматривались в давнее прошлое планеты Земля, в историю переселения земноводных на Изумрудную планету.

Как ни странно, легче и быстрее всех научился говорить Киана. Он сказал Мануэле и Агилару, что с детства умел слушать человеческую речь, знал несколько языков, но говорить не решался. Не было учителя, во-первых, во-вторых, боялся быть смешным.

Так дети довершили ту работу, которую начали их родители. Пока Агилар и Мануэла спорили, стоит ли обучать изумрудиан человеческой речи, дети стали делиться с друзьями всем, что знали и умели сами. Не рассуждая, как это скажется на их судьбах. Не думая о том, как повлияет появление речи на их телепатические способности, на их интеллект. Многие сотни лет их мышление формировалось в условиях обмена эмоциями, настроениями, образами, дословесными понятийными представлениями. И эту давно сложившуюся ситуацию Агилар и Мануэла не решались затронуть.

— Нам есть чему у них учиться.

— Я всегда это знала.

— Откуда?

— У тебя удвоенная интуиция времени. У меня она только во второй модели. Но я женщина. Мать. Когда вынашиваешь ребенка, интуиция усиливается. И не просто уси-

ливается — она становится невероятной. Объемной и глубокой. Внутренней и внешней. Достигает космических масштабов. Это природа — природа отдельного человека, природа человеческого сообщества в целом — оберегает детей. Потому что дети — это будущее.

Онни

Когда родился Онни, Мануэлю было уже шесть лет, Ханне — три.

Агилар расстроило то, что у Онни была только одна модель. Последнее воплощение. Таким людям много дано, но и спрос с них очень высок.

— Не огорчайся. Нам ведь это тоже предстоит. Просто ему надо помочь. С одной моделью он меньше защищен.

— И еще, — добавил Агилар, — в любой ситуации он будет видеть слишком много. Все стороны, все аспекты. И это будет сковывать его волю. Как уверены в себе и самодовольны люди физического плана! Можно позавидовать.

— Это так. Но у него есть брат и сестра. И мы с тобой. Мы ведь мудрые родители. И мы здесь, на этой планете, можем дать своим детям столько свободы, сколько они в состоянии выдержать. Мне кажется, он будет гением. А это перекроет все, что тебя тревожит. Мы будем гордиться им. И нас упомянут в истории как родителей Онни.

— Может, напрасно мы дали ему это имя? Оно слишком мягкое. Давай назовем его Матвеем. Или Теодором.

— Ему идет это имя. Оно удивительно красиво звучит. Я в детстве читала книжку, перевод с финского. Главный герой Онни был простой и милый, очень точный в словах и поступках. Пусть наш сын будет Онни, Агилар. Тебе ведь тоже нравится это имя.

— Да, мне нравится, как оно звучит. Пусть он будет Онни. Еще одно: он меланхолик квадры ГАММА. Воля в зависимой позиции. Эмоции в болевой точке. Глубокая интроверсия.

— Но это одна из самых творческих моделей. При нашей поддержке он сможет развить свои лучшие стороны. И у него два Дуала в семье: Мануэль по его второй модели и Ханна по первой. И два Зеркальника, ты и я по нашим вторым моделям. А про свои первые модели нам пока придется забыть.

— Они будут просвечивать.

— Немного заказа и ревизии ему не повредит. Да, меланхолик, но ведь ГАММА — это квадра экстремалов. Они устойчивы, даже меланхолики.

— Прости, что я драматизирую. Просто я встречался в XX веке с людьми последнего воплощения. Они так хороши, что когда расстаешься с ними, мир тускнеет.

— Нам это не грозит. Мы уйдем раньше.

— Это зависит от тех задач, которые ему поручены. Ладно, я больше не буду нагнетать. И постараюсь, чтобы он понял свою задачу как можно глубже. И выполнил поручение по самому высокому варианту. Чтобы выполнял его как можно дольше.

Онни рос очень спокойным ребенком. Пожалуй, самым спокойным из всех троих. Он мог подолгу смотреть на потолок из листьев, на лицо матери, на верх корзинки-кроватьки. Когда он начал ползать, то делал это не так, как его брат и сестра. Он не стремился к движению ради движения. Увидев какое-нибудь живое существо, останавливался и смотрел на него. Он был удивительно послушен. Не отстаивал свои интересы. Доверял и не защищался.

Говорить начал рано. Радовался новым словам. Тянулся к книгам. Лет с трех начал задумываться. Застывал на месте и молча смотрел перед собой. На вопрос «Что ты делаешь?» отвечал: «Я думаю». Было смешно слышать это от малыша, у Мануэлы губы невольно разъезжались в улыбке, но Агилар серьезно спрашивал:

— О чем же ты думаешь, Онни?

— Ты говорил о волках, которые когда-то жили на Земле. Я думаю: мог ли уцелеть на Земле волк? Если мог, то сумел бы он переселиться на Изумрудную планету? Может ли он сидеть вот в этих кустах?

— И что ты решил?

— Мог, — серьезно отвечал малыш. — Только это очень-очень...

Он не смог сразу подобрать нужное слово, но после длительного молчания сказал:

— Он почти не мог. Очень-очень мало мог.

— Ты хочешь сказать, что это маловероятно?

— Да, папа. Это очень-очень маловероятно. Чем бы он питался на Земле? Где бы он прятался от людей? Он мог

приехать на Изумрудную планету вместе с Кианой. И сразу спрятаться. Это более вероятно, правда?

— Да, это чуть более вероятно. Но такая вероятность очень-очень мала. Так мала, что ею можно пренебречь.

Вечером он сказал Мануэле:

— Онни открыл теорию вероятности. По-своему. По-детски.

Следующим открытием Онни был бог.

— Папа, когда я остаюсь один, я чувствую, что я не один. Что кто-то есть рядом. Нет, не рядом. Он далеко. Но он чувствует меня. Он знает все обо мне. Он охраняет меня.

— От чего он тебя охраняет?

— Не знаю. Мне кажется, от меня самого. Чтобы я не сделал чего-нибудь, чего нельзя.

В пять лет он приблизился к типологии.

— Знаешь, мама, я подумал, что хочу быть похожим на Мануэля. Или на Ханну. Но больше всего на папу. Но я понял, что тогда это буду не я. Что я и должен быть таким.

— Каким, сынок?

— Медленным. Быстро уставать. Много думать. И знаешь, я нашел на той стороне похожих на меня.

Онни назвал несколько имен, и Мануэла поняла, что он говорил о дракончиках-тритонах, меланхоликах квадры ГАММА. Как и Онни.

— Но они не совсем такие, как я. Они чуть-чуть похожи на Ханну. Мне кажется, они захотели быть на нее похожими. И стали. Я сейчас думаю, что тоже смогу так. Но что тогда

что-то изменится во мне. Мне станет удобнее жить. Но что-то самое главное во мне станет слабее.

Мануэла наклонилась к нему, поцеловала:

— Ты прав, Онни. Ты даже до конца не понимаешь, как ты прав.

Она отвернулась, чтобы скрыть слезы. Слезы гордости за сына. Слезы грусти. «Господи, как ему будет трудно идти по жизни! Он как будто без кожи»!

Только сейчас она поняла тревогу и печаль Агилара.

Онни угадывал все больше и больше из того, что дается другим долгими годами учения. Когда он прикоснулся к реинкарнации, Мануэла сказала Агилару:

— Все, милый. Возвращаемся на Землю.

— Что-то случилось?

— Последняя капля: теория реинкарнации.

— Как он это понял?

— Очень просто. Он сказал, что есть качества, которые повторяются в разных людях. Цвет глаз. Форма носа. Фигура. То, что он ощущает себя как «я», тоже есть качество. И оно может повториться. Наверно, были люди, которые ощущали себя как «я». Его «я». Только он об этом не знает.

— Да. Возвращаемся. Больше тянуть нельзя. Мануэлю уже двенадцать, Ханне девять. Им всем нужно учиться. Быть в среде сверстников. Особенно это важно для Онни. И еще: ему нужен Хосе. Его Тождик по второй модели.

— Первая модель Хосе тоже важна для Онни. Сангвиник квадры АЛЬФА может повысить его креативность.

— И еще Марк. Его Тождик и Дуал.

Они стали готовиться к возвращению на Землю. Агилар вышел на связь с Махаоном, получил через него «добро» от Олега. Провели несколько бесед с Кианой о будущем Изумрудной планеты. Договорились об экскурсиях землян на Изумрудную планету и об ответных экскурсиях изумрудиан.

С ними на Землю собралась Нерлиана. В ее голове засела идея — обзавестись с помощью Махаона ногами. Махаон сообщил, что это возможно через операцию по раздвоению хвоста и работу на уровне подсознания. У нее будут ноги, если она страстно этого хочет. Нужно только после операции отчетливо, в мельчайших подробностях видеть свои будущие ноги.

— Я вижу, — сказала Нерлиана. — Они будут как у Мануэлы.

Им предстояла нуль-транспортировка. Превратиться в поток фотонов. Преодолеть расстояние от Изумрудной планеты до Земли. И снова стать самими собой.

Агилар уловил тревогу Мануэлы.

— Не бойся. Нет никакой разницы между путешествиями на ту сторону Изумрудной планеты и на Землю.

— Все равно боязно. Мне как-то не по себе.

— Подойди к дереву. Положи ладонь на ствол. Представь, как твоя тревога стекает по стволу и рассеивается в почве.

— Да, я так и сделаю: ведь мой страх может передаваться детям. Я буду в форме.

Они выбрали день отбытия. Накануне простились с населением Изумрудной планеты.

Вечером их навестили Киана и Гигей. Глаза Кианы, озаренные мудростью многих земных и изумрудианских веков, излучали любовь и грусть. Агилару показалось, что взгляд Кианы был теперь более твердым, чем прежде.

Гигей мысленно беседовал с Нерлианой. Он так и не понял, любим ли он. Вернется ли Нерлиана. Захочет ли, чтобы он был на Земле, если она решит там остаться. Агилар прислушался к их беседе и, выбрав момент, когда Нерлиана обратилась к Мануэлю, послал сообщение: «не пытайся ничего понять. Нерлиана думает сейчас только о ногах. Ее захватила идея стать человеком. Может быть, она хочет иметь ноги, чтобы быть ближе к тебе».

«Нет, — был ответ Гигея. — Она хочет не быть похожей на русалок».

«Это обида. Оскорбленное самолюбие. В таком состоянии не до любви. Но это пройдет. Наберись терпения. Просто держи связь с нею. Будь постоянно рядом».

Вечером, когда гости ушли, Онни спросил Агилара:

— Ты ведь не хочешь уходить отсюда?

— Да, я полюбил эту планету всей душой.

— Это из-за меня?

— Не совсем. Есть судьба. Ее надо слышать. И слушаться.

— Это моя судьба или твоя?

— Твоя, Онни. Она сильнее моей. Ты потом поймешь, почему.

Засыпая, Агилар подумал о том, что скоро увидит мальчика с его именем. Сына Ириды и Марка. Возможно, он младше Мануэля: Земля вращается медленнее Изумрудной планеты.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1 ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ТИПЫ ГЛАВНЫХ ГЕРОЕВ

ПЕРВАЯ ГРУППА: «Бессмертные» земляне начала четвертого тысячелетия.

Олег, Главный Бессмертный: меланхолик квадры АЛЬФА — флегматик квадры БЕТА.

Эвриал, ответственный за техническое оснащение Земли: сангвиник квадры ГАММА — холерик квадры ДЕЛЬТА.

Махаон, ответственный за медицину: меланхолик квадры АЛЬФА — сангвиник квадры ГАММА.

Алкеста, ответственная за воспитание и образование: флегматик квадры ГАММА — меланхолик квадры ДЕЛЬТА.

Юлиана, ответственная за планирование будущего: меланхолик квадры ГАММА — меланхолик квадры БЕТА.

Настес, ответственный за космическую технику: сангвиник квадры АЛЬФА — меланхолик квадры АЛЬФА.

Мирина, ответственная за подбор экипажей межпланетных кораблей, подготовку и обучение членов команды: флегматик квадры АЛЬФА — сангвиник квадры ДЕЛЬТА.

Георг, ответственный за контакты с внесемными цивилизациями: сангвиник квадры ДЕЛЬТА — флегматик квадры АЛЬФА.

ВТОРАЯ ГРУППА: смертные земляне начала четвертого тысячелетия

Агилар: сангвиник квадры БЕТА — сангвиник квадры ГАММА.

Хосе: сангвиник квадры АЛЬФА — меланхолик квадры ГАММА.

Мануэла: флегматик квадры БЕТА — сангвиник квадры ГАММА.

Виктория: меланхолик квадры АЛЬФА — флегматик квадры ГАММА.

Лара: холерик квадры ГАММА — меланхолик квадры БЕТА.

Ева: флегматик квадры ДЕЛЬТА — меланхолик квадры ДЕЛЬТА.

Ирида: флегматик квадры АЛЬФА — сангвиник квадры ГАММА.

Марк: меланхолик квадры ГАММА — холерик квадры ГАММА.

Мануэль: сангвиник квадры ГАММА — холерик квадры ГАММА.

Ханна: холерик квадры ГАММА — меланхолик квадры БЕТА.

Онни: меланхолик квадры ГАММА.

ТРЕТЬЯ ГРУППА: земляне конца второго тысячелетия

Юра Абрамов: сангвиник квадры АЛЬФА — сангвиник квадры ГАММА (предположительно).

Эмма Виленская: холерик квадры АЛЬФА — сангвиник квадры ДЕЛЬТА.

Коля Зубакин: флегматик квадры ДЕЛЬТА — меланхолик квадры ГАММА.

Жора Коваленко, инструктор по горно-пешеходному туризму: сангвиник квадры ГАММА — холерик квадры ДЕЛЬТА.

Нина Макарова: флегматик квадры БЕТА — флегматик квадры АЛЬФА.

Валентин Пичугин: меланхолик квадры АЛЬФА — флегматик квадры БЕТА.

Сержант Ваня: меланхолик квадры ДЕЛЬТА — холерик квадры ГАММА (предположительно).

ЧЕТВЕРТАЯ ГРУППА: изумрудiane

Киана: сангвиник квадры БЕТА.

Речная нимфа Аретуса: меланхолик квадры ДЕЛЬТА.

Мелкие: меланхолики квадры БЕТА.

Драконы: меланхолики квадры ГАММА; сангвиники квадр АЛЬФА, ГАММА и ДЕЛЬТА.

Водяные: холерики квадры ДЕЛЬТА.

ПЯТАЯ ГРУППА: жители враждебной планеты

Телепатический зомбироващик: холерик квадры БЕТА — холерик квадры ГАММА.

Остальные: носители моделей всех четырех квадр, с явным преобладанием холериков и флегматиков квадр БЕТА и ДЕЛЬТА.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

МОДЕЛЬ А

Модель А — сокращенное обозначение модели Аушры Аугустинавичюте, основоположника соционики. Именно отталкиваясь от этой модели, я смогла сделать следующий шаг в типологии. Удвоение модели А в типологической структуре индивида позволяет преодолеть ограничения, свойственные соционике. Но соционика — это наука о 16 типах личности. А если так — принятие идеи, что две модели, а не одна, представляют собой соционический тип, вводит соционику в контекст типологии. Только в этом случае начинают работать психологические закономерности. Только при таком подходе соционические типы коррелируют с типами темперамента. По большому счету, шаг через барьер 16 типов отменяет соционику как изолированное направление, оторванное от психологии, хотя и питающееся ее плодами.

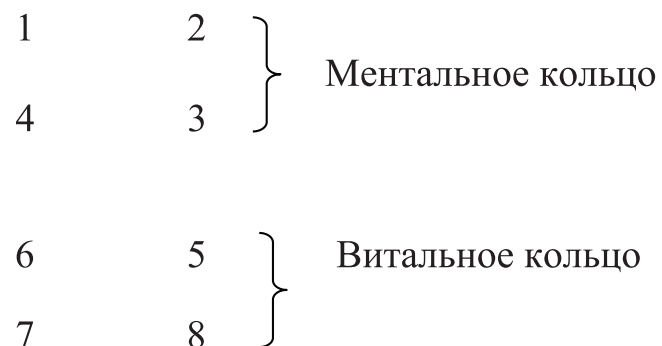
При построении модели А ее создатель использовала прорыв в типологии, совершенный К. Юнгом в начале XX века, и теорию информационно-энергетического метаболизма,

автором которой является А. Кемпински. В модели А схвачены природные процессы, происходящие в мозгу и теле человека при приеме и обработке информации, а также способы реагирования людей разных типов на сигналы внешнего мира.

I. МЕНТАЛЬНОЕ И ВИТАЛЬНОЕ КОЛЬЦА

Каждой юнговской психической функции соответствует в типологической структуре индивида одна из восьми позиций. Первые четыре составляют ментальное кольцо (условно осознаваемое). Четыре остальных входят в витальное кольцо (условно неосознаваемое).

Схема 1. Ментальное и витальное кольца

Наиболее энергетичны функции в позициях 1–2 и 7–8. Средний уровень энергетичности — позиция 3. Несколько слабее позиции 5–6. Позицию 4 называют болевой точкой,

или местом наименьшего сопротивления. Эта позиция энергетически самая слабая.

II. ГОРИЗОНТАЛЬНЫЕ БЛОКИ ПСИХИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ

Схема 2. Горизонтальные блоки позиций психических функций

1	2	Блок ЭГО, Я. Ключевое слово <i>знаю</i> . Осознаю, действую.
4	3	Блок СУПЕРЭГО, СОЦИАЛЬНОЕ Я. Ключевое слово <i>хочу</i> . Принимаю социальные стереотипы. Хочу быть как все.
6	5	Блок СУПЕРИД, СОЦИАЛЬНОЕ ОНО. Ключевое слово <i>должен</i> . Принимаю социальные стереотипы неосознанно.
7	8	Блок ИД, ОНО. Ключевое слово <i>могу</i> . Блок для экстремальных ситуаций. Включается автоматически.

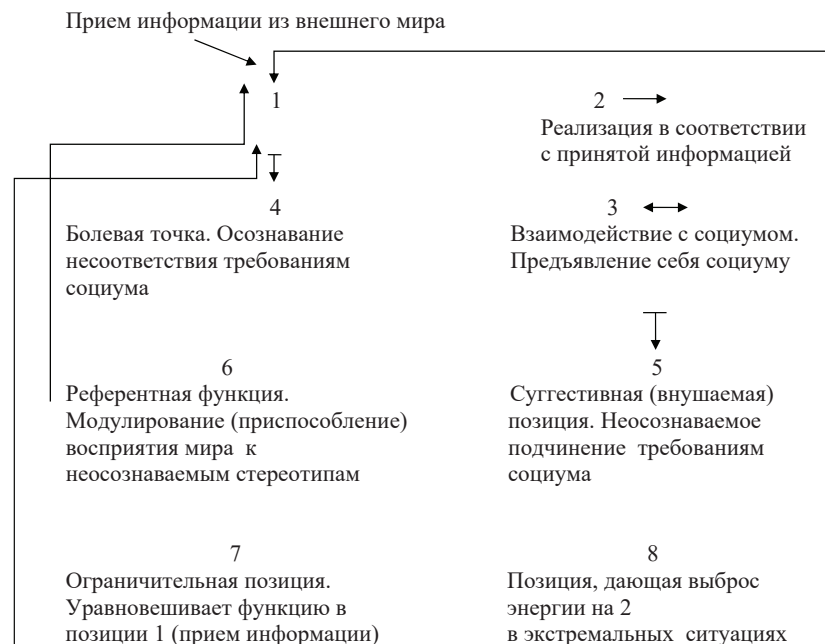
III. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЭНЕРГИИ В ГОРИЗОНТАЛЬНЫХ БЛОКАХ

Схема 3. Распределение энергии

1	2	Наиболее энергетически обеспеченный блок. Режим on-line.
4	3	Позиция 3 — средний уровень энергетического обеспечения. Позиция 4 — самое низкое энергетическое обеспечение в модели А.
6	5	Позиция 5 — слабое энергетическое обеспечение. Позиция 6 — слабое энергетическое обеспечение, но несколько лучше, чем в позиции 5.
7	8	Наиболее энергетически обеспеченный. Режим ожидания.

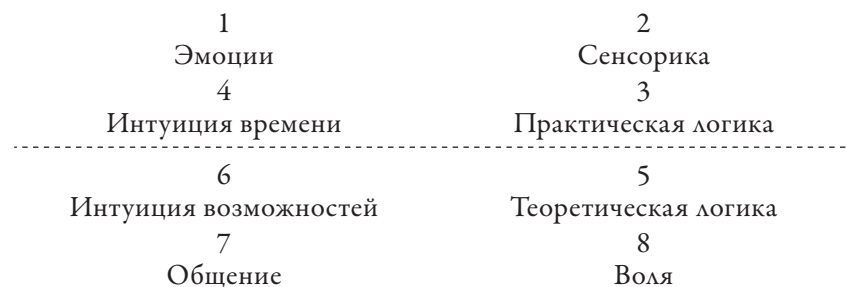
IV. ПОЗИЦИИ ЮНГОВСКИХ ПСИХИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ

Схема 4. Прием, переработка информации; реализация в соответствии с принятой и переработанной информацией

V. МОДЕЛИ А КВАДРЫ АЛЬФА

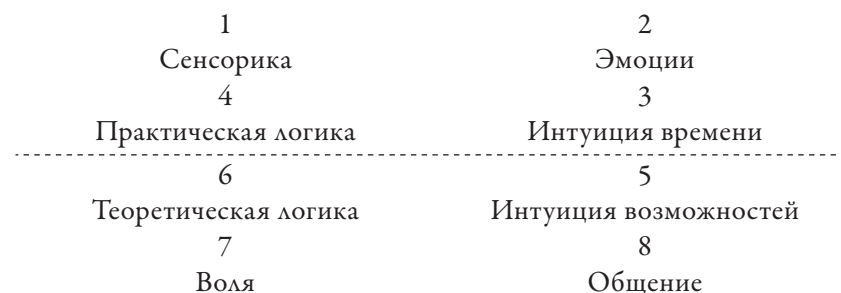
Схема 5. Холерик (Эмма)

Выводы из схемы 5 (по позициям)

1. Восприятие внешнего мира эмоциональное.
2. Успешен при взаимодействии с миром вещей.
3. Предъявляет себя как человека с сильной практической логикой.
4. Сложности во всем, что связано с временем.
5. Зависим по теоретической логике. Научные идеи, концепции оценивает по степени их признанности.
6. Стремится развить способности к быстрому принятию решений, пониманию возможностей человека.
7. В экстремальных ситуациях всплески эмоций регулируются (контролируются, ограничиваются) навыками общения.
8. В экстремальных ситуациях способен проявить сильную волю.

Схема 6. Флегматик (первая модель Ириды и Мирины, вторая модель Георга и Нины).

Выводы из схемы 6 (по позициям)

1. Восприятие внешнего мира сенсорное (хорошо ориентируется в мире вещей).

2. Реализуется по функции эмоций. Эмоции положительные.
3. Предъявляет себя окружающим по интуиции времени.
4. Непрактичен. Не силен в логических построениях.
5. Внушаем по интуиции возможностей. Нуждается в поддержке по функции в этой позиции. В условиях дефицита времени управляем.
6. Стремится развить в себе способность к абстрактному мышлению, к математике.
7. В экстремальных ситуациях интерес к миру вещей вытесняется волевой мобилизацией.
8. В экстремальных ситуациях становится активным в общении. Эмоции отступают на второй план.

Схема 7. Сангвиник (первая модель Настеса, Хосе, Юры; драконы)

1	2
Интуиция возможностей	Теоретическая логика
4	3
Общение	Воля
6	5
Эмоции	Сенсорика
7	8
Интуиция времени	Практическая логика

Выводы из схемы 7 (по позициям)

1. Воспринимает мир через интуицию возможностей. Быстро схватывает суть происходящего, книги, пьесы, фильма.
2. Реализуется по теоретической логике. Успешен в науке, в построении новых теорий, в открытиях.

3. Предъявляет себя окружающим по функции воли. Способен быть руководителем, но обычно не стремится к этому.
4. Часто создает сложности в общении. Любит спорить. Бывает задирист. Может задеть собеседника словом или шуткой.
5. Внушаем по сенсорике. Нуждается в поддержке при выборе одежды, в быту.
6. Стремится развивать свою эмоциональную сферу.
7. В экстремальных условиях способен предчувствовать, опираться на прошлый опыт.
8. В экстремальных условиях может проявить практическую сметку.

Схема 8. Меланхолик (первая модель Олега, Махаона, Виктории, вторая модель Настеса).

1	2
Теоретическая логика	Интуиция возможностей
4	3
Воля	Общение
6	5
Сенсорика	Эмоции
7	8
Практическая логика	Интуиция времени

Выводы из схемы 8 (по позициям)

1. Воспринимает мир на функцию теоретической логики. Принятую информацию подвергает анализу. Придя к логически обоснованному решению, свое мнение не меняет. Его считают поэтому упрямым.

2. Реализуется по интуиции возможностей. Быстро схватывает суть происходящего, книги, пьесы, фильма. Обладает ситуативным юмором.
3. Предъявляет себя окружающим по функции общения. Очень корректен, вежлив.
4. Воля в болевой точке. Слабость воли в какой-то мере компенсируется упрямством.
5. Внушаем по функции эмоций. Плохо переносит слезы, истерики окружающих, особенно детей. В подобных ситуациях идет на уступки.
6. Референтная функция — сенсорика. Стремится развить в себе способность взаимодействовать с миром вещей.
7. Ограничительная функция — практическая логика. Увлечение абстрактными идеями регулируется именно этой функцией.
8. В экстремальных ситуациях активизируется интуиция времени.

VI. МОДЕЛИ А КВАДРЫ БЕТА

Схема 9. Холерик (водяные)

1	2
Воля	Теоретическая логика
4	3
Общение	Интуиция возможностей
6	5
Эмоции	Интуиция времени
7	8
Сенсорика	Практическая логика

Выводы из схемы 9 (по позициям)

1. Внешний мир воспринимается через функцию воли. Окружающие оцениваются по этому качеству.
2. Реализуется по теоретической логике. Анализирует ситуации. Сочетание с сильной волей увеличивает жесткость.
3. Предъявляет себя по скорости принятия решений, пониманию возможностей окружающих.
4. Общение в болевой точке. Может быть грубым. В отношениях не всегда способен разобраться. В общении прямолинеен.
5. Внушаем по интуиции времени. Нуждается в поддержке во всем, что касается предвидения, учета прошлого опыта.
6. Придает значение развитию в себе эмоциональности.
7. Ограничительная функция — сенсорика. В экстремальных ситуациях способен учитывать конкретные ситуации и сдерживать волевой напор.
8. В экстремальных ситуациях активизирует практическую логику.

Схема 10. Флегматик (первая модель Мануэлы, Нерлианы, Аксайи)

1	2
Теоретическая логика	Воля
4	3
Интуиция возможностей	Общение
6	5
Интуиция времени	Эмоции
7	8
Практическая логика	Сенсорика

Выводы из схемы 10 (по позициям)

1. Окружающий мир воспринимает через теоретическую логику, рационально, аналитично и жестко.
2. Реализуется по волевой мобилизации.
3. Предъявляет себя по функции общения. Хорошо видит слабости окружающих, способен манипулировать людьми.
4. Медленно воспринимает новую информацию, любые изменения его напрягают.
5. Внушаем по функции эмоций.
6. Стремится к предвидению, предчувствиям.
7. В экстремальных ситуациях теоретическая логика вытесняется практической. Это смягчает жесткость, на первый план выступает идея пользы.
8. В экстремальных ситуациях сенсорики оттесняет волю. Лучше учитывает обстоятельства, использует отношения через предметы.

Схема 11. Сангвиник (первая модель Агилара, Кианы)

1	2
Эмоции	Интуиция времени
4	3
Сенсорика	Практическая логика
6	5
Воля	Теоретическая логика
7	8
Общение	Интуиция возможностей

Выводы из схемы 11 (по позициям)

1. Воспринимает окружающий мир эмоционально. Часто драматизирует ситуации.

2. Реализуется по интуиции времени. Помнит прошлое, способен к предвидению. Интерес к эзотерике.
3. Предъявляет себя по практической логике.
4. Болевая точка — взаимоотношение с миром вещей. Одевается просто, однообразно, но выглядит аристократично, так как предпочитает темные тона, в основном черный, и классический стиль. Ручной работы избегает.
5. Внушаем по теоретической логике. Это проявляется в тяге к сложным и запутанным теориям, особенно связанным с историей и эзотерикой.
6. Придает большое значение воле, стремится развивать волевые качества.
7. Относится к малообщительным экстравертам, но в экстремальных ситуациях легко схватывает истинные мотивы поступков и способен манипулировать людьми.
8. В экстремальных ситуациях активизирует быстроту реакции, понимание сути происходящего.

Схема 12. Меланхолик (вторая модель Юлианы, Лары; Ханны; мелкие)

1	2
Интуиция времени	Эмоции
4	3
Практическая логика	Сенсорика
6	5
Теоретическая логика	Воля
7	8
Интуиция возможностей	Общение

Выводы из схемы 12 (по позициям)

1. Очень интуитивен. Способен почувствовать настроение собеседника, его болевые ощущения, опасность, в том числе отдаленную и глобальную угрозу жизни многих людей. Яркая эмоциональная память о прошлых событиях.
2. Эмоционально восприимчив. Быстрые переходы от улыбки к слезам. Капризен, особенно когда не получает желаемого.
3. Умеет выбирать оптимальные варианты при покупке одежды и решении финансовых и бытовых проблем.
4. Непрактичен, что несколько смягчается достаточно сильной сенсорикой. Любит получать в практических вопросах поддержку.
5. Внушаем по функции воли. Ему нравится быть ведомым. Сильная интуиция времени позволяет ему избегать манипулирования со стороны окружающих.
6. Придает значение абстрактным идеям, стремится их понять.
7. В экстремальных условиях интуиция времени отесняется интуицией возможностей. В подобных ситуациях действует быстро и точно.
8. Относится к общительным интровертам, предпочитая камерное общение. В экстремальных ситуациях способен на общение с широкой аудиторией.

VII. МОДЕЛИ А КВАДРЫ ГАММА

Схема 13. Холерик (первая модель Лары и Ханны, вторая модель Марка, Мануэля, сержанта Вани, Коли и телепатического зомбировщика)

1	2
Воля	Общение
4	3
Теоретическая логика	Интуиция возможностей
6	5
Практическая логика	Интуиция времени
7	8
Сенсорика	Эмоции

Выводы из схемы 13 (по позициям)

1. Способен к сильной волевой мобилизации, воздействию на окружающих.
2. Умеет общаться как в камерном, так и в массовом варианте, соблюдая оптимальную дистанцию и оставаясь самим собой.
3. Достаточно быстро реагирует на происходящее, схватывает суть событий.
4. Абстрактное мышление — не самая сильная его сторона. Способен совершать спонтанные алогичные поступки, о которых потом жалеет.
5. Внушаем по интуиции времени. По этой функции нуждается в поддержке.
6. Стремится быть практичным.
7. В экстремальных ситуациях воля ограничивается пониманием ситуации, учетом конкретики.

8. В экстремальных ситуациях способен проявить высокий уровень эмоциональности.

Схема 14. Флегматик (первая модель Алкесты, вторая модель Виктории)

1	2
Общение	Воля
4	3
Интуиция возможностей	Теоретическая логика
6	5
Интуиция времени	Практическая логика
7	8
Эмоции	Сенсорика

Выводы из схемы 14 (по позициям)

1. Воспринимает окружающих через функцию общения. Высокие требования к соблюдению нравственных правил. Сам стремится быть на высоте в этом плане.
2. Реализуется по функции воли. Волевой контроль над близкими и подчиненными осуществляет по интровертному варианту: постоянное неявное давление с элементами воздействия на подсознание.
3. Способен к технической и финансовой деятельности.
4. Теряется в ситуациях, когда необходимо принимать быстрое решение.
5. Нуждается в поддержке по практической логике.
6. Стремится быть интуитивным.
7. В экстремальных ситуациях может выдавать сильные эмоциональные всплески, забывая о соблюдении пра-

вил общения. Иногда такие всплески бывают разрушительными.

8. В экстремальных ситуациях активизирует сенсорную. Необходимость постоянно заниматься сенсорными делами (мытьё посуды, приготовление пищи, уборка, шитьё, ремонт техники) его напрягает.

Схема 15. Сангвиник (первая модель Эвриала, Жоры, Мануэля, вторая модель Махаона, Агилара, Мануэлы, Ириды, Юры; драконы)

1	2
Практическая логика	Интуиция времени
4	3
Сенсорика	Эмоции
6	5
Воля	Общение
7	8
Теоретическая логика	Интуиция возможностей

Выводы из схемы 15 (по позициям)

1. Обладает ярко выраженными способностями к менеджменту.
2. На интуитивном уровне улавливает тенденции в развитии событий.
3. Предъявляет себя по функции эмоций, демонстрируя симпатию к друзьям и лицам противоположного пола.
4. Сенсорика в болевой точке. В одежде и еде неприхотлив.
5. Внушаем по функции общения. Теряется в незна-

комой обстановке, в таких случаях охотно следует подсказкам.

6. Стремится тренировать волю.
7. Способен при необходимости к абстрактному мышлению.
8. В экстремальных ситуациях активизирует интуицию возможностей, быстро принимает оптимальные решения.

Схема 16. Меланхолик (Онни, вторая модель Хосе; драконы)

1	2
Интуиция времени	Практическая логика
4	3
Эмоции	Сенсорика
6	5
Общение	Воля
7	8
Интуиция возможностей	Теоретическая логика

Выводы из схемы 16 (по позициям)

1. Обладает сильной и глубокой интуицией. Хорошо помнит прошлое, предвидит развитие событий.
2. Реализуется по практической логике.
3. Предъявляет себя по сенсорике. Способен выполнять работу, требующую ручных навыков, при этом опирается не столько на общепринятые стандарты, сколько на собственную интуицию.
4. Эмоционально невыразителен.

5. Внушаем по функции воли. Легко подпадает под влияние волевых людей, но благодаря сильной интуиции времени и практической логике, как правило, не допускает манипуляций.
6. Придает большое значение общению, накапливает опыт в этой области, как свой, так и окружающих или зафиксированный в исторических и художественных произведениях.
7. В экстремальных ситуациях интуиция времени оттесняется интуицией возможностей. В таких случаях быстро принимает решения, схватывая суть происходящего.

VIII. МОДЕЛИ А КВАДРЫ ДЕЛЬТА

Схема 17. Холерик (вторая модель Эвриала и Жоры)

1	2
Практическая логика	Сенсорика
4	3
Интуиция времени	Эмоции
6	5
Интуиция возможностей	Общение
7	8
Теоретическая логика	Воля

Выводы из схемы 17 (по позициям)

1. Воспринимает мир через идею пользы.
2. Реализуется по сенсорике. Способен выполнять любую работу в области техники.
3. Эмоционально сдержан, демонстрирует дружелюбие.

4. Проблемы с временем. Интуицию времени в болевой точке компенсирует расчетом, наличием карт, расписаний рейсов.
5. Внушаем по функции общения. Это проявляется в основном в строгом следовании правилам, принятым в его среде, в том числе корпоративным.
6. Стремится развивать интуицию возможностей.
7. В экстремальных ситуациях практичность ограничивается способностью подняться над ситуацией.
8. В экстремальных ситуациях активизирует функцию воли.

Схема 18. Флегматик (первая модель Евы и Коли; мельничный)

1	2
Сенсорика	Практическая логика
4	3
Эмоции	Интуиция возможностей
6	5
Общение	Интуиция времени
7	8
Воля	Теоретическая логика

Выводы из схемы 18 (по позициям)

1. Очень сенсорен. Способен к изобразительному искусству, шитью, вышиванию, инженерно-технической деятельности. Стремится к совершенству всего, что создается его руками.
2. Практичен.

3. Предъявляет себя по интуиции времени. Обычно старается показать, что услышанное им ему известно: «Да, я об этом читал. Да, я знаю. Слышал».
4. Слабые эмоции, неуверенность в себе в этом плане компенсирует хорошим вкусом в одежде. Немного словен.
5. Внушаем в ситуациях дефицита времени.
6. Стремится совершенствовать общение, следуя общепринятым нормам.
7. В экстремальных ситуациях активизирует волю, ограничивая свои проявления по сенсорике.
8. В экстремальных ситуациях способен к абстрактному мышлению, к выходу за рамки идеи пользы.

Схема 19. Сагвиник (первая модель Георга, вторая модель Мирины и Эммы; драконы)

1	2
Интуиция возможностей	Общение
4	3
Теоретическая логика	Воля
6	5
Практическая логика	Сенсорика
7	8
Интуиция времени	Эмоции

Выводы из схемы 19 (по позициям)

1. Быстро схватывает происходящее, суть собеседника, книги, фильма.
2. Успешен в общении.

3. Способен к волевому воздействию на окружающих, но такие воздействия спонтанны, не рассчитаны на длительное время.
4. Слабость абстрактного мышления компенсируется интуицией возможностей.
5. Внушаем по сенсорике. Благодаря высокому уровню общих способностей, легко обучается всему, что ему необходимо в этой области. Охотно следует советам более знающих.
6. Стремится развивать практическую логику.
7. Интуиция времени в экстремальных ситуациях оттесняет интуицию возможностей на второй план. Его считают везучим, поскольку в сложных условиях способен предвидеть развитие событий.
8. В экстремальных ситуациях активизирует функцию эмоций и добивается своего.

Схема 20. Меланхолик (первая модель сержанта Вани, вторая модель Алкесты и Евы; речная нимфа Аретуса)

1	2
Общение	Интуиция возможностей
4	3
Воля	Теоретическая логика
6	5
Сенсорика	Практическая логика
7	8
Эмоции	Интуиция времени

Выводы из схемы 20 (по позициям)

1. Воспринимает информацию из внешнего мира на функцию общения. Ценит внимание к себе. Готов посочувствовать.
2. Реализуется по интуиции возможностей, быстро ориентируется в том, кто и чем сможет ему помочь в сложных обстоятельствах.
3. Способен к абстрактному мышлению, к выполнению инженерной, конструкторской, финансовой работы.
4. Обладает слабой волей. Легко подчиняется более волевым людям, обстоятельствам.
5. Внушаем по практической логике. Нуждается в поддержке по этой функции.
6. Стремится развивать сенсорiku.
7. В экстремальных ситуациях может выдавать эмоциональные всплески, плачем, жалобами, упреками добиваясь желаемого результата.
8. В экстремальных ситуациях активизирует интуицию времени, предвидит развитие событий.

[illegible][illegible]

[illegible]